Рубакин НА

Ничего с нами не поделаешь

2 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦГ7
Р845₂

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

4631 Рубакин, И.А.

Рубакин.
Ничего с нами не поделаешь!
Экз.

...ПОДѢЛАЕШЬ!

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ЖИЗНИ РАБОЧИХЪ

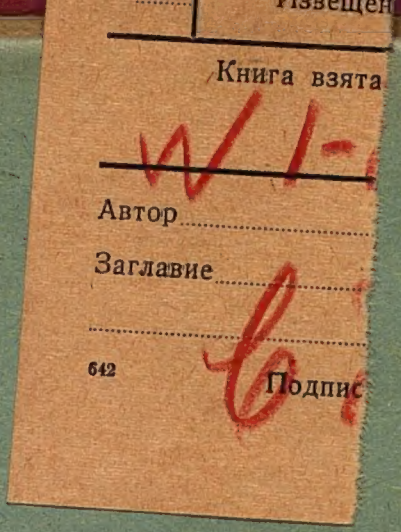
СЕРГѢЯ НЕКРАСОВА.

Изданіе третье.

Цѣна 1 р. 50 к.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ

1905 г.


Извещен
Книга взята
Автор
Заглавие
642
Подпис

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

4634 Рубакин, Н.А.

НИЧЕГО СЪ НАМИ НЕ ПОДѢЛАЕШЬ!

ЦГ7 Р845а

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ЖИЗНИ РАБОЧИХЪ

СЕРГѢЯ НЕКРАСОВА.

Изданіе третье.

Цѣна 1 ф. 50 с.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ

1905 г.

№ ..... Извещен

Библиотека ИМЭЛ

83
2000

Библиотека ИМЭЛ
Ц12212у
ЦГ7
Р845₂

НИЧЕГО СЪ НАМИ НЕ ПОДѢЛАЕШЬ.

ГЛАВА I.

Жандармскій полковникъ Михаилъ Петровичъ Змѣевидовъ проснулся въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Правда, въ головѣ у него немножко шумѣло, зато на душѣ было хорошо—даже очень хорошо, словно послѣ какого-то радостнаго событія. Змѣевидовъ зѣвнулъ, потянулся, потомъ сталъ припоминать, что же такое съ нимъ было вчера? Гдѣ онъ былъ? Ахъ, да, въ городскомъ клубѣ... Игралъ въ карты... Съ нимъ играли правитель губернаторской канцеляріи Мурзакевичъ, исправникъ Блохинъ Сергѣй Михайловичъ, а кромѣ нихъ еще извѣстный богачъ и фабрикантъ Савелій Никитичъ Живодерниковъ, предсѣдатель правленія акціонернаго общества Веселухинской мануфактуры. Играли „по большой". Играли съ 8 час. веч. до 4 час. утра. Изъ-за картъ вставали за все это время только одинъ разъ, — именно ради ужина. „Ну, и ужинъ былъ, чортъ возьми! На этотъ разъ Живодерниковъ не поскупился и угостилъ на славу! Особенно хороши были фазаны съ артишоками, и этотъ... какъ его... такое кухмистерское названіе... Ну, да все равно,—что-то изъ стерлядей... Майонезъ, да маседуанъ, да шампанское, шампанское и еще шампанское. Финь-шампань настоящее! И что сдѣлалось съ Живодерниковымъ? Эти купцы всегда такъ: жмутся, жмутся и вдругъ раскатятся. Живодерниковъ—выжига и маклакъ извѣстный, а тутъ вдругъ разошелся,—даже замучилъ своими угощеніями... Ужъ навѣрное тутъ что нибудь не спроста..."

Змѣевидовъ еще потянулся разокъ, закурилъ сигару и сталъ снова вспоминать вчерашнее. „Д-да, вчера... ужъ мы пили, пили...пили, а потомъ опять играли. Ну,

9й 090

ужъ и игра! Кровь отъ такой игры чувствуешь...особенно, когда карта идетъ да идетъ. Какъ это хорошо,—карта идетъ, а противникъ плошаетъ. Эта жирная бестія Живодерниковъ—не винтеръ, а сапожникъ. Всѣ выиграли, онъ одинъ проигралъ. И подѣломъ ему! Нужно же быть такимъ дуракомъ, чтобы продуть намъ въ одинъ вечеръ 8.000 руб. Впрочемъ Живодерниковъ былъ вчера что-то сильно не въ духѣ,—можетъ быть, оттого и проигралъ... А можетъ быть, и нарочно? Можетъ быть, насъ смазать хочетъ: „вы всѣ люди для меня нужные“. А, да ну его къ бісовой матери,—мнѣ то что?“

Змѣевидовъ еще разъ пріятно потянулся, сѣлъ на кровать и сталъ облачаться. Онъ облачался медленно степенно, напѣвая сквозь зубы пѣсенку: „Маргарита, бойся увлеченья!“ Пѣсенка какъ нельзя лучше соотвѣтствовала его игривому настроенію. О женѣ и дѣтяхъ, которыя уѣхали далеко—„на воды“,— Змѣевидовъ не думалъ. Покачиваясь на своихъ длинныхъ ногахъ, заложивъ „ручки въ брючки“, Змѣевидовъ былъ очень похожъ на ножницы. Онъ подошелъ къ письменному столу, выдвинулъ ящикъ и, доставъ оттуда бумажникъ, принялся считать деньги. Императрица Екатерина смотрѣла съ этихъ бумажекъ на Змѣевидова очень ласково и словно улыбалась ему, да еще такъ пріятно. А золото въ бумажникѣ звенѣло еще пріятнѣе. Двѣ съ половиною тысячи рублей, это, чортъ возьми, деньги! Казна щедра, щедра для нашего брата—жандарма и платитъ намъ отличное жалованье, да еще и доходы даетъ „безгрѣшные“, а за одинъ вечеръ отъ нея все же столько не заработаешь. Такихъ денегъ на приданое дочери хватитъ... „Маргарита, бойся увлеченья! Маргарита, бойся увл...“

— Ваше высокоблагородіе! Ваше высокоблагородіе! — вдругъ перебилъ Змѣевидова его слуга Мартыновъ, просовывая голову въ дверь.—Унтеръ-офицеръ Нососуевъ пришелъ!—говоритъ, неотложное дѣло.

Змѣевидовъ поморщился.

— Ну, что тамъ еще? Вѣдь сказано было этому Но-

сосуеву, чтобы онъ не являлся съ докладомъ ко мнѣ, а чтобы писалъ все въ „дневникъ“.

Сквозь полуотворенную дверь уже виднѣлась фигура Нососуева. Это былъ высокій, бравый унтеръ-офицеръ, широкоплечій, дюжій, съ змѣиными разбѣгающимися глазами.

— Ну, что тебѣ?—сердито спросилъ его Змѣевидовъ. —Что такое случилось?

— Ваше высокоблагородіе, на Веселухинской мануфактурѣ народъ бунтуетъ,— отрапортовалъ Нососуевъ, пролѣзая въ комнату.

Змѣевидовъ встрепенулся и насторожилъ уши.

— Что? На Веселухинской мануфактурѣ бунтъ? Не можетъ этого быть!

— Я и самъ такъ думалъ, ваше высокоблагородіе, потому тамъ народъ совсѣмъ дохлый и въ худомъ тѣлѣ. А вотъ бунтуетъ.

Змѣевидовъ поморщился еще сильнѣе и принялся шагать по комнатѣ. Прошло нѣсколько минутъ. Нососуевъ стоялъ передъ начальствомъ, а Змѣевидовъ все шагалъ да шагалъ.

— Опять эти рабочіе,—думалъ онъ про себя. Вотъ подлецы и разбойники! Съ ними совсѣмъ нѣтъ сладу. Только вчера былъ полученъ новый „строжайшій“ приказъ отъ начальства изъ С.-Петербурга, чтобы за фабричнымъ людомъ смотрѣть особенно строго, мало-мальски подозрительныхъ рабочихъ, особенно тѣхъ, которые читаютъ ученыя книги, обыскивать и хватать безъ всякой поблажки. Нужды нѣтъ, что такого закона еще не издано: велѣно дѣйствовать безъ закона, по одному приказанію начальства. И вѣдь такіе приказы приходится жандармскимъ полковникамъ получать чуть не каждый мѣсяцъ, и пишутся они все строже и строже, для исполненія „неукоснительнаго“, „немедленнаго“, „неотложнаго“. Еще недавно было велѣно увеличить число шпіоновъ на каждой фабрикѣ и завести вновь, гдѣ ихъ еще не было. Еще недавно на каждой фабрикѣ заведены особые урядники и городовые, на помощь сы-

щикамъ... Велѣно кромѣ того платить побольше тѣмъ рабочимъ, которые „состоятъ на жалованьи“ и „доносятъ“. И деньги на это присланы изъ казны и все сдѣлано, какъ приказано. Вотъ только рабочимъ „на жалованьи“ не платимъ столько же, сколько прежде, но вѣдь они и безъ того должны доносить, а жалованье ихъ—все же экономія въ жандармскую пользу,—дѣтишкамъ на молочишко хватитъ. Ну, да эти деньги пустяки,—говорить о нихъ не стоитъ... А сколько народу ужъ взято и выслано,—и ничего, ничего не помогаетъ: вѣдь если такіе приказы изъ Петербурга пишутъ по нѣсколько разъ въ году,—значитъ, рабочее движеніе разгорается не на шутку. Правительство его боится какъ и крестьянскихъ бунтовъ, и даже больше всякихъ другихъ движеній. „Бунтующіе господа“ правительству не такъ страшны: почти всѣ они на виду, ихъ бояться нечего. А вотъ рабочіе дѣйствительно страшны. Съ ними справляться нужно умненько и осторожно. Эти прутъ, прутъ, добиваясь своего, — съ ними сладу нѣтъ. О! чтобъ провалиться сквозь землю всѣмъ этимъ фабричнымъ... Впрочемъ, нѣтъ,—зачѣмъ же проваливаться? Изъ-за нихъ намъ жалованье платятъ и награды даютъ...“

Змѣевидовъ сильно втянулъ воздухъ носомъ, словно желалъ унюхать, не пахнетъ-ли гдѣ наградой и повышеніемъ и на этотъ разъ. „Мѣсяца два тому назадъ „бунтовалъ“ желѣзный заводъ братьевъ Цыкиныхъ; буяны разгромили фабричную лавку и избили директора. Ну, да съ этими скоро расправились казаки нагайками, губернаторъ, по тайному приказу министра вн. дѣлъ и съ разрѣшенія самого царя, какъ слѣдуетъ выпоролъ человѣкъ сто. Этихъ успокоили. Недавно бунтовала бумагопрядильная фабрика Завитляевыхъ. И съ этой раздѣлались: постращали, пообѣщали, посулили, — и дохлый народъ сдался. Послѣ этого была „исторія“ на „ткацкой“, послѣ нея на „лѣсопильномъ“. Одна „исторія“ за другой, словно дождь. А тутъ не угод-

но-ли, — ужъ не спокойна Веселухинская мануфактура...“

— Н-ну-съ, что же такое случилось на Веселухинской мануфактурѣ?... Разсказывай, какъ тамъ бунтуютъ? Сильно?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе!—отвѣчалъ Нососуевъ.

— Ломаютъ машины? жгутъ? Разносятъ контору, лавку, отдѣленія?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе!

— Дерутся? Не пускаютъ работать другихъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе!

— Такъ что же они такое дѣлаютъ? Собрались скопомъ? Шумятъ? Галдятъ? Угрожаютъ начальству? Толпятся вокругъ директорскаго дома, какъ тогда на Завитляевской? Сколько ихъ тамъ?

— Ни единаго человѣка, ваше высокоблагородіе!

— Дуракъ! какъ же они бунтуютъ, когда ихъ ни единаго человѣка?

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе! Ни единаго человѣка, а только все-же бунтуютъ.

— Это еще что за новости?! воскликнулъ Змѣевидовъ. — Опъ ужо начиналъ злиться. — Говори же толкомъ, что случилось?...

— Бунтъ, ваше высокоблагородіе. Во всей Веселухинской мануфактурѣ пусто. Тихо и смирно совсѣмъ, какъ въ царскіе дни въ манежѣ. Ни одинъ человѣкъ на работу не вышелъ. Всѣ по домамъ остались, даже бабы... Съ пятичасовой смѣны это: та ушла, а другая не вышла. Дворникъ сказывалъ: идутъ мимо дворницкой, да такъ смѣшкомъ низко ему кланяются: „Прощай, Акимъ Иванычъ! Съ праздникомъ“. Вона съ какимъ праздникомъ поздравили!

—Кто кланялся? Кто поздравлялъ? Какъ они смѣли кланяться и поздравлять? загорячился Змѣевидовъ.— Записаны эти?

— Записаны! А одинъ такъ дворнику даже листокъ

отдалъ: „Возьми, говоритъ, Акимъ Иванычъ. Намъ это не надо. Мы читали! Можетъ тебѣ пригодится?“

Змѣевидовъ хотѣлъ было закричать: „Ахъ онъ негодяй, ахъ каналья! Какъ онъ смѣлъ давать листокъ?!“ да опомнился и сказалъ Носоусову:

— Листокъ? Давай его сюда, этотъ листокъ!

Нососуевъ подалъ Змѣевидову полулиста писчей бумаги, на которомъ было написано большими печатными буквами:

„Товарищи! Завтра, 12 мая, на работу не выходите. Довольно изъ насъ соки вытягивали. Довольно насъ обманывали, жали и притѣсняли. Пора взяться за умъ. Если мы сами себѣ не поможемъ, то намъ никто не поможетъ. Поймите и запомните это хорошенько. Мы должны сами, своими средствами улучшить свое житье-бытье, а для этого поднять свои заработки. Фабрика даетъ хозяевамъ хорошій доходъ, потому что казна, въ угоду фабрикантамъ наложила на заграничные товары большую таможенную пошлину, чтобы у русскихъ фабрикантовъ соперниковъ не было на русскихъ рынкахъ, фабриканты поэтому цѣны на свои товары подняли, а хозяева наши намъ такъ и не увеличиваютъ расцѣнокъ. Они съ помощью всякихъ обмановъ и подходовъ даже уменьшаютъ его, благо законы и начальство на ихъ сторонѣ, отнимаютъ у каждаго изъ насъ по нѣскольку копѣекъ въ день и по нѣскольку рублей въ мѣсяцъ. Такимъ способомъ съ помощью правительства хозяева богатѣютъ, а мы бѣднѣемъ и живемъ впроголодь, кое-какъ. Товарищи, постоимъ за свое! Пусть хозяева отдадутъ намъ то, что наше. Три недѣли тому назадъ мы писали хозяевамъ письмо и просили исполнить наши требованія. А отъ нихъ никакого отвѣта не было,—только инспекторъ поговорилъ кое съ кѣмъ безъ всякаго толку. Значитъ, время пришло поговорить съ хозяевами инымъ способомъ. Забастуемъ дружно, всѣ до единаго, и станемъ бастовать до тѣхъ поръ, пока все не будетъ сдѣлано по нашему. Не выйдемъ на работу 12 мая. Другихъ нашихъ разгово-

ровъ вѣдь не слушаютъ, а нашихъ стоновъ и слушать не хотятъ, а нашего тяжелаго житья видѣть не желаютъ. Забастуемъ же, товарищи, дружно, всѣ до одного! Съ господами фабрикантами только и можно разговаривать такимъ способомъ!

„Мы требуемъ:

1) Чтобы расцѣнки въ ткацкомъ отдѣленіи были повышены на 5 процентовъ, а въ ситценабивномъ на 3 процента.

2) Чтобы расцѣнку на невыгодные сорта повысили на 10 процентовъ, а работали бы эти сорта въ перемежку съ выгодными.

3) Чтобы гнилую пряжу ткачамъ не давали, потому что отъ этой пряжи заработокъ ткача сталъ въ два раза меньше.

4) Чтобы зря не браковали товаръ, а вели бы это дѣло по справедливости.

5) Чтобы по субботамъ и наканунѣ праздниковъ кончали работу въ 2 часа.

6) Чтобы уборка и чистка машинъ входили въ рабочее время.

7) Чтобы въ красильномъ отдѣленіи устроили вентиляцію.

8) Чтобы получка тоже входила въ рабочее время.

9) Чтобы мастеръ Мясоѣдовъ былъ смѣщенъ.

„Товарищи! Теперь время горяче: заказы большіе и спѣшные. Время для нашего дѣла самое удобное. Надо имъ пользоваться. Мы, ткачи и подручные, рѣшили 12 мая на работу не выходить. Наше дѣло—общее дѣло! Товарищи! Мы ждемъ вашей поддержки!

„Ткачи-рабочіе Веселухинской мануфактуры.
10 мая 1901 года“.

Змѣевидовъ прочелъ листокъ и презрительно и зло усмѣхнулся.

— Все тоже самое! Всѣ листки на одинъ ладъ! Новаго и придумать ничего не могутъ.

— Дѣйствуетъ, ваше высокоблагородіе!—сказалъ Нососуевъ.

— Дѣйствуетъ! дѣйствуетъ! закричалъ онъ на Нососуева.—Оттого листки и дѣйствуютъ, что вы бездѣйствуете. Три недѣли тому назадъ контора письмо отъ рабочихъ получила, а я объ этомъ ничего и не знала! Это чертъ знаетъ что! Отчего мнѣ никто не сказалъ объ этомъ? Гдѣ вы всѣ были? Цѣлыхъ три недѣли на фабрикѣ ужъ разговоры идутъ, а вы ничего и не знаете! Превосходно! Великолѣпно!

Нососуевъ смутился.

— Гдѣ же узнать, ваше высокоблагородіе! Насъ двое: Лампасовъ да я, да два урядника, да 8 агентовъ, а ихъ 5000 человѣкъ. Мы и то стараемся. За всѣми не усмотришь. Они вѣдь насъ за своихъ враговъ считаютъ, словно мы не русскіе и не царевы слуги. Да нонче и народъ хитрѣе сталъ. Ходишь-ходишь, говоришь-говоришь. Извѣстно, народъ жалуется на житье. Эти жалобы каждый день слышишь; а какъ ихъ тамъ разобрать, жалуется онъ или бунтуетъ, зря говоритъ или готовитъ тамъ что?

— Плохо слушаете! Если человѣкъ жалуется, значитъ, изъ него прока не будетъ, значитъ, это будущій бунтовщикъ.

— Всѣ жалуются, ваше высокоблагородіе.

— Значитъ, всѣ они и бунтовщики.

— За всѣми не усмотришь, ваше высокоблагородіе. На каждыхъ 20 человѣкъ нужно по жандарму да по агенту приставить, да и тогда всего не узнаешь...

Змѣевидовъ кипятился все больше и больше. Его особенно злило то, что противъ Нососуевскихъ доводовъ и сказать ничего невозможно. Гдѣ ужъ тутъ услѣдить за всѣми, особенно, когда люди знаютъ, что за ними слѣдятъ, а въ случаѣ чего ихъ и въ кутузку могутъ посадить. А все же такъ нельзя! Нужно слѣдить и слѣдить...

— Когда листки были раскиданы?

— 10-го вечеромъ.

— Много?

— Много.

Змѣевидовъ затопалъ ногами.

— Чортъ васъ тамъ всѣхъ возьми. И чего вы тамъ только смотрите! Что дѣлаютъ эти безмозглые агенты! Жалованье только получаютъ даромъ. Чего вы смотрите? Гдѣ листки? Сколько въ вашихъ рукахъ?

Нососуевъ мялся.

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе. Наши говорятъ, что много разобрано рабочими...

— Кто бралъ? Чего не смотрѣли? Чего не обыскивали? Идіоты! ослы!

— Гдѣ жъ отыщешь, ваше высокоблагородіе! Онъ норовитъ въ такое мѣсто засунуть, что и не вытащишь. И у воротъ обыскиваютъ, да ничего не находятъ.

— А письмо рабочихъ гдѣ?

— Конторщики сказывали, инспекторъ взялъ.

„Я такъ и зналъ!“ подумалъ про себя Змѣевидовъ. „Эти инспектора всегда у насъ на дорогѣ, словно какая держава особенная“.

— Но вѣдь разговоры о письмѣ и о листкахъ были же? спросилъ онъ у Нососуева.—Что-же ихъ плохо слушалъ? Такія дѣла безъ совѣщаній и разговоровъ не дѣлаются.

— Никакихъ разговоровъ, ваше высокоблагородіе, не было. Только вотъ унтеръ-офицеръ Лампасовъ сказывалъ, что слесарь Вологдинъ крестины справлялъ и у него гости были... Это правда, ваше высокоблагородіе, — Вологдину, дѣйствительно, богъ сына послалъ.

— Дуракъ! И этого толкомъ сказать не можешь! Причемъ тутъ богъ, что однимъ будущимъ бунтовщикомъ на свѣтѣ стало больше? И крестины только для отвода глазъ... Кто былъ на крестинахъ?

— Шестнадцать человѣкъ было. Всѣ записаны въ „дневникъ“ у Лампасова.

— Кто такіе?

— Всѣхъ не упомню... Былъ машинистъ Кораблевъ, ткачи: Сидоровъ, Липаренко и Кузьминъ, слесари: Житецкій, Зальштейнъ и Говорко, подручные Аксюкъ и

Сладовъ, отбѣльщикъ Ивановъ и эта красивая вострука Марья Миронова... Пиво пили... три дюжины...

Змѣевидовъ даже вскочилъ отъ бѣшенства.

— Что вы тамъ смотрите! И что вы только смотрите! Правду говорятъ про насъ и про полицію, что мы почти ничего не знаемъ и живемъ одной глупостью арестованныхъ... Кораблевъ, Житецкій, Ивановъ,—да вѣдь всѣ эти люди у насъ давнымъ давно на примѣтѣ! И ихъ упустили! Нужно было тогда же обыскъ сдѣлать у нихъ, а то и забрать ихъ! Какія тутъ, чортъ, крестины! Это просто-напросто заговорщики. Ишь подобрались, — одинъ къ одному! Навѣрное ужъ тутъ были и Михневичъ съ Завойко?

— Никакъ нѣтъ,—они съ недѣлю какъ уѣхали,—расчетъ взяли.

— Ну, хоть это хорошо! Это два извѣстные бунтовщика-агитатора, а главное, такіе ловчаки навѣрное свои дѣла дѣлаютъ тонко,—я ужъ это чувствую..—и не попадаются. Сегодня ночью нужно быть готовыми: у Вологдина и у тѣхъ шестнадцати будемъ дѣлать обыски. Я объ этомъ доложу, кому слѣдуетъ...

— Слушаю-съ! Приставъ и исправникъ уже на фабрикѣ, инспекторъ тоже. Поджидаютъ ваше высокоблагородіе.

— Мартыновъ! закричалъ Змѣевидовъ своему деньщику.—Мыться! одѣваться! живо!...

ГЛАВА II

Веселухинская мануфактура—самая большая фабрика Ободранскаго уѣзда. Она находится въ одной верстѣ отъ города Ободранска, между этимъ городомъ и фабричной слободой, гдѣ живетъ большинство веселухинскихъ рабочихъ, платящихъ по 3 рубля за прескверный уголъ въ какой-нибудь конурѣ. Четыре громадныхъ корпуса фабрики вытянулись по берегу рѣчки Веселухи двумя рядами; направо — два ткацкихъ корпуса, на-

лѣво — бумагопрядильная и набивная. Между этими рядами корпусовъ разстилается огромный фабричный дворъ, раздѣленный какъ-бы на отдѣлы двумя кочегарками и пристройкой, гдѣ помѣщается главная паровая машина. Желѣзныя рѣшетки съ воротами огораживаютъ дворъ съ двухъ сторонъ. Надъ фабричными корпусами со двора поднимаются массивныя 25-тисаженныя трубы. Изъ этихъ трубъ по временамъ вылетаютъ черныя густыя тучи дыма и дугою подымаются къ небу. Фабрика стоитъ на отлогомъ холмѣ. Со степи ее видно верстъ за 6, а ночью еще дальше. Огромныя полукруглыя окна машиннаго отдѣленія блестятъ издали, словно глаза какого-то чудовища, которое и гудитъ, и стонетъ, и громыхаетъ. Въ открытыя окна несется стукъ и грохотъ ткацкихъ станковъ, лязганье ремней, шипѣніе пара, грузное попыхиваніе огромной паровой машины. Тысячи людей стоятъ у станковъ и машинъ, сотни ихъ суетятся и копошатся на дворѣ и у товарныхъ складовъ, вытянувшихся за корпусами, и у желѣзнодорожныхъ станцій подъѣзднаго пути, которымъ такъ гордится и кичится Живодерниковъ.

По другую сторону рѣки Веселухи, за мостомъ, раскинулся настоящій фабричный городокъ. Поближе къ фабрикѣ вытянулись трехъ-этажныя рабочія казармы; рядомъ съ ними, утопая въ зелени, ютятся домики директора фабрики, инженеръ-технолога Зубалова, его помощника Максименко, прочихъ инженеровъ, механиковъ, колористовъ, бухгалтеровъ, конторщиковъ и всякихъ иныхъ служащихъ; рядомъ съ этими домиками больница и школа, при которой помѣщается и народная читальня. Живодерниковъ нерѣдко любитъ похвастать своей школой и читальней и разсуждаетъ о нихъ, какъ очень либеральный человѣкъ, несогласный со взглядами правительства, которое всячески задерживаетъ народное образованіе, а онъ, Живодерниковъ, отъ всего нутра сочувствуетъ ему... За школой и читальней, въ обширномъ паркѣ, на берегу искусственнаго пруда высится домъ самого Живодерникова. Это не домъ, а скорѣе дворецъ,

напоминающій какой-то королевскій замокъ былыхъ временъ, съ башнями, зубцами и фигурнымъ крыльцомъ, похожимъ на мостъ, со статуями великановъ, поддерживающихъ зимній балконъ съ зеркальными окнами, остроконечной блестящей крышей, на которой сіяетъ посеребренный драконъ. И на фабричномъ дворѣ, и у воротъ, и вокругъ дома хозяина развѣшаны электрическіе фонари. По ночамъ отъ этихъ фонарей надъ фабрикой играетъ бѣлое зарево.

Савелій Никитичъ Живодерниковъ, предсѣдатель правленія и главный воротила всей акціонерной компаніи, очень гордится благоустройствомъ Веселухинской мануфактуры. Во-первыхъ, гордится онъ ею потому, что она даетъ ежегодно болѣе милліона рублей чистаго дохода, изъ котораго не малая толика попадаетъ и на его долю, какъ главнаго акціонера. Затѣмъ онъ гордится тѣмъ почетомъ и уваженіемъ, который доставила ему набитая мошна и всѣми признанная его ловкость, изворотливость и нюхъ среди нижегородскихъ биржевиковъ-тузовъ. Онъ гордится и „своею любовью къ просвѣщенію“, и „любовью къ рабочему люду“, столь наглядно выраженною тою тысячью рублей, какая ежегодно идетъ изъ фабричной кассы на содержаніе школы и читальни, не затрагивая, впрочемъ, ни на одинъ грошъ тридцатитысячнаго годового жалованья Савелія Никитича. Когда ему приходится говорить съ министромъ Витте и хлопотать у того о повышеніи пошлинъ на заграничные мануфактурные товары, ради поддержки такимъ способомъ всероссійской, а значитъ, и живодерниковской промышленности, онъ всегда говоритъ министру: „Если намъ, фабрикантамъ, будетъ хорошо, то и рабочимъ будетъ хорошо, и казнѣ хорошо, и царю хорошо, и Россіи хорошо, и всѣмъ хорошо“. И въ подтвержденіе этихъ своихъ словъ, Савелій Никитичъ всегда указываетъ на свою благоустроенную фабрику, на которой “всѣ всегда довольны“ и гдѣ „никогда не было и быть не можетъ никакихъ недоразумѣній“, „потому что рабочіе

для меня тѣ же люди, и я самъ такой же простой рабочій человѣкъ". Министръ Витте очень цѣнитъ Савелія Никитича и даже сдѣлалъ его коммерціи совѣтникомъ и кавалеромъ разныхъ орденовъ. Цѣнитъ его и губернаторъ, и самъ министръ внутреннихъ дѣлъ, цѣнятъ его и акціонеры, которые, что ни годъ, то получаютъ съ каждой сторублевой акціи, ничего не дѣлая, по 35 рублей чистаго дохода, а съ каждой тысячерублевой бумаги 350 рублей. Акціи Веселухинской мануфактуры стоятъ на биржѣ отлично, потому что всякій денежный человѣкъ добивается случая получать, ничего не дѣлая, хорошій доходъ съ Веселухинской мануфактуры и жить на него въ свое удовольствіе, тоже ничего не дѣлая. Чтобы насытить и накормить акціонеровъ (а ихъ почти три сотни), Савелій Никитичъ не жалѣетъ своихъ трудовъ и ума, дорожитъ каждой копѣечкой и даже грошикомъ, зорко смотритъ, чтобы въ расцѣнкахъ, висящихъ на стѣнѣ, не было ни лишнихъ копѣечекъ, ни лишнихъ грошиковъ. Вѣдь если они уйдутъ черезъ расцѣнку къ рабочимъ, то чѣмъ же насытить и накормить себя и другихъ акціонеровъ?... Рабочій человѣкъ привыкъ къ тяжелому суровому житью-бытью давнымъ давно, а господа акціонеры вѣдь къ этому не привыкли, — и волей-неволей должны и сладко ѣсть и пить, и мягко спать и дѣлать прочія дѣла, украшающія житье-бытье богатаго человѣка на землѣ. У нихъ тѣло вѣдь мягкое, а кожа гладкая... И Савелій Никитичъ былъ очень доволенъ собой: онъ прекрасно ладилъ со всѣми — и съ министрами, и съ акціонерами, и съ рабочими, считалъ свою Веселухинскую мануфактуру настоящимъ воплощеніемъ справедливости и счастья на землѣ... И вдругъ скандалъ! На этой самой благоустроенной фабрикѣ — всеобщая забастовка. Ну, не конфузъ ли это? Что скажутъ въ городѣ, на нижегородской ярмаркѣ, въ министерствѣ? Какъ быть съ заказчиками, которые ждутъ не дождутся товару къ ярмаркѣ? Савелій Никитичъ чувствовалъ себя очень скверно, когда сидѣлъ въ фабричной конторѣ вмѣстѣ съ фабричнымъ инспекторомъ,

исправникомъ и другими представителями фабричной правительственной власти.

Фабричный дворъ былъ пустъ. Не вышли на работу даже рабочіе „по двору“, иначе сказать, чернорабочіе. У фабричныхъ воротъ не толпились по обыкновенію сотни „запасныхъ“ — алчущихъ и жаждущихъ работы. Даже эти полуголодные, обнищавшіе люди, увидѣвъ, что фабрика забастовала, отправились по домамъ, кромѣ нѣсколькихъ подвыпившихъ забулдыгъ, сидѣвшихъ на муравѣ въ ожиданіи — „что то будетъ“. Паровая машина все же работала, но ею управлялъ не машинистъ Кораблевъ, который не вышелъ на работу, а инжинеръ-технологъ Пимичъ, извѣстная фабричная собака и прихвостень Живодерникова. У котловъ вмѣсто кочегаровъ стояли случайно попавшіе подъ руку чернорабочіе изъ „запасныхъ“; за ними присматривалъ тоже инженеръ. Въ отворенныя окна фабричныхъ зданій видны были вертящіеся приводы, которые лязгали, позвякивали и громыхали. Но станки бездѣйствовали. Около нихъ не было ни одного человѣка изъ рабочаго народа. Огромныя фабричныя отдѣленія пустовали.

Уже нѣсколько разъ гудѣлъ фабричный гудокъ. Онъ гудѣлъ необыкновенно протяжно и жалобно, какъ будто желая подѣйствовать своимъ воемъ на сердца забастовавшихъ рабочихъ. Это не гудокъ гудѣлъ, а, казалось, стонала сама фабрика, стонали котлы, машины, станки, стонали фабричныя зданія, стоналъ мертвецъ, изъ котораго вылетѣла душа и который жаждетъ опять вернуться къ жизни.

— Что же это, господа? — суетливо говорилъ Савелій Никитичъ Живодерниковъ, обращаясь къ старшему фабричному инспектору. — Что же это такое? Я не понимаю, чѣмъ эти скоты рабочіе недовольны. Я не понимаю, чѣмъ только они могутъ быть у меня недовольны.

— Нехорошо, сказалъ Зубаловъ. — Очень нехорошо! Если это продлится, что мы будемъ дѣлать съ срочными

заказами? Товаръ останется на рукахъ, да еще неустойка...

— Полно-те! Уладится! Вѣроятно, какое-нибудь маленькое недоразумѣніе, сказалъ исправникъ. — Извѣстно, простой народъ — разбойникъ. Чѣмъ лучше съ нимъ обращаться, тѣмъ онъ хуже.

— Нужно выяснить, чего они хотятъ, сказалъ фабричный инспекторъ. — Потрудитесь кого-нибудь послать въ рабочія казармы и въ слободу и позвать ко мнѣ рабочихъ объясниться.

— Я посылалъ, сказалъ помощникъ бухгалтера — молодой господинъ съ тонкими черными усиками. — Каждый рабочій говоритъ только отъ себя и за себя: „Что же я одинъ пойду? Я — какъ другіе!“ И самъ не идетъ, и другіе не идутъ.

— Но вѣдь намъ каждый день, каждый часъ дорогъ! воскликнулъ Зубаловъ. Примите какія-нибудь мѣры, сгоните ихъ на фабрику, хоть силой!

Исправникъ, толстопузый господинъ съ сѣдыми щетинистыми усами, только усмѣхнулся.

— Какъ ихъ сгонишь? вотъ если бы они шумѣли, то разогнать и усмирить ихъ — это я бы могъ. А согнать да заставить работать — никакъ невозможно.

— Былъ у меня такой случай въ прошломъ году, продолжалъ онъ: — согнали мы ихъ на фабрику, разставили у станковъ; пустили даже станки въ ходъ. Станки идутъ, а рабочіе стоятъ около нихъ, сложивъ руки... Такъ ничего съ ними и не подѣлали. Преупрямѣйшія бестіи! Ужъ для дорогого Савелія Никитича я-то на все готовъ! Но какъ ихъ сгонишь и заставишь работать? Такой и силы у насъ не хватитъ! Двухъ полковъ мало!

— Дайте знать губернатору! Призовите побольше солдатъ!

— Губернатору дано знать. А насчетъ войскъ, онъ пріѣдетъ и распорядится. Но вѣдь эти негодяи понимаютъ свое дѣло: сидятъ смирнехонько, чтобы войскамъ тутъ и дѣлать было нечего. Кто же въ такихъ стрѣлять будетъ?

— Неправда! Господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ теперь и въ такихъ велитъ стрѣлять! И самъ царь за такую стрѣльбу благодарилъ солдатъ фанагорійскаго полка! — воскликнулъ Живодерниковъ.

— Пошлите еще разъ къ рабочимъ! распорядился инспекторъ. Скажите имъ, что, если они сюда не придутъ, то я самъ къ нимъ пойду. Нужно же намъ знать, чего собственно они хотятъ.

— Листки были... вставилъ свое замѣчаніе бухгалтеръ.

— Листки!? У васъ они есть?

— Ни одного! Всѣ растащены. Даже я самъ не видалъ. Дворникъ о листкахъ сказывалъ.

Въ это время вошелъ полковникъ Змѣевидовъ и, услыхавъ разговоръ о листкахъ, вынулъ листокъ изъ кармана и протянулъ его фабричному инспектору.

Инспекторъ медленно и внимательно прочелъ листокъ и молча пожалъ плечами. Въ этомъ листкѣ говорилось все то же, что и въ письмѣ безъ подписи, которое было прислано три недѣли тому назадъ. Въ исполненіи всѣхъ такихъ требованій инспекторъ и по закону помочь не можетъ: повышать расцѣнку да дѣлать „льготы“—все это по закону зависитъ лишь отъ одной „доброй воли“ фабриканта. А законъ царемъ вѣдь подписанъ. А что это за „добрая воля фабриканта“ — извѣстно! Старшій инспекторъ, очень не глупый, но сухой законникъ-чиновралъ, отлично зналъ „добрую волю“ Савелія Никитича Живодерникова. Получивъ письмо отъ рабочихъ, онъ даже уговаривалъ Савелія Никитича кое въ чемъ уступить имъ, такъ какъ нѣкоторыя ихъ требованія дѣйствительно справедливы. Но Савелій Никитичъ уперся, какъ быкъ, и лишь повторялъ: „Невозможно, совсѣмъ невозможно! Я для рабочихъ дѣлаю все что могу: у меня и больница, и читальня, и потребительная лавка, и награды. А увеличивать расцѣнки, уменьшать рабочее время — не могу, не могу!“ И фабричный инспекторъ поневолѣ уступилъ, потому что законъ не даетъ ему права принуждать фабрикантовъ къ увеличенію расцѣнокъ и уменьшенію рабочаго времени. Фабричному

инспектору только то и оставалось, что положить письмо къ себѣ въ столъ и ждать, что изъ этого выйдетъ дальше. Вышла забастовка, — ну значитъ теперь, по закону, нужно улаживать забастовку.

Листокъ сталъ переходить изъ рукъ въ руки.

— Это навѣрное ужъ кто-нибудь изъ интеллигентовъ дѣйствуетъ! замѣтилъ Зубаловъ. — Сами рабочіе такого листка не напишутъ! „Если мы сами себѣ не поможемъ, то и никто намъ не поможетъ!“ Ловко сказано!

— „И не только ловко, а и совсѣмъ правильно!“ подумалъ Зубаловъ про себя. Въ эту минуту ему вспомнилось то время, когда онъ самъ былъ еще студентомъ и мечталъ о томъ, какъ онъ будетъ на какой-нибудь фабрикѣ улучшать житье-бытье рабочихъ... Но эти студенческія времена давнымъ давно прошли, и вышло какъ-то такъ, что ему, Зубалову, больше всего приходится думать о хорошемъ жалованьѣ отъ Савелія Никитича и его доходахъ, а не объ улучшеніи житья-бытья рабочихъ. „Что подѣлаешь, если этотъ Савелій Никитичъ не хочетъ? Не въ отставку же выходить! На другихъ фабрикахъ еще того хуже!“

И Зубаловъ совсѣмъ успокаивалъ свою совѣсть такими словами. Улучшить положеніе рабочихъ онъ, Зубаловъ, не можетъ, бухгалтеръ не можетъ, исправникъ и инспекторъ не могутъ, а Савелій Никитичъ и другіе владѣльцы фабрикъ не хотятъ. Такъ и идетъ фабричная жизнь: кто „не можетъ“, кто „не хочетъ“.

— Интеллигенція листки эти пишетъ! повторилъ Зубаловъ вслухъ.

— Не думаю, возразилъ младшій фабричный инспекторъ Курицынъ. Очень ужъ лубочно написано... И слова громкія. И печать грубая, — на домашнемъ мимеографѣ.

— Это что за домашній мимеографъ? спросилъ бухгалтеръ.

— Эдиссоновское изобрѣтеніе! засмѣялся Зубаловъ— Эдиссонъ удружилъ таки намъ своимъ мимеографомъ! Своеобразное примѣненіе напильника, вмѣсто тайной ти-

Библиотека ИМЭЛ
4/12212

пографіи. Возьметъ рабочій напильникъ, широкій, плоскій, съ 90 нарѣзками въ дюймѣ; возьметъ особой навощенной папиросной бумаги, положитъ ее на напильникъ и пишетъ по ней желѣзнымъ гвоздемъ или женской шпилькой отъ волосъ. Вотъ вамъ и мимеографъ. Гдѣ онъ водитъ шпилькой, тамъ дѣлаются дырочки, и изъ бумаги выходитъ трафаретка. Трафаретку эту кладутъ на растянутую фланель, вымазанную какой-нибудь краской *), — вотъ и печатня готова. Каждый напильникъ — та же тайная типографія. Удружилъ намъ этотъ Эдиссонъ. Теперь любой рабочій можетъ такимъ способомъ какой угодно листокъ отпечатать. Этотъ листокъ тоже сами рабочіе напечатали. По всему видно.

— И чего они требуютъ? Чего только они требуютъ! горячился Живодерниковъ, только что прочитавшій не слишкомъ то лестный для него листокъ. — Это я-то выжимаю сокъ изъ рабочихъ! Это я-то притѣсняю! Да они сами хотятъ изъ меня весь сокъ, всю душу мою выжать, а не я изъ нихъ!

„Ну, изъ тебя-то соковъ не выжмешь“, — подумалъ про себя старшій фабричный инспекторъ.

Нельзя сказать, чтобы настроеніе властей было веселое. Власти, по просту сказать, недоумѣвали. Много разъ приходилось имъ видать забастовки и всякія фабричныя недоразумѣнія, — вѣдь эти „недоразумѣнія“ стали теперь обычны, и всѣ къ нимъ привыкли. Но такой забастовки, какъ эта, они еще не видывали. Всѣ пять тысячъ рабочихъ куда-то исчезли. Рабочія казармы были пусты. Только въ томъ флигелѣ, гдѣ жили семейные, суетились, какъ всегда, бабы, приготовляя ѣду для себя и для дѣтей. А мужья тоже куда-то скрылись. Змѣевидовъ впрочемъ зналъ, куда скрылись рабочіе. Много ихъ ушло въ лѣсъ („Не спроста, очевидно!“), иные ушли въ городъ; иные распивали чай на слободкѣ. Въ городѣ цѣлая толпа рабочихъ мирно сидѣла въ городской библіотекѣ и въ безплатной читальнѣ и, какъ ни въ чемъ

*) Фуксинъ, разболтанный въ глицеринѣ.

не бывало, почитывали газеты и книги. Еще бы! Каждому серьезному и дѣльному рабочему хотѣлось употребить свободное время съ пользою: такого времени у рабочаго человѣка немного...

Живодерниковъ, какъ водится, устроилъ начальству роскошный завтракъ. Но несмотря на выпитое вино, завтракъ тянулся скучно и вяло. Начальству было не по себѣ. Оно собралось спорить и даже воевать съ рабочими, ополчиться на враговъ съ хитрыми словами и съ угрозами, — и вдругъ враги то и исчезли! Начальство собралось дать „бунтовщикамъ“ генеральное сраженіе, а враги какъ разъ всѣ разбѣжались...

Пришелъ изъ города солидный отрядъ городовыхъ. Прискакали конные жандармы. Полиція со всѣхъ сторонъ оцѣпила фабрику и рабочія казармы. А врага, т. е. рабочихъ, по прежнему не было. Прошелъ часъ, другой, третій... Прогудѣлъ обѣденный гудокъ. Гудѣли еще и еще гудки. Но напрасно они сзывали рабочихъ. Ихъ грозныхъ и жалобныхъ завываній какъ будто никто и не слышалъ.

ГЛАВА III.

Въ трехъ верстахъ отъ Веселухинской мануфактуры начинается лѣсъ. Это большой превосходный лиственный и сосновый лѣсъ, — чудный остатокъ тѣхъ лѣсовъ, которые когда-то покрывали всю Голодаевскую губернію. Тысячъ пять десятинъ этого лѣса принадлежитъ Веселухинской мануфактурѣ; здѣсь ведется правильное лѣсное хозяйство: каждый годъ вырубается лишь опредѣленный участокъ лѣса на топливо. До сихъ поръ мануфактура пробавляется своими собственными дровами, и владѣльцы ея не считаютъ для себя нужнымъ поддерживать россійскую каменноугольную промышленность, хотя и считаютъ себя великими патріотами.

На лѣсной полянѣ, въ уютномъ и живописномъ уголкѣ, подъ соснами пріютилась сторожка Терентія Миро-

ныча — шестидесятилѣтняго старика, который 35 лѣтъ былъ рабочимъ на мануфактурѣ, прошелъ и испыталъ на своей шеѣ всѣ „отдѣленія“, два раза попалъ подъ машину, которая переломила ему ключицу, выколола лѣвый глазъ, размозжила лѣвую руку и, въ концѣ концовъ, привела старика, какъ онъ самъ выражался, въ „животное состояніе“, сдѣлала негоднымъ для фабричной работы. Тогда Живодерниковъ проявилъ величайшую доброту, о которой писали даже въ газетахъ: онъ устроилъ Терентія Миронича на „вѣчный пансіонъ“. — далъ ему мѣсто лѣсного сторожа.

Вотъ уже пять лѣтъ хромой и полуслѣпой старикъ каждый божій день, и зимой, и лѣтомъ, обходитъ „ввѣренный ему“ участокъ, охотится за порубщиками-крестьянами сосѣднихъ деревень и охраняетъ отъ ихъ расхищенія Веселухинское добро.

— Молись за меня богу, старина, молись богу, а ужъ я тебя не оставлю! говорилъ Живодерниковъ. Но неблагодарный старикъ не молится за него, а лишь молитъ бога о великомъ чудѣ, — чтобы богъ исправилъ свою несправедливость и вернулъ бы ему, старику, вытекшій глазъ, отростилъ бы сломанную ключицу, возвратилъ бы ему его молодость и силу могучую, загубленную на Веселухинской мануфактурѣ и проданную хозяевамъ по дешевой цѣнѣ — сорокъ копѣекъ въ день.

„За что меня покаралъ? За что?“ спрашиваетъ бога старикъ: „За что наградилъ такими страданіями за всѣ мои труды? За что далъ прожить весь вѣкъ такой собачьей жизнью? За что Савелій Никитичъ и другіе владѣльцы фабрики такъ хорошо живутъ, ничего не дѣлая или мало работая, а я прожилъ, словно волъ въ ярмѣ?...“ Но молчитъ богъ и не даетъ отвѣта Миронычу и не возвращаетъ ему его кровнаго добра, а попъ, котораго Миронычъ, по простотѣ душевной, разспрашивалъ, есть-ли на землѣ справедливость божеская, только цыкнулъ на старика и не далъ ему никакихъ надеждъ ни на счетъ этой, ни на счетъ будущей жизни. Вмѣсто всякихъ разъясненій и утѣшеній попъ указалъ

толстымъ „боговдохновеннымъ“ перстомъ на Веселухинскую мануфактуру.

„Вотъ Савелій Никитичъ тоже простымъ рабочимъ былъ... А богъ наградилъ его за его труды и старанья. И на томъ свѣтѣ наградитъ сего истиннаго труженика за его жертвы на храмы божіи. Не грѣши, старикъ, а молись. Всякому человѣку свой жребій положенъ. Терпи и жди. То, что для тебя нужно, богъ самъ для тебя сдѣлаетъ, — тебя не спроситъ!“

И старый Миронычъ, по древней привычкѣ, молится богу и ждетъ того дня, когда богъ и для него что-нибудь сдѣлаетъ, — хотя тоже его не проситъ. И чудно старику, не понимаетъ онъ, старый, — то-ли богъ беретъ примѣръ съ начальства, то-ли начальство беретъ примѣръ съ бога — благодѣтельствовать людей по своимъ соображеніямъ, у нихъ самихъ не спрашивая и на свой ладъ... и всегда „съ опозданіемъ“. Молится старый Миронычъ и по привычкѣ терпитъ.

Но по временамъ не выдерживаетъ стариковское сердце, и жестокія проклятія Веселухинской мануфактурѣ срываются съ устъ старика и зло блеститъ въ эти минуты его единственный уцѣлѣвшій глазъ, и изъ этого глаза и изъ другого закрытаго, вытекшаго, по морщинистому лицу старика льются горячія, горячія слезы. Въ эти минуты внучкѣ Мироныча Машѣ, такой веселой и шустрой фабричной дѣвушкѣ, тоже хочется и плакать, и проклинать. Старый дѣдъ съ малыхъ лѣтъ пріучилъ ее считать Веселухинскую мануфактуру врагомъ-извергомъ, а не поилицей и кормилицей, выплачивающей по 25 коп. на харчи ежедневно...

Въ этотъ день, 12 мая, у стараго Мироныча были гости. Было много гостей. Былъ тутъ слесарь Вологдинъ, — солидный мужчина лѣтъ 35, рослый, широкоплечій, съ очень умнымъ и угрюмымъ лицомъ, который постоянно какъ будто на что-то сердится и думаетъ невеселую, глубокую думу. Былъ тутъ машинистъ Кораблевъ, молодой человѣкъ лѣтъ 25, окончившій курсъ въ низшемъ техническомъ училищѣ, курчавый, жизнерадо-

стный, „быстрый и вострый“, какъ говорятъ про него фабричные ребята. Еще былъ юркій еврейчикъ, слесарь Зальштейнъ, большой любимецъ всего слесарнаго отдѣленія, которое очень цѣнитъ его веселый нравъ и острый умъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ на травѣ коренастый, четырехугольный Говорко, по прозванію „нефтяная кадушка“, солидный парень съ огромной головой и неуклюжимъ носомъ, человѣкъ плохо скроенный, да крѣпко сшитый. Тутъ же сидѣли Житецкій, Сидоровъ, Липаренко и др. — всего человѣкъ 30. Всѣ они размѣстились прямо на травѣ, подъ столѣтнимъ развѣсистымъ дубомъ. Посреди этой группы сидѣли Михневичъ и Завойко; Михневичъ, парень лѣтъ 30, худощавый, длинный, съ загорѣвшимъ, красивымъ и выразительнымъ лицомъ и сросшимися бровями, сидѣлъ, прислонившись къ дубу и обхвативъ руками колѣна. На немъ были одѣты высокіе сапоги, пиджакъ и поистрепавшаяся фуражка съ бархатнымъ околышкомъ. Это былъ рабочій изъ „новыхъ“, родившійся и выросшій на фабрикѣ; онъ былъ вскормленъ и воспитанъ фабрикой и рано научился понимать человѣческія дѣла и дѣлишки по части обиранія слабыхъ сильными и бѣдныхъ богатыми; онъ рано дошелъ до всего своимъ умомъ и съ помощью честныхъ книгъ, которыя давали ему читать добрые люди, — тѣ „господа, которые стоятъ за простой народъ“, борются за его лучшее житье, за его права, борются, не жалѣя себя и своей жизни, и гибнутъ за это святое дѣло въ ссылкѣ, въ тюрьмахъ и даже на висѣлицахъ. Михневичъ рано сталъ задумываться о своемъ рабочемъ житьѣ и обо всемъ томъ, что сильно мѣшаетъ и вредитъ этому житью. Съ величайшимъ трудомъ, не доѣдая и не досыпая, читая и учась, Михневичъ дошелъ таки до корня вещей и уразумѣлъ самую суть: отчего живется плохо рабочему человѣку, а неработающему барину хорошо, и какимъ способомъ измѣнить такіе несправедливые порядки. И стала эта завѣтная мысль для Михневича тѣмъ-же богомъ, и сталъ онъ ей служить не жалѣя себя... Сталъ Михневичъ вѣ-

рить въ Правду и Справедливость, вмѣсто поповскаго бога, сталъ вѣрить въ то, что человѣкъ собственными руками и головой долженъ добиваться и насаждать правду и справедливость на землѣ, и, не жалѣя себя, бороться съ тѣми, кто служитъ несправедливости и неправдѣ — со всѣми народными обидчиками, фабрикантами, кулаками-міроѣдами, полицейскими, губернаторами, министрами, и даже съ самимъ царемъ, у котораго хоть и большая сила въ рукахъ и большія права, но только не на пользу простому народу, а на пользу все тѣхъ же народныхъ обидчиковъ, вродѣ купца Живодерникова. Новое пониманіе того, что творится вокругъ, и того, что нужно дѣлать, словно новая вѣра, захватила всю душу Михневича; онъ рѣшилъ забыть самого себя и работать на пользу своего ближняго — такого-же рабочаго, обиженнаго, униженнаго, обездоленнаго человѣка, будь то фабричный, будь то крестьянинъ. Жизнь научила Михневича, какъ служить ближнему.

Рядомъ съ Михневичемъ стоялъ на колѣняхъ его другъ-пріятель слесарь Завойко. Завойко былъ человѣкъ той же вѣры, но онъ былъ старше Михневича и гораздо подвижнѣе его. Михневичъ молчалъ и думалъ свою думу про себя, Завойко же держалъ рѣчь. Шапка слѣзла у него набекрень; глаза блестѣли и дѣлали его выразительное, нервное лицо особенно красивымъ и внушительнымъ. Михневичъ какъ-бы дополнялъ собой Завойко. Михневичъ былъ мыслитель и созерцатель; Завойко былъ практикъ и исполнитель. Рабочіе толпились вокругъ этихъ двухъ людей и прислушивались къ каждому ихъ слову. Дѣдъ Миронычъ и его внучка Марья возились въ отдаленіи у самовара и у костра, на которомъ пеклась солидная порція картошки.

— Что, братцы! говорилъ Завойко. — Дѣла начались не дурно. Разодолжили и озадачили вы сегодня начальство. Такого дружества и такой прыти оно отъ васъ, не бойсь, не ожидало. Привыкло оно доить да доить, а тутъ вдругъ корова брыкаться стала — доить не даетъ. Ужъ будьте, братцы, увѣрены, — спуска вамъ

не дадутъ, для того, чтобы и другимъ неповадно было. Все наше начальство ополчится на васъ дружной ратью: всѣ пойдутъ противъ васъ—и фабриканты, и чиновники, и полицейскіе, и губернаторъ, и войска, и попы, и царь. Всѣ вѣдь они всегда заодно противъ васъ. А вы держитесь! Хоть изъ кожи лѣзьте, а держитесь, какъ теперь. Что они съ вами сдѣлаютъ? Ничего не сдѣлаютъ! Вѣдь всѣхъ за шиворотъ не возьмешь. Безъ васъ они — ни тпру, ни ну. Фабриканты хвалятся, что рабочіе де имъ не нужны, а рабочимъ безъ фабрики не обойтись. Дудки! Пусть-ка они безъ насъ обойдутся, — посмотримъ. Прежде всего самъ Живодерниковъ взвоетъ, если ему придется фабрику закрывать: процентныя то бумаги даютъ 4 коп. на рубль въ годъ, а фабрика 35 коп. Не бойсь, продать ее да жить капиталомъ не захочетъ. Живодершикову и 35 процентовъ мало, а всѣ 40 и 45 проц. подавай. Чтобы свой дрянной товаръ дороже продавать, недаромъ фабриканты добиваются у министра большихъ пошлинъ на привозные заграничные товары, которые и лучше, и дешевле... Не обойдутся безъ насъ и чиновники, и прочіе народные обидчики, даже царь. Вѣдь съ насъ да съ мужиковъ собираются тѣ денежки, на которыя они свое сытное житье устраиваютъ. Не обойдутся! Сдѣлайте милость! Они всѣ только тѣмъ и живы, что не весь народъ и не сразу подымается противъ нихъ. Ну, да и этого скоро дождутся. У васъ-то народъ, пока что, дружно стоитъ?

— Дружно! отвѣчали нѣсколько голосовъ.

— Это и требуется! Это первое дѣло! Получка-то давно была?

— Да въ субботу; значитъ, 3 дня тому назадъ.

— Отличное дѣло! Чего лучше! А касса ваша какъ?

— Михневичъ, отвѣчай, — это твое дѣло.

— 816 руб. 43 коп., — отвѣтилъ Михневичъ.

— И тоже не худо! продолжалъ Завойко. По пятачкамъ вѣдь собраны, да отъ продажи книгъ по копѣйкамъ. Ей богу, разлюбленное дѣло — эта продажа: купишь листковъ сотню за 90 коп., а продашь ихъ за

два рубля. И вездѣ и всегда это даетъ прибыль; 816 руб., братцы, — деньги. На первое время голодные рты заткнуть хватитъ, а тамъ мы еще привеземъ. Платонычъ говорилъ, что черезъ недѣлю будетъ сюда съ деньгами непремѣнно.

Лица у многихъ рабочихъ прояснѣли. Платонычъ, „интеллигентъ“, человѣкъ вѣрный: что скажетъ, то навѣрное сдѣлаетъ.

— Ужъ недѣли-то двѣ продержимся, сказалъ Вологдинъ. Всѣ продержимся, и голодные сыты будутъ. Дальше то что?

— Дальше? А то дальше, что лопнутъ ваши толстопузые. Только и всего.

Кораблевъ, Зальштейнъ и Сидоровъ громко засмѣялись.

— Теперь, братцы, надо насчетъ другихъ дѣлъ подумать. Нужно промежъ себя порядокъ установить, чтобы дѣло дѣлали, а не путались и не сбивались. Нужно прежде всего рѣшить, что и какъ съ начальствомъ разговаривать. Это дѣло пустое. То и говорить, что въ листкѣ написано: ни больше, ни меньше. Другихъ нашихъ нуждъ пока не затрогивать, — тѣ пойдутъ для другого раза, о нихъ тоже поговорить въ свое время успѣемъ. Какъ говорить? А такъ: прежде всего нужно смотрѣть, чтобы каждый зря съ начальствомъ не болталъ, — пусть говорятъ люди бывалые и толковые. А если онс другихъ спрашивать станетъ — ничего не говори, — молчи. Пусть съ начальствомъ говоритъ изъ толпы Вологдинъ, Кораблевъ... А тебѣ, Зальштейнъ, нельзя, — тебя Нососуевъ по голосу узнаетъ.

— Навѣрное насъ въ контору позовутъ, — Живодерниковъ или инспекторъ — и скажутъ: „выберите отъ себя выборныхъ!“ угрюмо сказалъ Говорко.

— Выборныхъ не выбирать, въ контору не ходить. Пусть зовутъ сколько угодно. Если начальству до насъ надобность, пусть и идетъ къ намъ. А вы соберитесь во дворѣ кучкой поплотнѣе, чтобы всѣ товарищи были на лицо. Тотъ, кто долженъ держать рѣчь къ началь-

ству, пусть залѣзетъ въ самую середину кучки, да оттуда и кричитъ, что нужно.

— А ну, какъ сверху въ трубу разглядитъ Змѣевидовъ, кто съ нимъ разговариваетъ? спросилъ Сидоровъ.

— Ты, Вологдинъ, и ты, Кораблевъ, когда будете говорить съ начальствомъ, садитесь, прямо на землю, а вы всѣ 30 стойте вокругъ нихъ, да поплотнѣе. Ужъ разумѣется, мерзавцы-шпіоны станутъ протискиваться къ говорящему. А за ними пусть другіе смотрятъ. Ужъ если кто протискивается, значитъ, у того душа не чиста. Такимъ способомъ вы и мерзавцевъ Іудъ замѣтите, и будете съ ними осторожны. У васъ вѣдь теперь новые мерзавцы заведены, пріѣзжіе...

— Ну, а съ ними-то что дѣлать? спросилъ Зальштейнъ.

— А вотъ ты, Зальштейнъ, и возьми на себя такое дѣло: на время забастовки устрой за шпіонами свое собственное наблюденіе. И товарищей себѣ подбери. Начальство велитъ слѣдить за рабочими, а рабочіе пусть слѣдятъ за нимъ. Устройте свою машину, чтобы и Змѣевидовъ, и Нососуевъ, и Лампасовъ, и исправникъ, и приставъ, и прочая сволочь — вся была бы у васъ на виду, въ особенности же тайные агенты. Чтобы все было ясно: кто къ нимъ ходитъ, куда они идутъ. Зная, кто къ жандармамъ и полиціи ходитъ, вы многихъ шпіоновъ разузнаете. Что разузнаешь важнаго, о томъ и давай сюда знать, хоть черезъ Машу или черезъ дѣдушку Терентія, да смотри неотложно, — времени не теряй: забастовка — та же битва. А мы ужъ тутъ все прочее сообразимъ и обмозгуемъ.

Зальштейнъ остался очень доволенъ, что ему поручили такое серьезное дѣло.

— Слышите, братцы, чтобы каждый день непремѣнно всякія новости посылать сюда! Да смотри, безъ всякихъ тамъ записокъ. Ужъ эти записки! сколько вреда надѣлали. А мы обо всѣхъ новостяхъ тутъ сообразимъ и будемъ листки печатать. У дѣдушки Мироныча въ лѣсу свободныхъ-то и тихихъ мѣстъ, слава-те господи,

сколько! А вы, прочіе, каждый въ своемъ отдѣленіи дѣйствуй. Убѣждай слабыхъ стоять дружно. Если у кого денегъ нѣтъ, — дай изъ своихъ, коли есть, — потомъ отъ Михневича получишь. Да зря-то тоже не болтай и не выскакивай, чтобы вожакомъ и подбивалой тебя не считали. Говори со своими, какъ послѣдній изъ послѣднихъ и самый что ни на есть смирный: тихонько и по дружеству, чтобы тебя не замѣтили, какой ты сталъ человѣкъ. Напирай на то, что торговаться съ хозяевами надо, а что иныхъ способовъ торговаться, кромѣ забастовки, и вправду нѣтъ: когда-нибудь нужно же взяться за умъ.

— Трусять нѣкоторые, сказалъ опять Говорко. А ну, говорять, какъ упекуть насъ въ тюрьму, а оттуда въ тридесятое царство, — съ голоду тамъ помрешь и семью погубишь.

— Дурачье! огрызнулся Завойко. — Трусы! А здѣсьто они съ голоду не помираютъ? Каждый день не доѣдаютъ и не досыпаютъ, жрутъ чертъ знаетъ что, какъ собаки: худое питаніе — та же голодовка, и отъ него — та же смертъ. Правда, она подкрадывается незамѣтно; но вѣдь на то у человѣка и разумъ, чтобы все разсмотрѣть да разобрать. Медленная смерть еще хуже, чѣмъ быстрая: маяты и мученій отъ нея больше. Забастовка, хоть съ голоданіемъ, какъ ни какъ, тряхнетъ врага, а дурное питаніе ужъ никакъ дѣлу не поможетъ. Соглашаться на дурное питаніе и медленную смерть — то же, что подставлять голову подъ ножикъ вору и разбойнику: грабьте, молъ, голубчики, оставьте только мнѣ жизнь. Экая глупость человѣческая! Экое недомысліе!

— Такъ-то такъ, а... трусятъ...

— Тюрьмы трусятъ? Ссылки? Ну, что-жъ? Можетъ быть туда и придется попасть и отсидѣть свой срокъ. Ну, и отсиживай; только и тамъ время зря не теряй: учись, читай, къ будущимъ дѣламъ для пользы своего брата-рабочаго готовься. Я тоже былъ въ тюрьмѣ и оттуда совсѣмъ другимъ человѣкомъ вышелъ: сколь-

ко тамъ перечиталъ и обо всемъ передумалъ! На фабрикѣ столько не перечитаешь. Ну, можетъ статься, и въ ссылку упекутъ на нѣсколько лѣтъ, — что же подѣлаешь? По крайней мѣрѣ поймешь всѣмъ нутромъ, что такое начальство, что такое законъ и за кого стоитъ нашъ царь батюшка. Да вѣдь безъ работы-то шлятьсяся съ фабрики на фабрику та же ссылка. Съ этимъ дѣломъ — голодухой да безработицей — мы и безъ ссылки знакомы, — привыкать не приходится. Лучше ужъ терпѣть все это въ ссылкѣ за правое дѣло, чѣмъ такъ, — зря... Теперь сосланныхъ рабочихъ не пускаютъ на фабрики. И это не бѣда: какой-нибудь работой ужъ придется кормиться, — вѣдь если сосланные рабочіе не будутъ сами себя кормить, то ихъ вѣдь придется кормить казнѣ; на это денегъ она не дастъ: ей деньги нужны, чтобы чиновникамъ и полицейскимъ награды давать и пенсіи отставнымъ генераламъ выплачивать. Къ какой-нибудь работѣ насъ ужъ допустятъ и въ ссылкѣ. А гдѣ есть работа — тамъ есть хозяинъ и рабочій. А гдѣ есть хозяинъ и рабочій, тамъ есть и обида и обдираніе, та же фабрика въ маленькомъ видѣ. Кто борется за правое дѣло, за правду и справедливость и за лучшее житье своего брата рабочаго, тотъ вездѣ можетъ этому служить и глаза темному люду раскрывать. И начальство вездѣ есть, и о немъ много правды можно разсказать народу. Не бойсь, рта-то не заткнешь! Вездѣ люди есть.

— Ужъ прошли такія времена, чтобы за забастовку и за рабочее дѣло на кострахъ жгли, сказалъ Зальштейнъ. А хоть-бы и такъ было, — кому-нибудь пострадать за другихъ все равно надо. Надо обречь себя на нѣсколько лѣтъ тяжелаго житья за рабочее дѣло.

— Да что разсуждать объ этомъ! воскликнулъ Кораблевъ — Жилъ-то изъ насъ все равно не вытянутъ.

— И въ „Крестѣ“ не страшно. Та же каторжная работа, что и здѣсь, а харчи куда лучше. Я и тамъ побывалъ. И ссылка — не могила. Пять лѣтъ пробылъ... Вотъ видите, — живъ и дѣйствую, да еще и книжекъ

хорошихъ и честныхъ сколько успѣлъ перечитать въ ссылкѣ.

— Вотъ съ семействомъ какъ...—вставилъ Житецкій.

— Насчетъ семейства нужно кассу заводить, а пока кассы нѣтъ — устраивать ежемѣсячныя складчины товарищескія, да и „интеллигенты“ помогаютъ, соціалисты-революціонеры, и Союзъ Борьбы за освобожденіе рабочаго класса. Объ этомъ еще будетъ рѣчь, когда время придетъ.

— Ладно! Ладно!

— Стойте же, братцы, на своемъ, не сдавайтесь! Фабриканту вы вотъ какъ нужны. Шубы онъ себѣ не сошьетъ безъ васъ. Только смотрите, чтобы никакого тамъ шуму не было. Не шумѣть, не буйствовать, не драться, не жечь, не ломать. Нужно дѣлать все тихо, спокойно, безъ шума, съ достоинствомъ, потому что наше дѣло честное, справедливое, правое. Если будетъ шумъ, — дѣло скверно. А не будетъ шума, — ничего имъ не подѣлать съ нами.

Поздно ночью возвращались рабочіе изъ уютнаго уголка дѣда Мироныча. У всѣхъ было на душѣ хорошо и бодро, какъ на войнѣ за правое и святое дѣло. Да оно такъ и было въ дѣйствительности. Это-ли не война? Это-ли не враги — фабриканты и начальство? Такіе враги хуже всякихъ турокъ. Иноземный врагъ идетъ войной и не скрываетъ, что онъ — твой врагъ. А эти враги всячески стараются прикинуться друзьями рабочему народу, говорятъ ему хорошія и святыя слова, ссылаются то на бога, то на государя, то на законъ, да за разными словами и обдѣлываютъ свои дѣлишки за счетъ кармана рабочаго. Такіе враги еще хуже всякихъ бусурманъ. Эти враги — каиново племя, — только и всего. Война имъ на жизнь и смерть! Война! Война!

И товарищи бодро и весело шли по домамъ. Каждый чувствовалъ внутри себя и вѣру, и любовь къ своимъ братьямъ рабочимъ, и силу, да такую крѣпкую, могучую. Нѣтъ, не чиновникамъ и не жандармамъ, и не сол-

датамъ сломить эту силу и вѣру въ свое правое и святое дѣло!

— Молодецъ этотъ Завойко! говорилъ Вологдинъ Кораблеву, пробираясь съ нимъ по лѣсной дорожкѣ. Вотъ бывалые люди, словно командиры въ сраженіи. Каждому изъ насъ отвели по особому мѣсту и научили, какъ на немъ стоять и дѣйствовать.

— Да и себя какъ поставили, — чисто! За три недѣли разсчетъ въ конторѣ взяли и будто въ другія мѣста ушли, — ищи, свищи, молъ, — моя хата съ краю, ничего не знаю. И руки развязаны...

— Это вѣрно, сказалъ Вологдинъ. У нихъ есть чему поучиться.

— Поучимся и научимся!

ГЛАВА IV.

И Живодерниковъ, и Змѣевидовъ, и исправникъ, и инспектора были въ большомъ смущеніи. Сколько они ни звали рабочихъ „придти и объясниться“, никто не приходилъ. Предлагали рабочимъ послать „выборныхъ“. Никакихъ „выборныхъ“ не было прислано. Начальство напрасно просидѣло въ нетерпѣливомъ ожиданіи цѣлый день въ фабричной конторѣ. Фабричный инспекторъ пробовалъ было пройтись по казармамъ и поговорить съ рабочими. Но ихъ не оказалось и тамъ, если не считать нѣсколькихъ бабъ, которыя сердито посмотрѣли на чиновника, а потомъ продолжали свое дѣло: онѣ стирали бѣлье ребятишкамъ. Съ этими не стоило и разговаривать. Инспекторъ пришелъ назадъ въ контору съ тѣмъ же, съ чѣмъ ушелъ. Начальство посидѣло, покалякало, позавтракало, пообѣдало, попило чайку, хлебнуло винца и съ закатомъ солнца отправилось по домамъ. О томъ, чтобы исполнить требованія рабочихъ, говорили мало. Живодерниковъ уперся, какъ быкъ, и

лишь восхвалялъ самого себя за благодѣянія, оказанныя имъ рабочимъ. Инспекторъ не имѣлъ права по закону принуждать его къ уступкамъ.

На другой день, 13 мая, у фабричной конторы появилось печатное объявленіе, подписанное исправникомъ. Въ этомъ объявленіи рабочіе настойчиво приглашались немедленно приступить къ работѣ; если же они не послушаются, то съ ними будетъ поступлено по закону. Рабочіе читали это объявленіе и смѣялись. Они подходили къ нему и говорили: „Ишь ты, только теперь съ нами по закону поступать вздумали! А до этого времени все безъ всякаго закона шло!“ Они читали объявленіе и расходились въ разныя стороны, тѣмъ болѣе, что городовые и жандармы, которые были разставлены по всей фабрикѣ, покрикивали на нихъ: „Расходитесь!“ „Расходитесь!“

Событія, слѣдовали одно за другимъ. Вечеромъ 14 мая по фабричнымъ казармамъ были разбросаны листки. Въ нихъ говорилось:

„Товарищи! Честь вамъ и слава! Вы начали борьбу съ врагами единодушно и достойно! Держитесь стойко! Не нужно шуму. Не нужно дракъ. О всѣхъ событіяхъ на нашей фабрикѣ мы будемъ извѣщать васъ ежедневно“.

Подписано: „Комитетъ всеобщей забастовки
Веселухинской фабрики.

14 мая 1901 г.“

Въ тотъ-же день Живодерниковъ получилъ такое письмо безъ подписи:

„Ваше степенство, Савелій Никитичъ! Мы вамъ писали три недѣли тому назадъ, чего мы требуемъ. То же мы говорили въ листкѣ отъ 10-го мая. И теперь мы, ваши рабочіе, пишемъ вамъ затѣмъ, чтобы сказать, что мы вамъ не уступимъ. Мы требуемъ только справедливости, требуемъ своего кровнаго. Вашего намъ не надо. А если вы не уступите, то и сиди безъ рабочихъ!“

Та же подпись.

Живодерниковъ тотчасъ же передалъ это письмо фаб-

ричному инспектору, а тотъ Змѣевидову. Жандармскій полковникъ тотчасъ же принялся разбирать почеркъ письма, кто бы это могъ написать его. На подмогу были призваны кое-кто изъ почтовыхъ чиновниковъ. Почеркъ былъ какъ будто знакомый. Писалъ какъ-будто одинъ изъ тѣхъ, за кѣмъ устроенъ уже тайный надзоръ жандармовъ и полиціи. Но дѣло кончилось ничѣмъ. Того, кто писалъ письмо, не разыскали. Да Змѣевидову и его помощникамъ было много хлопотъ и безъ того. Оба унтеръ-офицера и всѣ агенты рыскали съ утра до ночи. Ночью же было особенно много дѣла. Вмѣстѣ съ жандармами и агентами, прибывшими на помощь изъ губернскаго города, вмѣстѣ съ полиціей и кое съ кѣмъ изъ судейскихъ, Змѣевидову пришлось произвести нѣсколько обысковъ у подозрительныхъ лицъ. Обыскивали и рабочихъ, и „господъ“. Обыскивали земскаго статистика, уже много лѣтъ находящагося „на подозрѣніи“. Обыскали бывшую курсистку, высланную изъ С.-Петербурга въ городъ Ободранскъ за то, что она собирала деньги въ пользу арестованныхъ рабочихъ. Хотѣли было обыскивать фельдшерицу въ земской больницѣ и еще кое-кого, да съ ногъ сбились. Змѣевидовъ потребовалъ изъ губернскаго города еще полиціи. На завтра ждали къ тому же губернатора. Полиція тоже сбилась съ ногъ, производя повальные обыски въ карманахъ. Но эти обыски ни къ чему не привели. Ни одной запрещенной книжки ни у кого не оказалось. Найдено было лишь нѣсколько книжекъ по политической экономіи, разрозненныхъ номеровъ „Отечественныхъ Записокъ“, „Новаго Слова“, „Нивы“. Полиція забирала всѣ книги. Въ ея глазахъ это были вещественныя доказательства зловреднаго вліянія нѣкоторыхъ россійскихъ журналовъ на народъ и нерадиваго отношенія русской цензуры къ своей задачѣ. Каждая научная книжка, найденная у рабочихъ, особенно по политической экономіи, являлась въ глазахъ полиціи несомнѣннымъ доказательствомъ „злонамѣреннаго образа мыслей“ рабочаго. Обыски оказались безплодны, безъ всякихъ результатовъ. Чтобы

какъ-нибудь скрыть свой конфузъ, полиція забрала кое-кого изъ рабочихъ и усадила въ тюрьму. Забрали Сидорова и Липаренко. Искали Кораблева, Говорко и другихъ, имена которыхъ были записаны въ „дневникѣ“ Лампасова. Къ великому огорченію Змѣевидова, этихъ людей нигдѣ не оказалось, а въ квартирѣ ихъ не было найдено ни одной книги. Разсвирѣпѣвшая полиція стала тогда хватать всѣхъ, кто жилъ въ одной квартирѣ съ Сидоровымъ и Липаренко. Рабочіе шли въ тюрьму совершеннс спокойно и безмятежно, словно хотѣли показать этимъ: „сдѣлайте одолженіе, сажайте. Такимъ способомъ вы не докажете намъ, что справедливость на вашей, а не на нашей сторонѣ. Одно дѣло — ваша тюрьма, и совсѣмъ другое дѣло — наша справедливость“.

14 мая совершилось событіе, которое поставило совсѣмъ въ тупикъ унтеръ-офицера Лампасова. Въ то самое время, когда старательный жандармъ бѣгалъ по слободкѣ, переодѣтый въ штатское платье, неизвѣстные воры забрались въ его квартиру и обыскали ее. Случилось это въ то самое время, когда квртирная хозяйка Лампасова, полуслѣпая старушенка, лѣтъ 60, ходила на рынокъ. Кто были эти воры, сколько ихъ было, такъ и осталось неизвѣстнымъ. Какъ-никакъ, всѣ вещи и бумаги въ квартирѣ Лампасова были перерыты, а двѣ записныя книжки, „дневникъ“ и нѣсколько довольно важныхъ „секретныхъ“ бумагъ исчезли безслѣдно. Лампасовъ до того испугался такой пропажи, что совсѣмъ потерялъ голову. Въ книжкахъ и въ „дневникѣ“ было записано множество важныхъ подробностей на счетъ „подозрительныхъ,“„сомнительныхъ“ и заподозрѣнныхъ людей, множество именъ и фамилій веселухинскихъ рабочихъ, кто изъ нихъ что сказалъ, кто что сдѣлалъ, съ кѣмъ видался и съ кѣмъ говорилъ. Въ „дневникъ“ усердный Лампасовъ записывалъ и слухи, и сплетни, и свои прозорливыя „соображенія“ на счетъ того, кто изъ рабочихъ, чего добраго, будетъ заправилой и коноводомъ, кто „склоненъ“ къ бунту и какъ за ними нуж-

но присматривать; еще было записано, какихъ рабочихъ можно безъ опаски „принять на службу“, иначе сказать, записать въ шпіоны. Много, много разныхъ интересныхъ вещей было записано въ книжкахъ Лампасова.

Кто ихъ укралъ? Навѣрное ужъ рабочіе. А теперь по случаю забастовки эти книжки вотъ какъ были бы нужны, чтобы сообразить, кого обыскивать, кого хватать, за кѣмъ построже слѣдить.

„Ахъ, чтобъ ихъ всѣхъ, окаянныхъ!“

Кое-что Лампасовъ помнилъ; но все гдѣ же упомнить? Скоро стало ясно, что многіе изъ тѣхъ, кто были записаны въ дневникѣ, куда-то скрылись. Для Лампасова стало очевидно: его книжки и дневникъ выкрадены рабочими.

А тутъ еще какъ на грѣхъ вышла драка на слободкѣ: напился и набуянилъ нѣкій Михайло Климовъ — одинъ изъ тѣхъ рабочихъ, кто „получалъ жалованье“ отъ жандармовъ „за заслуги“, иначе сказать, за доносы поштучно. Михайло Климовъ — человѣкъ мало знающій; еще вчера онъ получилъ отъ Лампасова приказаніе хорошенько слушать и побольше подмѣчать. Ужъ не подпоили-ли его товарищи нарочно? Лампасовъ помнилъ, что разсказы Климова онъ нѣсколько разъ вписалъ въ свой „дневникъ“. Драка на слободкѣ произошла у всѣхъ на глазахъ; драку началъ самъ Климовъ, котораго „раздразнили“, и бѣднаго Климова, „вѣрнаго слугу начальства“, потащилъ въ кутузку никто иной, какъ самъ урядникъ... Иначе никакъ нельзя было сдѣлать, хотя урядникъ и зналъ, что Климовъ „на службѣ“. Лампасовъ побоялся разсказать Змѣевидову о пропажѣ дневника. Да и некогда было.

А на другой день, 15 мая, еще событіе: на лужайкѣ за фабричными казармами рабочій Кнутиковъ, тоже одинъ изъ „служащихъ“, поднялъ листокъ, гдѣ, о ужасъ! были пропечатаны имена 9 рабочихъ, состоящихъ на службѣ, въ томъ числѣ и имя Климова и самого Кнутикова. Листокъ приглашалъ имѣть въ виду всѣхъ

этихъ подозрительныхъ людей и гонять ихъ изъ своей компаніи. Еще сообщалось въ листкѣ, что 16 мая ждутъ губернатора и солдатъ и что въ пользу забастовщиковъ получено 341 руб. денегъ изъ города отъ „честныхъ людей", желающихъ помогать рабочимъ въ ихъ борьбѣ за справедливость. Пришла помощь и отъ соціалистовъ-революціонеровъ, и отъ „Союза" соціалъ-демократовъ. Змѣевидовъ далъ еще телеграмму въ губернскій городъ, что здѣшнихъ агентовъ и жандармовъ недостаточно, потому что „забастовщики слишкомъ упорны и подаютъ дурной примѣръ другимъ фабрикамъ и заводамъ". Змѣевидовъ особенно злился на то, что у рабочихъ какъ-будто совсѣмъ нѣтъ вожаковъ и заправилъ. Подозрѣвались въ этомъ и Липаренко, и Житецкій, отчасти Вологдинъ и еще кое-кто; всѣ они уже были арестованы, кромѣ Вологдина, который, какъ сказала его жена, уѣхалъ искать работы въ другую губернію (агенты и вправду видѣли его на вокзалѣ). Вожаки въ тюрьмѣ, а забастовка вотъ ужъ 5 дней идетъ удивительно дружно и со смысломъ. Даже Змѣевидовъ этого не отрицалъ. Онъ терялъ голову... Какъ сбить рабочихъ съ ихъ позицій? Какъ разрушить ихъ дѣло? Тѣмъ-то оно и опасно, что дѣлается всѣмъ скопомъ, какъ-будто безъ заправилъ. Каждый вечеръ агенты и жандармы доносили Змѣевидову, что вотъ такіе-то рабочіе „навѣрное вожаки" и „бунтари". Этихъ рабочихъ тотчасъ обыскивали и забирали, но изъ этого ничего не выходило: листки появлялись чуть не каждый день. Обыски у „интеллигентовъ" тоже ничего не разъяснили.

16 мая вечеромъ вышелъ листокъ, гдѣ говорилось слѣдующее: „Товарищи! Наши дѣла идутъ отлично. Живодерниковъ уже согласился идти на уступки, но начальство не позволяетъ ему дѣлать никакихъ поблажекъ въ нашу сторону. Отъ министра получена бумага, что Живодерниковъ можетъ сдѣлать намъ уступку лишь послѣ того, какъ мы выйдемъ на работу. Товарищи! не выходите! Они обманываютъ насъ. Мы имъ нужны еще больше, чѣмъ они намъ. Вѣдь они нашими руками на-

живаютъ себѣ капиталы, а мы отъ ихъ щедротъ никогда не наживемъ капиталу".

И правда, у Живодерникова былъ важный разговоръ съ фабричнымъ инспекторомъ во время обѣда. Его слышала горничная Таня — большая пріятельница Кораблева. Черезъ нее удалось Кораблеву разузнать нѣсколько интересныхъ вещей. Такъ напр., Живодерниковъ получилъ телеграмму изъ Нижняго: тамошніе заказчики спрашиваютъ, будетъ-ли готовъ заказъ къ 1-му іюня. Живодерниковъ рвалъ и металъ, получивъ эту телеграмму. Онъ бѣгалъ по комнатамъ и кричалъ:

— Я уступлю! — я уступлю! Лучше теперь уступить, а потомъ наверстать свое! Расцѣнку всегда можно сбавить законнымъ способомъ, а заказчика не вернешь! Вы меня разоряете хуже рабочихъ. Вы подрываете мой кредитъ, мою фабрику!

Но инспекторъ былъ неумолимъ. Онъ говорилъ Живодерникову:

— У меня есть особый циркуляръ министра. Я слуга закона, я посредникъ отъ правительства между вами и рабочими.

Въ концѣ концовъ Живодерниковъ добился только разрѣшенія послать министру финансовъ Витте телеграмму прямо въ СПБ. и просить министра, чтобы тотъ позволилъ, въ виду близкой ярмарки, сдѣлать нѣкоторыя уступки рабочимъ. Телеграмма состояла изъ 60 словъ, и Таня сама отдавала ее разсыльному. Ничего не понимая въ этой телеграммѣ, она все же успѣла кое-какъ списать ее. Въ тотъ же день вечеромъ пришелъ и отвѣтъ изъ СПБ. Министръ (Витте) телеграфировалъ, что онъ никоимъ образомъ не разрѣшаетъ дѣлать уступокъ рабочимъ, на томъ основаніи, что каждая такая уступка, даже справедливая, лишь повышаетъ ихъ требовательность и претензіи, которымъ и безъ того конца не видно. Отвѣтъ министра, какъ и телеграмма къ нему, сдѣлались извѣстны рабочимъ и были оглашены цѣликомъ въ листкѣ.

Полиція выбивалась изъ силъ, отыскивая, гдѣ печа-

таются таинственные листки и кто составляетъ „комитетъ всеобщей забастовки“. Сыщики, какіе были въ городѣ Ободранскѣ и на мануфактурѣ, рыскали день и ночь. Имъ удалось завербовать въ свою компанію еще нѣсколькихъ рабочихъ, согласившихся за хорошое вознагражденіе принять на свою душу іудинъ грѣхъ. Пріѣхали еще сыщики изъ губернскаго города. Но все было напрасно.

Тотъ листокъ, гдѣ говорилось о телеграммѣ министра, страшно обозлилъ рабочихъ. У многихъ словно только теперь открылись глаза и они сразу увидѣли, что противъ нихъ стоитъ не только фабрикантъ, а и все начальство, — и полиція, и губернаторъ, и министръ, и даже царь, который ихъ поставилъ и который своей рукой подписываетъ всѣ законы, — въ томъ числѣ и несправедливые и невыгодные для рабочихъ. Даже солдаты — и тѣ слушаются враговъ, хотя солдаты такіе же мужики — рабочіе. Начальство и фабриканты — всѣ заодно, всѣ другъ друга поддерживаютъ и защищаютъ. А они, рабочіе, какъ и крестьяне — одни-одинешеньки, и ихъ защищать некому. Инымъ рабочимъ, которые это поняли, становилось какъ-будто даже страшно. Другіе же почувствовали въ себѣ какъ-бы приливъ силъ и только радовались въ душѣ, что наконецъ-то они, слава богу, перестали считать враговъ друзьями, благодѣтелями. Царь, министры, разумѣется, заодно съ фабрикантами. Потому-то они и такіе законы пишутъ, которые фабрикантамъ — по душѣ, а рабочему человѣку — тяжелы, — напр. хотя бы законъ о стачкахъ. Фабриканты имѣютъ право устраивать между собою стачку, союзъ и, сговорившись, поднимать цѣну на товаръ и получать такимъ образомъ большую выгоду. А рабочіе не имѣютъ никакого права, по закону, устраивать забастовку, не имѣютъ права добиваться болѣе высокой платы за свою кровную и тяжелую работу. По закону, забастовка рабочихъ — преступленіе, а забастовщики — преступники, да еще чуть не политическіе, т. е. государственные, — преступники противъ государства!

Не ясно-ли дѣло, что русское государство — тѣ же господа фабриканты и иные капиталисты въ компаніи съ начальствомъ. Такое государство — не родина-мать, а злая мачиха, — ну его къ чорту! Законъ противъ забастовки рабочихъ выгоденъ прежде всего фабрикантамъ: законъ позволяетъ фабриканту наживаться, какъ тотъ хочетъ и какъ можетъ, а рабочимъ законъ не позволяетъ наживаться, — старается держать ихъ въ черномъ тѣлѣ, заставляетъ ихъ работать за низкую плату, назначаетъ строгія наказанія за отказъ отъ работы, особенно „скопомъ“. Вотъ и на сей разъ: даже самъ Живодерниковъ готовъ уступить рабочимъ, такъ какъ ихъ забастовка невыгодна ему (вѣдь онъ свою выгоду потомъ съ нихъ же наверстаетъ). О другихъ фабрикантахъ Живодерниковъ не думаетъ. Ему хочется обернуться только самому, — обернуться и нажить. А министръ думаетъ не объ одномъ Живодерниковѣ, а обо всѣхъ русскихъ фабрикантахъ: они всѣ милы министру, онъ всѣмъ имъ хочетъ помочь и отдать рабочихъ имъ на съѣденіе. Министръ понимаетъ, что если Живодерниковъ уступитъ, то рабочіе и на другихъ фабрикахъ станутъ говорить: „Вотъ Живодерниковъ уступилъ, уступайте и вы!“ Шалишь! Министру выгоднѣе имѣть хорошія отношенія съ фабрикантами, чѣмъ съ рабочими: пусть съ рабочихъ дерутъ фабриканты, — они подѣлятся и съ казной, и съ министромъ. А о царѣ и говорить нечего: онъ на свое содержаніе и на содержаніе царскаго дома каждый годъ беретъ съ народа больше 10 милліоновъ рублей, не считая собственныхъ доходовъ съ огромнаго капитала, который у него припрятанъ. Да, сильно раскрылись глаза у рабочихъ на все, что только происходило вокругъ нихъ. Рабочіе поняли, что правительство и фабриканты — неразлучные друзья: они другъ дружку поддерживаютъ и будутъ поддерживать, пока тѣхъ и другихъ рабочіе сами не встряхнутъ, какъ слѣдуетъ.

А Веселухинская мануфактура все стояла да стояла,

хотя гудокъ гудѣлъ и гудѣлъ каждый день въ обычные часы, по прежнему.

16 мая пріѣхалъ самъ губернаторъ и прямо съ вокзала покатилъ въ колескѣ на фабрику. Тамъ уже поджидали его власти во всеоружіи. Губернаторъ, — низенькій, пухленькій, сѣденькій старичокъ, едва стоящій на тонкихъ и дряблыхъ ножкахъ, раздушенный, напомаженный, — съ необыкновенной поспѣшностью выскочилъ изъ коляски, вошелъ въ контору фабрики, поклонился слегка приставу, протянулъ два пальца Живодерникову, пожалъ мимоходомъ руку старшему инспектору и заговорилъ, шамкая слюнявыми и отвислыми губами.

— Ню, чьто тутъ у васъ такое? Чьто слючилось? Опять этотъ... этотъ подлый народъ бунтуетъ? Это надо, наконецъ, прекратить. Наказать, наказать примѣрно!...

Съ губернаторомъ тотчасъ же заговорилъ старшій фабричный инспекторъ. Онъ заговорилъ серьезнымъ и убѣдительнымъ тономъ, какъ человѣкъ, хорошо освѣдомленный въ дѣлѣ. Фабричные инспектора не потеряли этихъ 4 дней напрасно. Они все это время разбирались въ фабричныхъ книгахъ, разспрашивали многихъ служащихъ и кое-кого изъ рабочихъ; они нашли, что многія, очень многія требованія и претензіи рабочихъ совершенно справедливы, — и, несомнѣнно, надо ихъ удовлетворить, иначе волненіямъ и забастовкамъ и конца не будетъ.

— Я очень цѣню Савелія Никитича, говорилъ старшій фабричный инспекторъ. — Но, милѣйшій Савелій Никитичъ, я все же долженъ сказать: вы здѣсь, милый мой, неправы. Законъ не вездѣ соблюдается, какъ слѣдуетъ...

И фабричный инспекторъ сталъ пересчитывать по пунктамъ всѣ прегрѣшенія „милѣйшаго“ Живодерникова. Тотъ только жался, пыхтѣлъ и говорилъ: „Я готовъ... я готовъ... что могу... Съ нашимъ удовольствіемъ...“ Но фабричный инспекторъ продолжалъ, словно

не слыша его словъ, отчитывать свою длиннѣйшую и убѣдительнѣйшую рѣчь. „Пряжа у васъ гнилая. Согласитесь, что такъ нельзя. Потрудитесь посмотрѣть, напримѣръ, вотъ этотъ образчикъ. Извините-съ, я его пріобщаю къ дѣлу. Тоже и расцѣнки. Онѣ хоть и утверждены инспекторомъ, но вѣдь вы, съ позволенія сказать, провели не только рабочихъ, а и насъ!“ Инспекторъ повидимому очень добродушно захохоталъ: „Да-съ, извините за выраженіе: провели, — вѣдь вы чуть-ли не всѣхъ ткачей перевели на невыгодные сорта. И въ этомъ рабочіе правы; они правы, — вы и вашъ почтенный директоръ виноваты оба... Да, да, да! Пожалуйста не сваливайте вины другъ на друга..... Потомъ согласитесь, такихъ людей, какъ Мясоѣдовъ, награждать и даже терпѣть на фабрикахъ невозможно. Онъ ввелъ правильную систему взятокъ, а съ фабричныхъ дѣвушекъ беретъ, такъ сказать, натурой... Вы хотите сказать, что ничего не знаете? Извините-съ, это не резонъ. Вы оба все должны знать и во всякомъ случаѣ вы за все отвѣчаете“.

Живодерниковъ и Зубаловъ морщились и ворочались на стулѣ. Губернаторъ небрежно постукивалъ пальцами по столу и старался выразить на своемъ отцвѣтшемъ лицѣ не то строгость, не то укоризну.

— Ваше высокопревосходительство! вдругъ обратился къ нему Живодерниковъ. — Да я готовъ уступить! Съ нашимъ удовольствіемъ! Я не хочу скандала! Я всегда былъ другомъ рабочихъ. У меня есть больница, школа, читальня... Ваше высокопревосходительство! (губернаторъ вовсе не былъ такимъ) сдѣлайте милость — разрѣшите. Я уступлю! Ну, поторгуюсь съ ними; что могу, выторгую, и все опять пойдетъ по хорошему... Я хочу!... Вотъ г. инспекторъ....

— Что такое — я? Что вы говорите — я? рѣзко спросилъ инспекторъ. — Я тутъ не при чемъ! Вотъ, ваше превосходительство, телеграмма отъ нашего министра...

Губернаторъ взялъ изъ рукъ инспектора телеграмму

министра (Витте), небрежно прочиталъ ее и снова забарабанилъ пальцами по столу...

— Тутъ есть несомнѣнные слѣды агитаціи со стороны „интеллигентовъ"-революціонеровъ, вставилъ свое словечко Змѣевидовъ.

— А-а! многозначительно протянулъ губернаторъ. — Агитація?! И въ нашихъ краяхъ она завелась уже на фабрикахъ? Это печально! Это очень печально! Надо обратить на нее особенное вниманіе. Это ужасно. Ню, ню, ню... Никакъ не ожидалъ этого.

Губернатора такъ и передернуло, когда онъ услышалъ слова „агитація интеллигентовъ", словно въ это время кто-нибудь ткнулъ его шиломъ снизу.

— Ню, чьто же? Агитаторы арестованы?

— Кое-кто въ нашихъ рукахъ.

— Ню, прекрасно. Если нужно, позовемъ и войска на подмогу. Самыя крутыя мѣры — всегда самыя лучшія. Другія не помогаютъ и не устрашаютъ. Тѣ—только канитель... Нѣтъ, нѣтъ, — это не моя политика. По моему — натискъ, штурмъ: разъ, два — и готово.

Исправникъ подалъ губернатору печатное объявленіе, гдѣ начальство приглашало рабочихъ немедленно стать на работу. Губернаторъ мелькомъ прочиталъ его.

— Слабо! Очень слабо! заключилъ онъ. — Вы, господа, очень снисходительны. Нуженъ штурмъ, натискъ: разъ, два — и готово! Завтра разсчетъ и выселеніе, — напишите новое объявленіе. Но сначала я все-же попробую добромъ поговорить съ этимъ народомъ. Я очень, очень люблю народъ, — нашъ русскій православный народъ. Это славные, терпѣливые и послушные люди, — право! Но они очень невѣжественный, грубый народъ. Имъ очень трудно что-нибудь втолковать. У нашего народа есть нѣкоторая національная тупость, если можно такъ выразиться, — тупость. Да-съ, не правда-ли, правильно сказано: на-ці-о-нальная тупость.

Всѣ присутствовавшіе поспѣшили улыбнуться губернаторскому остроумію, и губернаторъ остался очень до-

воленъ и собой, и всѣми присутствовавшими. Онъ чувствовалъ себя на высотѣ положенія.

— Ню, гдѣ жъ эти бунтовщики? Покажите мнѣ бунтовщиковъ! Побесѣдуемъ съ ними! Побесѣдуемъ!

Исправникъ пыхтѣлъ, краснѣлъ и то и дѣло вытиралъ потъ, катившійся по его выпуклому лбу. Живодерниковъ какъ прежде, повторялъ: „я готовъ! я на все готовъ!“ Фабричный инспекторъ полупрезрительно посматривалъ на всѣхъ присутствовавшихъ, словно хотѣлъ сказать: „какъ вы, господа, плохо понимаете ваше положеніе!“ Кромѣ него и губернатора, всѣ чувствовали себя неловко.

Но бесѣдовать съ рабочими губернатору не пришлось. Фабрика по прежнему была безлюдна. Рабочіе по прежнему ждали отвѣта на свои требованія. Имъ не о чемъ было говорить. Губернаторъ походилъ, походилъ по пустому двору и уѣхалъ обѣдать.

ГЛАВА V.

Въ этотъ день Змѣевидовъ пришелъ домой часовъ въ 8 вечера. Онъ былъ голоденъ, какъ волкъ, но не чувствовалъ ни малѣйшаго утомленія. Напротивъ, настроеніе его было превосходно. И на это имѣлись весьма уважительныя причины: въ головѣ Змѣевидова вдругъ блеснула геніальная идея. Онъ щелкнулъ себѣ по лбу разъ — другой, щелкнулъ еще разъ и наконецъ воскликнулъ: „Чудесно! превосходно! Просто! Удобоисполнимо! Великолѣпно! Какой же я дуракъ, что не придумалъ этого раньше!“

Вотъ уже почти недѣля, какъ продолжается забастовка. Вотъ уже два дня, какъ нѣкоторымъ рабочимъ стали выдавать разсчетъ. У фабричной конторы все утро съ 7 часовъ толпились длинныя вереницы рабочихъ, — бабы, мужчины, подростки, — пестрая и шумная

толпа, безъ всякаго нетерпѣнія, а даже съ какой-то затаенной злобой ожидавшая разсчетныхъ книжекъ. Да, нечего грѣха таить, злоба написана на лицахъ многихъ людей изъ этой толпы. Какъ всегда, особенно невоздержны на языкъ бабы. Имъ приходится туго даже тогда, когда заработокъ падаетъ на какой-нибудь полтинникъ въ мѣсяцъ. Что же съ ними будетъ, когда всѣ онѣ, и мужья ихъ, и дѣти получатъ полный разсчетъ? „Ахъ, Господи! Господи! Мѣсто-то найти нелегко: сосѣднія фабрики полнехоньки. Ѣхать въ другіе города, подальше — денегъ нѣтъ. Ироды! право Ироды!“ И бабы ворчатъ, плачутъ и ругаются. А кто Ироды, и не разберешь! То ли мужья, то-ли иной кто. Одно всѣмъ понятно, — съ этого дня станетъ жить тяжеле, и богъ вѣсть когда придется поправиться. У рабочаго человѣка всегда такъ: нѣтъ угла, нѣтъ дома, — на продажу нести нечего, кромѣ своихъ рукъ, ногъ да спины. У иныхъ есть въ деревнѣ и земля, и изба, да все равно, что нѣтъ ничего: въ обнищавшей, изголодавшейся семьѣ тамъ дѣлать нечего, земля все равно давнымъ давно родить перестала, ею давно кормится тотъ, кто въ деревнѣ остался. Куда ужъ тутъ въ деревню! А деньги съ прошлой получки почти на исходѣ, да и получать-то пришлось немного-таки. Иные семейные уже не вытерпѣли, — просили поддержки изъ кассы. И имъ давали деньги изъ тѣхъ, что хранились у Михневича. Змѣевидовъ не зналъ, гдѣ хранятся деньги, но онъ зналъ, что у рабочихъ деньги еще есть. Онъ презрительно усмѣхнулся, вспомнивъ о тайной рабочей кассѣ. „Дурачье! Пять тысячь человѣкъ полуголоднаго народа думаютъ накормить пятью хлѣбами! Нѣтъ, голодъ-то не тетка! На свою-то кассу не больно разсчитывайте! А мы вотъ вамъ еще преподнесемъ гостинецъ“...

Змѣевидовъ придумалъ отличную штуку для „укрощенія строптивыхъ“. 17 мая, по распоряженію губернатора, потребительная лавка Веселухинской мануфактуры была закрыта и отпускъ товаровъ оттуда прекращенъ даже пайщикамъ. Отъ всѣхъ мелочныхъ лавочни-

ковъ въ слободѣ полиція тогда же взяла незаконную подписку въ томъ, что ни одинъ лавочникъ не будетъ больше отпускать рабочимъ харчи на книжку: пусть покупаютъ, коли нужно, на наличныя деньги. „Губернаторъ о вашей пользѣ думаетъ“, говорили лавочникамъ околоточные.

„Скоро начнется высылка рабочихъ по этапу. А съ высланныхъ должниковъ что вы получите? Ищи—свищи ваши денежки!“

Лавочники хоть и давали подписку, но посылали полицію ко всѣмъ чертямъ. „Вотъ еще что придумали! Лучше кредитовалъ рабочимъ и получать за кредитъ 50 процентовъ. Эка бѣда, если иные не заплатятъ: за нихъ расплатятся другіе этими самыми 50 процентами“.

Какъ ни какъ, а Змѣевидовская затѣя произвела на фабричный народъ тяжелое впечатлѣніе. Первые дни люди сильно пріуныли и повѣсили головы. Живодериковъ и губернаторъ были очень довольны. Какъ это все хорошо устроено: въ одну минуту можно однимъ приказомъ начальства оставить весь рабочій людъ и безъ заработка, и безъ хлѣба, и безъ жилья, и безъ всего,— словомъ, сдѣлать нищими и — укротить! Отдай приказъ, отбери подписку, „запри кранъ“ — и кончено дѣло — бунтовщики сидятъ голодные. Нѣтъ, такой „порядокъ“ въ общественной жизни и въ устройствѣ всего общества, съ низу до верху, отъ самыхъ бѣдныхъ до самыхъ богатыхъ, — отличный порядокъ. Только такимъ способомъ и можно управлять милліонами народа: укрощать его голодомъ. Ну, разумѣется, бунтовщики будутъ недовольны такими порядками и станутъ галдѣть и кричать! А ты не бунтуй, — и кричать тогда незачѣмъ!

День былъ жаркій. Погода какъ-будто установилась. Зелень развернулась быстро. Въ лѣсу пахло березовыми листьями и сосновой смолой. Воздухъ былъ чистъ и прозраченъ. Каждое дерево, каждая вѣточка жадно дышали и стремились жить. Птичьи голоса наполняли лѣсную чащу и тоже говорили о жизни и свободѣ. Старый лѣсникъ Миронычъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ на

завалинкѣ и прислушивался къ птичьимъ голосамъ. „Ишь ты, ишь ты, — вѣдь слова выговариваетъ по своему, — право! Чиликъ-чиликъ, и каждый разъ на особый манеръ“. Днемъ сторожка Мироныча оставалась пустою. Только Маша хлопотала по хозяйству, готовя скромный обѣдъ на восьмерыхъ. Зато вечеромъ, послѣ захода солнца, сторожка оживлялась. Потихоньку входили въ нее какіе-то люди и разсаживались по скамьямъ, устроеннымъ вдоль стѣнъ.

— Ну что, никого особеннаго не было? спрашивалъ пришедшій.

— А кому быть-то? отвѣчалъ дѣдъ. — Теперь только за бунтовщиками смотрятъ. Я-то какой бунтовщикъ? Полчеловѣка мнѣ оставили, а другую половину мою по отдѣленіямъ распотрошили. Вывели меня, значитъ, такимъ способомъ изъ бунтовщицкаго положенія. Чего имъ за такимъ-то смотрѣть?

Михневичъ и Завойко по цѣлымъ днямъ пропадали гдѣ-то въ лѣсу, а къ вечеру возвращались съ пачкой напечатанныхъ листковъ. На лѣсной полянкѣ, на холмѣ, откуда далеко видно, они устроили свою „печатную мастерскую“ и „редакцію своей собственной газеты“. Вечеромъ, а то и въ полдень, кто-нибудь изъ друзей непремѣнно приходилъ какъ-нибудь тайкомъ, окольными путями въ сторожку и забиралъ заготовленные листки. Иногда ихъ относилъ самъ дѣдъ или его внучка. Въ слободѣ ихъ давали „вѣрному человѣку“, а тотъ раздавалъ по рукамъ, не разбрасывая. Дѣло дѣлалось чисто Разбрасывать листки теперь уже не приходилось, потому что полиція была на ногахъ и сыщиковъ понаѣхало много. Нѣкоторые рабочіе, чтобы ослабить подозрѣніе полиціи, сами отдавали ей вчерашніе листки, которые были уже прочитаны и больше не нужны были.

— Макарычъ! съ самымъ добродушнымъ видомъ говорилъ какой-либо ткачъ знакомому городовому. — Возьми-ка ты это и передай начальству. Вонъ тамъ у забора я поднялъ. Возьми отъ грѣха подальше. Намъ развѣ что на цыгарки.

Городовой бралъ листокъ и представлялъ по начальству. Какъ ни какъ, а листки расходились и дѣлали свое дѣло. Бывало, конечно, что какой-нибудь парень изъ породы ротозѣевъ и попадался съ листкомъ. Его забирали и сажали.

Каждый день въ сторожку Мироныча стекались новости. Вологдинъ, Завойко, Михневичъ и Кораблевъ видѣлись ежедневно. Каждый день они обсуждали положеніе дѣлъ. Каждый день они ждали, что вотъ-вотъ кто-нибудь изъ нихъ четырехъ не придетъ больше въ сторожку Мироныча. Приходилось переживать тяжелыя минуты. Больше всѣхъ страдалъ душей Михневичъ. „Я, разсуждалъ онъ, задумалъ забастовку, я поднялъ ее, я и долженъ нести ее на своихъ плечахъ“. Онъ и готовъ былъ нести ее. Самое тяжелое бремя такого дѣла не устрашаетъ его, хотя изболѣлась и измучилась его душа. Измучилась не за себя, а за товарищей-братьевъ. Не устрашитъ его ничто! Онъ уже давно рѣшилъ, что быть бычку когда-нибудь на веревочкѣ. Но пока что надо послужить рабочему дѣлу. Надо показать, какъ и какимъ способомъ должны бороться рабочіе за свое лучшее житье-бытье. Даромъ или за пустяки Михневичъ не отдастся. Если ужъ пропадать, такъ за такое дѣло, послѣ котораго слѣдъ останется. А за такое дѣло онъ и въ огонь полѣзетъ, и въ жертву себя отдастъ. И себя не жалѣетъ, и отъ другихъ жалости не захочетъ... Разьвѣ что Маша... Ну, да вѣдь Маша куда угодно за нимъ пойдетъ, хоть на Соколиный островъ.

Трудно описать что дѣлалось въ душѣ Михневича и Завойко. Они не жили, а кипѣли; словно какая-то неземная сила подняла ихъ на высоту, сдѣлала героями, мощь великую вдохнула, прозорливость дала. И откуда все это? Откуда? Отъ любви и отъ жалости къ братьямъ-товарищамъ, такимъ же бѣднякамъ-рабочимъ. Отъ великаго, страстнаго желанія вступиться за своихъ братьевъ и показать и разъяснить имъ всѣ, всѣ способы, какими они могутъ улучшить свою жизнь на землѣ и какими уже улучшили свое житье заграничные братья-

рабочіе — нѣмцы, англичане и другіе. „Хватитъ ли только силы и умѣнья у меня?“ думалъ Михневичъ. „Хватитъ или не хватитъ, а какая есть сила, ту покажемъ нашимъ врагамъ-грабителямъ“.

Извѣстіе о закрытіи фабричной потребительной лавки поразило друзей какъ громомъ. Полиція не имѣла никакого права запечатывать ее. Дѣло это было сдѣлано совсѣмъ беззаконно, сдѣлано потому, что у полиціи своя рука владыка. „Не выдержать, что у покавыдержатъ“, думалъ Михневичъ. Ужъ среди семейныхъ начались разговоры, что „пора сдаться — не съ голоду же помирать“. Тѣ, что еще вчера не думали о сдачѣ, сегодня уже бранились, и что ни день, то бранятся громче. Брань и злоба отодвинули у многихъ всѣ прочія чувства на задній планъ. Зальштейнъ принесъ нехорошее извѣстіе, что на слободѣ, въ трактирѣ шла рѣчь о томъ, что пора-де разнести фабричную потребительскую лавку, да и контору за одно. Впрочемъ, это говорили подвыпившіе босяки, а не рабочіе, а можтъ и полицейскіе агенты. Для нихъ самое выгодное и удобное дѣло, чтобы поднялся теперь какой-нибудь шумъ. Тогда призови солдатъ, казаковъ, да и дѣйствуй противъ буяновъ пулями, штыками и нагайками. Противъ всего этого, небойсь, не устоятъ. Напугаешь одного — всѣ возьмутся за работу. Къ тому же за компанію съ буянами не хитро стереть съ лица земли и другихъ смирныхъ забастовщиковъ, къ которымъ безъ буйства и приступить неоткуда. И Завойко, и Кораблевъ, и другіе товарищи отлично понимали, что не такъ страшны голодъ и безработица, какъ смятеніе и шумъ.

Зальштейнъ принесъ еще вѣсточку, что Змѣевидовъ какъ-будто что-то затѣваетъ. Зальштейнъ подобралъ себѣ отличную компанію изъ молодыхъ парней и приставилъ къ каждому жандарму по два рабочихъ. Тѣ въ нѣсколько дней собрали достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, съ какими людьми переговариваются и видаются и Лампасовъ, и Нососуевъ, и другіе жандармы и ихъ агенты. Одного такого удалось уловить въ трактирѣ въ ту са-

мую минуту, когда онъ держалъ горячую рѣчь къ рабочимъ и убѣждалъ ихъ разнести фабрику и сжечь конторскія книги. Зальштейнъ, услышавъ такія рѣчи и зная, кто говоритъ, поднялъ скандалъ, позвалъ урядника и выдалъ говорившаго властямъ.

Змѣевидовъ только руками развелъ, узнавъ о томъ, что арестованъ никто иной, какъ полицейскій же шпіонъ. „Негодяи! Мерзавцы! Это вы нарочно устроили! Я до васъ доберусь!“

Какъ ни какъ, а полиція стояла на вѣрной дорогѣ. Ропотъ среди рабочихъ разростался что ни день то больше. 17 мая въ сторожкѣ Мироныча собралась та же многочисленная компанія, какая собиралась тамъ и 12 мая. Но многихъ уже изъ той компаніи недоставало. Въ это время они уже сидѣли въ ободранской тюрьмѣ. Иные, наиболѣе важные, были увезены даже въ губернскій городъ. Тѣ, кто остался цѣлъ, пришли къ Миронычу, но выглядѣли на этотъ разъ не такъ бодро, какъ прежде. Многихъ утомили непривычная суета и волненія; кое-кто усталъ рисковать. Были и такіе, которые съ непривычки и отъ слабости характера стали уже пѣть на другой тонъ, поддались настроенію толпы, своихъ товарищей и знакомыхъ.

— Наши выдержатъ, говорилъ Ивановъ, а вотъ изъ подручныхъ и изъ бабъ, надо полагать, многіе сдадутся.

— Іуды! кричалъ горячій молодой парень Аксюкъ.— Не будетъ этого! Не будетъ!

— Разсуждай тамъ съ ними! Одно дѣло — Живодерникова поборотъ, а другое дѣло — министра. Видишь, вся сволочь другъ дружку поддерживаетъ.

— Да и голодъ-то не тетка. Противъ насъ ишь какая силища!

— Товарищи! вдругъ заговорилъ Михневичъ. Его словно прорвало. Онъ вскочилъ на ноги и заговорилъ горячо и быстро. — Да какое мнѣ дѣло, что за Живодерникова стоитъ министръ? Да пусть за него даже царь стоитъ. Мнѣ и до этого дѣла нѣтъ. Да развѣ мы пото-

му и начали забастовку, развѣ потому и на борьбу пошли, что у насъ такой врагъ, какого одолѣть м о ж н о? Нѣтъ, совсѣмъ не потому! Мы пошли потому, что моченьки нашей не стало жить такъ, какъ мы живемъ: въ бѣдности, нищетѣ, униженіи и утѣсненіи, на грабежѣ и на правежѣ. Хоть милліонъ солдатъ противъ насъ выставь, — все равно, мы не должны и не можемъ сидѣть смирно, терпѣть и бороться. Раздавятъ насъ— ну что же? Туда и дорога. А сидѣть-то такъ нельзя. Когда-нибудь нужно же отпоръ дать. Этакъ-то, безъ отпора съ нашей стороны, только аппетитъ нашихъ враговъ растетъ: сегодня то берутъ, — завтра — это... Житья нѣтъ! Понижаютъ расцѣнки, даютъ гнилую пряжу, заставляютъ работать невыгодные сорта, увольняютъ, штрафуютъ, а то и бьютъ, насильничаютъ... Братья! Неужели же нужно доказывать и разсказывать, что нашему брату житья нѣтъ? Посмотрите, какъ мы, такіе же люди, живемъ и что мы ѣдимъ, какъ спимъ, сколько работаемъ... Словно собаки, словно звѣрье. А тѣ, треклятые, которые зовутся „господами“, хоромы строятъ, жалованье тысячами и десятками тысячъ получаютъ безъ большого труда или въ видѣ процентовъ за какія-то тамъ придуманныя акціи и паи, а то и за свое какое-то особое положеніе и благородное рожденіе, какъ-будто утроба матери не для всѣхъ одинаково устроена. Не можемъ мы такъ жить! Мы такіе же люди — человѣки. Мы тоже счастливой жизни ищемъ. Не для того же насъ богъ создалъ, чтобы мерзавцевъ, плутовъ, дармоѣдовъ, лакированныхъ разбойниковъ и мошенниковъ кормить съ ихъ чадами, домочадцами и любовницами. Мы своего кровнаго не отдадимъ безъ боя никакому врагу! Пусть онъ будетъ хоть какъ угодно силенъ, пусть на его головѣ хоть 20 коронъ, а наше отъ насъ отнимать не смѣй. Безъ боя не отдадимъ! За свой кусокъ крѣпко подержимся. Намъ говорятъ: „Отдай этотъ кусокъ фабриканту и начальству. Такъ надо, такъ богъ велитъ!“ Шалишь! это вы, да попы говорите, а божьяго-то голоса по нынѣшнимъ временамъ на землѣ не стало

слыхать, угодники-то святые дѣйствовать перестали. Своего кровнаго не отдадимъ! Его не вытащите у насъ изо рта. Живодерниковъ — такъ Живодерниковъ, министръ — такъ министръ, царь — такъ царь, — все равно, никому не отдадимъ. Много сотенъ лѣтъ по своей глупости вамъ отдавали! Довольно съ васъ! Чай насытились!

— Братцы! Мы должны держаться! Если насъ и сломятъ на этотъ разъ, — и это ровно ничего не значитъ для рабочаго дѣла: одинъ нашъ отпоръ — и тотъ заставитъ врага задуматься и быть осторожнѣе. Наша забастовка — отпоръ и урокъ врагамъ.

— А что ѣсть-то будемъ? спросилъ Ивановъ.

— Тебѣ ѣда нужна? воскликнулъ Михневичъ. — Сколько нужно? Получай. Деньги имѣются. Нѣтъ, другъ, если своего брата, рабочихъ, любишь, да всѣмъ имъ лучшаго житья желаешь, такъ напитаешь и пятью хлѣбами пять тысячъ человѣкъ. Христосъ такъ и напиталъ; одному даетъ, — тотъ не беретъ, а ради брата-товарища отъ куска отказывается. Пять хлѣбовъ такъ и обошли всѣ пять тысячъ человѣкъ и всѣ эти люди увидѣли, что терпѣть-то они еще могутъ. А кто не можетъ терпѣть, — пусть спрашиваетъ. Для такихъ есть у насъ деньги. Платонычъ прислалъ еще 200 руб.

— Такъ ты дай мнѣ рублей 50. Тамъ кое-кому я заткну ротъ этими деньгами, сказалъ Говорко.

— Ладно! Получай, сказалъ Михневичъ, и вынулъ бумажникъ и отсчиталъ деньги.

— Какъ-бы не вышло раскола, сказалъ другой рабочій. — Ужъ тамъ поговариваютъ, что нужно уступить. У рабочихъ-де людей силы мало...

— Что ты тамъ говоришь! воскликнулъ Завойко. — Сила! Какая тамъ сила! Ужъ не думаешь-ли ты, что Живодерниковъ и начальство по существу дѣла сильнѣе насъ?

— Какъ будто и такъ!

Завойко вскочилъ на ноги.

— Что ты, братецъ, рехнулся, что-ли? — началъ онъ говорить. — Да ты сообрази-ка! Развѣ рабочихъ побѣ-

ждаютъ фабриканты и полиція? Рабочіе сами себя побѣждаютъ. Фабрикантовъ на Руси нѣсколько сотенъ, а фабричныхъ рабочихъ почти три милльона, не считая мужиковъ. Солдатъ на Руси подъ ружьемъ тысячъ 800, полицейскихъ десятки тысячъ, а рабочаго люда милльоны! Кого болѣе? То-то, что не въ числѣ дѣло. И въ старину такъ было, когда еще рабы были: рабовладѣлецъ одинъ, а рабовъ у него десятки, сотни и тысячи; помѣщикъ одинъ, а крѣпостныхъ у него тысячи. Какъ же они управлялись? Какимъ способомъ? Да съ помощью самихъ же рабовъ, крѣпостныхъ и рабочихъ, потому что тѣ сами допускали, сами имъ помогали, сами свою шею подставляли. Христа враги распяли, а рабочій человѣкъ самъ себя и своего брата-рабочаго распинаетъ, отдаетъ на съѣденіе: ѣшьте, молъ, голубчики, на здоровье! И находятся охотники,—еще бы! Ѣдятъ съ удовольствіемъ. Нашимъ врагамъ даже и рукъ о насъ марать не приходится: стоятъ это себѣ въ бѣлыхъ перчаткахъ да поглядываютъ, какъ это мы другъ дружку на расправу тащимъ. Одинъ рабочій — Іуда — въ сыщики поступаетъ изъ-за 8 рублей въ мѣсяцъ; другой — въ солдаты идетъ и въ своего брата-рабочаго или мужика палитъ по приказу какого нибудь офицерика, третій хоть и остается рабочимъ до поры до времени, но всячески „заслуживаетъ“, — подслуживается къ фабриканту и мастеру, и начальству, норовитъ выскочить въ „люди“ и сѣсть со временемъ тоже на шею своему же брату, рабочему. Такъ и выходитъ: свой своего продаетъ. Оттого и нѣтъ у насъ силы. Насъ хоть и много, да толку отъ этого для насъ мало. Мы, — что куча песку, каждая песчинка особо и сама по себѣ. А если бы песчинка къ песчинкѣ прилипла, тогда бы крѣпкій камень изъ песку сдѣлался. Сила наша въ дружествѣ, въ единеніи. Пусть соберется дружно, хоть не 3 милльона рабочихъ, а 60 — 100 тысячъ и пусть гаркнутъ погромче, чтобы ихъ побольше народа слышало: „Отдайте намъ наше! отдайте, звѣри, грабители, подлецы-обманщики проклятые! Отдайте луч-

ше сами добромъ, пока мы отъ васъ не отняли!" Ужъ повѣрьте, все начальство, всѣ фабриканты, всѣ господа испугаются одного нашего голоса, — отдадутъ, и многія уступки нашимъ справедливымъ требованіямъ сдѣлаютъ. Силу то они нашу знаютъ лучше, чѣмъ мы сами знаемъ ее. Потому-то они и стараются держать эту нашу силу всякими способами у себя въ плѣну. Для этого и разныя средства давнымъ давно придуманы ими. Намъ всячески мѣшаютъ объединиться, всячески стараются насъ разъединить, — сдѣлать такъ, чтобы мы другъ за дружку не держались, а чтобы каждый изъ насъ жилъ самъ по себѣ, отдѣльно отъ другихъ, и чтобы его къ другимъ даже не тянуло. Наши враги науськиваютъ однихъ рабочихъ людей на другихъ, солдатъ-мужиковъ — на насъ; сыщиковъ-мужиковъ — на насъ; рабочихъ — на рабочихъ же. Такъ наши враги и убавляютъ нашу силушку — гдѣ рознью, гдѣ бѣдностью, гдѣ тьмою, гдѣ чѣмъ инымъ, а то и всѣмъ вмѣстѣ. Братья-товарищи! Да растолкуйте же вы всѣмъ, что мы сильнѣе нашихъ враговъ и что съ нами никакъ не справиться, если мы правильно наше положеніе будемъ понимать. Вѣдь всякъ себѣ добра хочетъ. Отъ пониманія выйдетъ дружество, а отъ дружества — лучшее житье-бытье. Если мы поймемъ наше положеніе и если поймемъ, кто такіе настоящіе наши враги, — мы поймемъ и то, какъ съ ними справиться; для этого одно только средство и есть,—дружество, единеніе. Разъясните это всѣмъ, всѣмъ! Это все такъ ясно и просто, что всякій дуракъ можетъ и долженъ понять. Въ деревнѣ будете жить, — разъясняйте въ деревнѣ, въ городѣ будете, — и въ городѣ такъ же дѣйствуйте; и въ казармѣ, и въ тюрьмѣ, и на улицѣ, и на фабрикѣ, и въ семьѣ, и вездѣ; разъясняйте и старымъ, и малымъ, и женамъ, и дѣтямъ, и всѣмъ — всѣмъ. Дѣтямъ съ малыхъ лѣтъ глаза открывайте: пусть знаютъ и понимаютъ. Дѣйствуйте, не покладая рукъ! Такимъ способомъ изъ насъ выростетъ великая сила въ нѣсколько лѣтъ. Такимъ способомъ пойдетъ пони-

маніе отъ одного къ другому, отъ души къ душѣ, словно пожаръ по селу. Черезъ нѣсколько лѣтъ выйдутъ изъ нашихъ рядовъ тысячи понимающихъ, и они гаркнутъ врагамъ: „Отдайте намъ наше! Отдайте, звѣри-грабители!“

— Братцы! да наши враги уже теперь слышатъ эти самыя слова наши. Имъ въ каждой нашей забастовкѣ, въ каждомъ крестьянскомъ бунтѣ и „сопротивленіи“ властямъ этотъ самый голосъ слышится. Мы молчимъ, а они голосъ нашъ слышатъ, словно голосъ пробуждающагося льва, — и трясутся. Мы сидимъ по домамъ, не идемъ на работу, а они говорятъ, — мы „бунтуемъ“, мы „преступники“ противъ начальства, противъ государства и противъ царя. Они потому такъ и говорятъ, что нашу силу чувствуютъ и сознаютъ, и никакого удержу ей не видятъ, кромѣ нашего непониманія, разрозненности и темноты. Въ нашей забастовкѣ и слышится имъ эта самая сила наша. Нѣтъ, подлые, не уступимъ! Нѣтъ, изъ нашего рта кусокъ сразу теперь не вытащить! Время такое проходитъ, когда это дѣлалось вами запросто. Теперь рабочій человѣкъ началъ уже понимать свое положеніе. Братцы-товарищи! Ну, хотите, я самъ завтра же пойду на фабрику и замѣсто васъ стану разговоры разговаривать съ губернаторомъ, Живодерниковымъ и другими.

— Чего ты, Сергѣй, съ ума сошелъ, что-ли? Чего ты тамъ придумалъ, — тебѣ идти на фабрику? Да тебя тамъ сразу заберутъ, только покажись.

— А мнѣ пускай! воскликнулъ Завойко. — Скажу все передъ начальствомъ и передъ толпой — пусть тогда забираютъ.

— Что же-ты ихъ переубѣдишь что-ли начальство-то?

— Чего мнѣ ихъ переубѣждать! Пускай и такъ послушаютъ. До ихъ сердца, разумѣется, моя рѣчь не дойдетъ: туда ей и дороги нѣтъ, потому денежныя и иныя выгоды мѣшаютъ. А до рабочаго сердца дойдетъ и крѣпко тамъ засядетъ, и всѣ сразу услышатъ!

— Да полно тебѣ ерундить-то! воскликнулъ Волог-

динъ. — И я могу сказать, что нужно. Голова вѣдь еще на плечахъ.

Завойко лишь мотнулъ головой.

— Пойду! рѣшительно сказалъ онъ. — Пойду и скажу. Потомъ пускай забираютъ.

И Завойко, блѣдный, дрожащій, взволнованный, вскочилъ, накинулъ фуражку и выбѣжалъ изъ сторожки. За нимъ вышелъ Аксюкъ, но не могъ уже догнать Завойку. Тотъ скрылся въ чащѣ лѣса. Ночь была темная, звѣздная. Въ воздухѣ чувствовалась лѣсная прохлада и сырость. Подъ сводами лѣса было темно и неуютно. Какіе-то таинственные звуки весенней ночи раздавались въ тишинѣ. Завойко не слышалъ ихъ и не чувствовалъ сырости. „Пойду!—повторялъ онъ про себя. —Пойду! Это дѣло рѣшенное! Слова, сказанныя отъ сердца, подѣйствуютъ. И я скажу, все скажу, что на душѣ накипѣло.

И въ эту минуту Завойко страстно захотѣлось жертвы. Захотѣлось страданій, захотѣлось умереть за своего же брата-рабочаго. Завойко быстро зашагалъ по тропинкѣ, которая, огибая сторожку, вела въ лѣсную чащу.

Аксюкъ, потерявъ изъ виду Завойко, сѣлъ на заваленку сторожки и принялся было обдумывать все слышанное въ этотъ вечеръ и пережитое въ этотъ день. Аксюку было понятно и близко настроеніе Завойки. Аксюкъ тоже хотѣлъ жертвы.

— Ай! кто это? вдругъ раздался чей-то голосъ изъ темноты. Черная тѣнь промелькнула мимо Аксюка и скрылась, точно испугавшись своего собственнаго голоса. Какой-то человѣкъ стоялъ у самой стѣны сторожки недалеко отъ окна.

— Кто это? окликнулъ Аксюкъ. — Кто? Говори!

— Э, да это ты, Иванъ! раздался опять голосъ изъ темноты. — Ты какъ сюда попалъ?

Аксюкъ провелъ холодной рукой по своему пылавшему лицу. Все значеніе неожиданной встрѣчи стало для него ясно само собой. Онъ узналъ голосъ говорившаго: когда-то работали въ одномъ отдѣленіи.

— Михайло Климовъ! воскликнулъ онъ. Ты-то какъ сюда попалъ?

— Да такъ вотъ! Гулялъ, гулялъ отъ нечего дѣлать, не зная, куда дѣваться. Дай, думаю, пойду къ Миронычу, покалякаю. Пошелъ, да и сбился. Плуталъ, плуталъ, — едва отыскалъ дорожку.

— Ты только сейчасъ добрался сюда?

— Вотъ-вотъ, сію минуту. Хотѣлъ ужъ въ дверь входить. Можно, али тамъ гости?

Мысли вихремъ неслись въ головѣ Аксюка. Что дѣлать? На что рѣшиться? Климовъ, очевидно вретъ: онъ все время стоялъ подъ окнами, смотрѣлъ и слушалъ. Недаромъ Зальштейнъ разъяснилъ, что Климовъ „служитъ“ и что съ нимъ уже былъ „случай“. Всѣхъ, мерзавецъ, предастъ. Всѣ будутъ взяты въ эту же ночь. И касса, и печатанье листковъ, и забастовка, и товарищескій кружокъ — все пропало изъ-за одной неосторожности кого-нибудь изъ своихъ же, который привелъ къ сторожкѣ за собой „хвостъ“, то есть шпіона. Надо было на что-нибудь рѣшиться тотчасъ же. И Аксюкъ рѣшился.

— Да, пожалуй, ужъ лучше не входи туда, сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ Климову. — Сегодня у Мироныча помолвка, — внучку свою выдаетъ за Михневича. Гости есть, — пьяные. Какъ бы опять чего не вышло: съ тобой, кажется, уже было тамъ что-то?

Климовъ ухмыльнулся.

— Всякую ерунду болтаютъ зря, — то и было! пробормоталъ онъ. — А впрочемъ, чего мнѣ лѣзть незваному? Я думалъ, Миронычъ одинъ проживаетъ съ Машей, а тутъ, вишь, компанія... Ты въ городъ идешь сейчасъ, что-ли?

— Въ городъ.

— Такъ проводи немного. Какъ бы мнѣ съ дороги не сбиться и не угодить въ Чертову Топь. Пойдемъ вмѣстѣ.

Климовъ обрадовался случаю поговорить съ живымъ

человѣкомъ, да и разузнать что-нибудь отъ горячаго Аксюка.

— Пойдемъ, пожалуй!

И Аксюкъ вмѣстѣ съ Климовымъ зашагали по лѣсу, но совсѣмъ не по той тропинкѣ, которая вела къ городу. Темный лѣсъ окружалъ со всѣхъ сторонъ путниковъ. Вѣтви деревьевъ брызгали росой. Ноги то и дѣло задѣвали за корни деревьевъ и за кусты. Рѣдко, рѣдко надъ головой мелькало звѣздное небо, мелькало и снова скрывалось за черными вѣтвями. Шли молча. И тому, и другому было не до разговоровъ. Климовъ крестился и изрѣдка лепеталъ: „Охъ, Господи, вотъ дебрь дремучая! Вотъ занесла нелегкая!“ Но въ душѣ у него было весело: то, что онъ разузналъ, еще никто не могъ разузнать. „За это Змѣевидовъ долженъ заплатить, какъ слѣдуетъ. Безъ этого отъ меня не отвертится!“ разсуждалъ Климовъ про себя. Аксюкъ шагалъ молча и по временамъ вытиралъ рукой холодный потъ, катившійся по его лбу.

Лѣсъ сталъ рѣдѣть. Звѣздное небо висѣло надъ головами.

— Ну, вотъ, сейчасъ и дорога! сказалъ Аксюкъ. — Перейдешь это сырое мѣсто, а за нимъ будетъ небольшой холмъ. Ты на него взойди, оттуда и городъ видѣнъ.

— А ты что же? Развѣ не въ ту же сторону?

— Мнѣ нѣтъ. Я на слободку!

— Больно сыро ужъ здѣсь! Какъ бы въ Чертову Топь не залѣзть... Съ головой тамъ покроетъ...

— Эхъ ты хватилъ! Эта Топь вонъ гдѣ осталась!

— Ну, прощай, Иванъ! До свиданья...

— Наше почтеніе, Климовъ.

Аксюкъ отошелъ нѣсколько въ сторону и остановился. Его била лихорадка. Онъ весь дрожалъ, а щеки и голова горѣли. „Что я дѣлаю? Что я дѣлаю?!“ бормоталъ онъ. „Какой грѣхъ беру на свою совѣсть?!“ Въ этотъ мигъ въ душѣ невѣрующаго Аксюка вдругъ почему-то по старой привычкѣ возникла мысль о богѣ...

Но она сейчасъ же разсыпалась, разлетѣлась, а вмѣсто нея обрисовался кроткій ликъ Христа, который пострадалъ и умеръ за своихъ братьевъ...

„И я завтра пострадаю и умру! И этотъ разбойникъ, Іуда, пусть пострадаетъ и умретъ тоже. Одинъ,—пусть лучше умираетъ одинъ, чѣмъ гибнутъ 26 товарищей. Пусть лучше погибнемъ и я, и Климовъ, чѣмъ Михневичъ, Завойко и все наше дѣло...“

И Аксюкъ быстро повернулся, выбрался на старую тропинку, по которой шелъ сюда, и бросился чуть не бѣгомъ назадъ. Онъ бѣжалъ, на каждомъ шагу спотыкаясь, падалъ, вставалъ и бѣжалъ снова, словно за нимъ гналось что-то страшное, скользкое, гнусное.

— Иванъ! издали донесся до него громкій голосъ Климова. — Иванъ! раздался черезъ секунду еще болѣе ужасный крикъ. — Иванъ! Помоги! Ой—о-о-ой! Спасите! — Но Аксюкъ бѣжалъ все дальше и дальше. Страшные крики Климова уже ослабѣвали вдали, но Аксюку казалось, что эти крики дѣлаются громче и громче и раздаются надъ самымъ его ухомъ. Стонали и ревѣли деревья. Стонала земля подъ ногами. Чей-то грозный топотъ, слышался позади. Сердце билось сильно и мучительно больно. Въ груди спиралось дыханье. И Аксюкъ бѣжалъ все дальше и дальше отъ страшнаго мѣста. Крики уже перестали слышаться вдали, а Аксюкъ все бѣжалъ. Онъ выбѣжалъ на какую-то поляну, споткнулся и замертво повалился на землю.

Въ такомъ положеніи и нашелъ его на другой день Миронычъ, дѣлавшій свой обычный обходъ. Съ Аксюкомъ сдѣлалась нервная горячка. Миронычъ переправилъ его съ большимъ трудомъ въ земскую больницу. Аксюкъ не приходилъ въ себя. Онъ бился на кровати, боролся съ больничными сторожами и кричалъ: „Пусти, пусти! Я Иванъ Сусанинъ! Меня самъ царь сдѣлалъ Иваномъ Сусанинымъ!“

На другой день Нососуевъ напрасно поджидалъ къ себѣ Климова. Климовъ исчезъ. Что съ нимъ случилось — такъ никто и не узналъ. О немъ не было ни слуху,

ни духу. Змѣевидовъ рѣшилъ, что Климовъ испугался новой потасовки, которою стращали его рабочіе, и уѣхалъ по добру по здорову на родину.

— Что же, туда и дорога! проговорилъ Змѣевидовъ, опуская себѣ въ карманъ мѣсячное жалованье Климова.

ГЛАВА VI.

У воротъ фабрики, по рабочимъ казармамъ, у конторы и въ другихъ мѣстахъ появилось строжайшее распоряженіе губернатора такого содержанія:

„По распоряженію Его Превосходительства Господина Начальника Голодаевской губерніи.

„Симъ объявляется рабочимъ Веселухинской мануфактуры, что не позднѣе завтрашняго дня, т. е. 18 мая 1899 г., они обязаны приступить къ работамъ, незаконнымъ способомъ и съ преступными цѣлями прерваннымъ. Ихъ дѣянія, выразившіяся въ забастовкѣ предусмотрѣны такою-то статьею закона и караются тюрьмою отъ 4 до 8 мѣсяцевъ. Жалобы рабочихъ на администрацію мануфактуры будутъ разсмотрѣны въ ближайшемъ будущемъ чинами фабричной инспекціи и, по возможности, будутъ удовлетворены. Старательнымъ ткачамъ и подручнымъ, работающимъ такіе-то сорта миткаля, администрація мануфактуры обѣщаетъ выдавать, по мѣрѣ возможности, награды. Въ томъ случаѣ, если и такое доброжелательное отношеніе начальства и фабричной администраціи не удовлетворитъ рабочихъ, и они все-же не выйдутъ на работу, то Его Превосходительство Господинъ Начальникъ губерніи предупреждаетъ, что съ упорствующими будетъ поступленно по всей строгости законовъ, — всѣ упорствующіе будутъ немедленно уволены и высланы административнымъ порядкомъ на родину, а вмѣсто нихъ будутъ наняты новые рабочіе“.

Слѣдуетъ подпись губернатора.

Въ тотъ же день вечеромъ по рукамъ рабочихъ ходилъ уже новый листокъ, гдѣ говорилось слѣдующее: „Товарищи! Начальство вывѣсило новое объявленіе для отвода глазъ. Но соловья баснями не кормятъ! Улита ѣдетъ и „въ ближайшемъ будущемъ“ когда-то будетъ. Обѣщаютъ насъ удовлетворить „по возможности“. Знаемъ мы эту возможность! За неясными обѣщаніями кроется просто-напросто желаніе провести всѣхъ насъ. Ткачамъ обѣщаютъ награду, вмѣсто прибавки расцѣнокъ. Намъ наградъ отъ щедрыхъ фабрикантовъ не надо. Мы желаемъ получить лишь то, что намъ слѣдуетъ. Наши справедливыя требованія всѣ должны быть уважены, потому что мы многаго не просимъ. Безъ этого мы не уступимъ! Держитесь, товарищи, съ достоинствомъ и стойко продолжайте свое дѣло. Живодерниковъ каждый день терпитъ огромные убытки. Мы его этими убытками такъ нахлещемъ, что на другой разъ всѣ наши желанія онъ станетъ удовлетворять, не дожидаясь нашихъ забастовокъ. Не вѣрьте тѣмъ людямъ, которые подбиваютъ васъ на всякія буйства и шумъ.

Комитетъ всеобщей забастовки Веселухинской мануфактуры“.

Какой-то шутникъ засунулъ такой листокъ подъ губернаторское объявленіе. Массы рабочихъ толпились у этого объявленія и читали его вслухъ. Послѣ этого вытаскивали изъ подъ него листокъ и тоже читали вслухъ, а затѣмъ клали листокъ на прежнее мѣсто. Такая продѣлка была замѣчена сыщиками лишь нѣсколько часовъ спустя.

На другой день, 18-го мая, сильно загудѣли гудки на Веселухинской мануфактурѣ. Они гудѣли необыкновенно протяжно. Задымили фабричныя трубы и сиротливо завертѣлись главные приводы. По обширному фабричному двору расхаживали жандармы, городовые, дворники. У фабричныхъ воротъ на лужкѣ стояли конные жандармы. По тротуару, близъ конторы, расхаживали младшіе инспектора, пристава, кое-кто изъ инженеровъ,

околоточные, исправникъ. Въ конторѣ сидѣли губернаторъ, старшій фабричный инспекторъ и Живодерниковъ. Они съ безпокойствомъ поглядывали сквозь стеклянныя двери конторы на фабричный дворъ. По двору здѣсь и тамъ, медленно и рѣдко, словно не-хотя и боясь, двигались не то люди, не то тѣни, — оборванные, грязные, рваные. Рядомъ съ ними толстопузый исправникъ казался еще толще и пузатѣе. Эти люди были по большей части тѣ „запасные“, которые не выдержали голодухи и пошли продавать свой трудъ по живодерниковской цѣнѣ. Но были среди нихъ и бѣдняки изъ рабочихъ, которымъ тоже стало не въ мочь терпѣть голодуху. Больше всего тутъ было семейныхъ, которымъ приходилось особенно тяжело. Они входили въ контору блѣдные и жалкіе, чувствуя все свое голодное униженіе, и заявляли, что согласны работать по старой цѣнѣ.

— Согласны? Ню, вотъ и прекрасно, говорилъ губернаторъ. — Господинъ конторщикъ, замѣтьте имя этого человѣка. Это несомнѣнно хорошій и благоразумный человѣкъ, въ преступленіе его увлекли, разумѣется, насильно...

Губернаторъ не скупился льстить рабочимъ. А „хорошій и благоразумный человѣкъ“ стоялъ предъ нимъ, какъ на эшафотѣ, и чуть не плакалъ не то отъ голода, не то отъ униженія, не то отъ злости. Изъ прежнихъ вышло на работу всего на всего около ста человѣкъ. Другіе поглядывали на нихъ не совсѣмъ-таки дружелюбно. Рабочіе собирались толпами на фабричномъ дворѣ, чтобы посмотрѣть, кто-то струситъ и выйдетъ на работу. Появились на фабричномъ дворѣ бабы. Онѣ робко входили во дворъ, собирались небольшими кучками, робко приближались къ конторѣ и останавливались шагахъ въ 30 отъ нея. Скоро ихъ набралось нѣсколько сотъ человѣкъ. Мужчины бродили сначала въ отдаленіи, но затѣмъ появилась на дворѣ толпа молодежи и шумно, даже весело, подошла къ конторѣ и оста-

новилась недалеко отъ нея. Обширный фабричный дворъ наполнялся понемногу народомъ.

Фабричный инспекторъ первый вступилъ въ разговоръ съ толпой. Онъ обстоятельно и не жалѣя страшныхъ словъ принялся разъяснять рабочимъ законъ о забастовкѣ. Онъ говорилъ, что законъ строго-настрого запрещаетъ всякія забастовки рабочихъ, что забастовка — это преступленіе, что ею ничего нельзя добиться, потому что правительство постановило разъ навсегда никакимъ забастовкамъ не уступать. „Добивайтесь улучшенія своего житья мирными способами", говорилъ фабричный инспекторъ.

— А мы нешто шумимъ? послышался вдругъ громкій и насмѣшливый голосъ изъ толпы. — Какими другими способами прикажешь дѣйствовать, ваше благородіе? Може еще есть какіе? Научи насъ имъ въ такомъ случаѣ!

Произошло небольшое замѣшательство. Инспекторъ остолбенѣлъ отъ удивленія, — его удивилъ больше всего самый тонъ голоса. Толпа подалась впередъ, сбилась въ кучку и окружила инспектора со всѣхъ сторонъ. Змѣевидовъ проскользнулъ куда-то, чтобы дать соотвѣтствующія приказанія Нососуеву и своимъ агентамъ. Въ это время къ толпѣ вышли изъ конторы губернаторъ, Живодерниковъ, конторщикъ и старшій инспекторъ. Всѣ они были такіе изящные, такіе гладкіе и сытые, такіе раздушенные и напомаженные. Губернаторъ выдвинулся впередъ и заговорилъ. Онъ старался придать своей рѣчи шутливый, добродушный тонъ.

— Ню, вотъ вы и собрались, ребята! Давно пора! Побесѣдуемъ по душѣ! Разскажите мнѣ, братцы, чѣмъ вы недовольны, разберемъ все, какъ слѣдуетъ, и помиримся! Ню, выходи сюда, кто хочетъ говорить.

Никто не выходилъ. Тѣ, кто стояли въ переднихъ рядахъ, мялись и смущенно посматривали въ землю.

— Ню, что же, выходите выборные! повторилъ губернаторъ.

Изъ толпы раздался прежній голосъ.

— Нѣтъ, вашество, г. губернаторъ! мы къ вамъ не выйдемъ. Давайте такъ разговаривать.

Губернатора даже бросило въ потъ отъ этихъ словъ, сказанныхъ совсѣмъ уже непочтительнымъ тономъ.

— Если вы хотите говорить съ начальникомъ губерніи, то должны дѣлать такъ, какъ онъ говоритъ! строгимъ голосомъ и задирая носъ къ верху произнесъ губернаторъ. Ему очень хотѣлось быть въ эту минуту величественнымъ, но это не выходило.

— Да мы вовсе и не хотимъ говорить съ вами! сказалъ голосъ. — Если вы хотите говорить съ нами, такъ разговаривайте!

Въ глубинѣ толпы загудѣло, заволновалось. Губернаторъ закусилъ губу и продолжалъ.

— Даю вамъ слово начальника губерніи, что никого изъ говорившихъ не трону.

— Знаемъ! отвѣчалъ голосъ изъ толпы. — Видывали виды! Жандармскія-то власти безъ вашихъ приказовъ дѣйствуютъ.

Губернаторъ сдѣлалъ видъ, что плохо слышитъ эти слова. Онъ „милостиво“ улыбнулся и произнесъ:

— Ню, хорошо! Давайте и такъ разговаривать!

Губернаторъ постоянно кичился своимъ умѣньемъ разговаривать съ простымъ людомъ и покорять его сердца простыми, задушевными рѣчами.

— Чѣмъ же вы недовольны, ребята?... Ню, говорите прямо, не бойтесь!

Не успѣлъ губернаторъ произнести этихъ словъ, какъ вдругъ въ толпѣ произошло смятеніе. Толпа зашумѣла, задвигалась, раздался голосъ: „Братцы! Что вы? что вы? За что?“ И изъ толпы прямо на губернатора вылетѣли въ самомъ растрепанномъ видѣ рабочій Никитичъ и еще два какихъ-то человѣка. Кто-то имъ поддалъ сзади, и кто-то пнулъ въ бокъ. Фуражки были сбиты съ головы, платье разорвано.

— Ваше высокопревосходительство! воскликнулъ одинъ изъ вылетѣвшихъ. — Прикажите имъ не драться! По какому такому закону они дерутся?

— Господинъ губернаторъ! раздался прежній голосъ изъ толпы. — Прикажите жандармамъ уйти со двора и увести сыщиковъ. Иначе мы говорить не будемъ. Эти подлецы — сыщики. Они продирались ко мнѣ, чтобы посмотрѣть, кто говоритъ. Оттого имъ и попало. И съ другими такъ будетъ...

— Если вы будете буянить, строго заговорилъ губернаторъ, — тогда и разговаривать нечего. Тогда я позову солдатъ и велю стрѣлять въ васъ.

— Мы не буянимъ, раздался тотъ же голосъ изъ середины толпы. — А вашихъ солдатъ не больно-то испугались. Если-же не хотите разговаривать честью и держать губернаторское слово, такъ чего жъ и разговаривать?

— Какъ вы смѣете говорить такъ? Какъ смѣете? закипятился губернаторъ. — Вы знаете, кто передъ нами стоитъ? Вы знаете, что мнѣ волею государя дана полная власть истребить васъ всѣхъ до единаго. Вы знаете, что Его Величество высказалъ высочайшую благодарность владимірскому губернатору за то, что онъ стрѣлялъ въ рабочихъ?

— Воля ваша! послышалось изъ толпы. — Авось за насъ Савелій Никитичъ заступится. Что онъ безъ насъ будетъ дѣлать, когда вы всѣхъ насъ перестрѣляете, чтобы получить царскую благодарность?

Змѣевидовъ подошелъ къ губернатору и угрюмо спросилъ его:

— Ваше превосходительство, толпа настроена очень буйно! Не прикажете-ли позвать солдатъ? Эти люди становятся все нахальнѣе!

— Зовите! отмахнулся отъ него губернаторъ и затѣмъ продолжалъ, обращаясь къ рабочимъ.

— Вы совершаете беззаконное дѣло! Вы совершаете преступленіе! Я не могу допустить въ своей губерніи вашихъ беззаконій и мятежей!

— А по какой такой причинѣ, вашество, вы допускаете беззаконія господина Живодерникова? раздался

голосъ изъ толпы. — Развѣ онъ-то по закону все дѣлаетъ? Вотъ спросите инспектора. Онъ вамъ скажетъ!...

По толпѣ пробѣжало волненіе. Толпа зашумѣла и вдругъ затихла. Всѣ словно застыли въ ожиданіи, что вотъ-вотъ совершится важное событіе, — великій скандалъ.

— Позвольте сказать вамъ, вашество, продолжалъ голосъ изъ толпы. — Мы не собаки какія. Мы не разбойники. Мы такіе же люди, какъ вы. Совершенно такъ-же устроены! По какому такому закону божескому мы отданы на съѣденіе господамъ купцамъ-фабрикантамъ? По какому такому правилу намъ запрещено стоять за себя? Что намъ нужно — все прописано въ нашихъ листкахъ. Савелій Никитичъ Живодерниковъ хочетъ гнилую пряжу, купленную по дешевой цѣнѣ, какъ-нибудь сбыть съ обманомъ и выгодой, а мы за это въ бунтовщики попали! Господинъ Живодерниковъ дѣла свои обдѣлываетъ, а насъ за это голодомъ морятъ, грозятъ изъ жилья выгнать и потребительную лавку царева полиція, въ угоду фабриканту, беззаконно закрыла. Почему не слушаютъ нашего голоса въ такихъ дѣлахъ, которыя больше всего касаются не иного кого, а насъ? Или думаютъ, что у насъ своихъ головъ нѣтъ, а замѣсто этого чиновничьи, полицейскія и фабрикантскія головы лучше о нашихъ дѣлахъ разсудятъ и рѣшатъ, что для насъ нужно и что не нужно? Почему не желаютъ сознаться, что такой-то мастеръ Мясоѣдовъ — скотина, а директоръ, — одно слово, печаль одна? Или мы даже оцѣнить человѣка не умѣемъ и не можемъ отличить свинью отъ честнаго? По какому такому правилу насъ не ставятъ ни во что? Или мы какія-то машины, а то и хуже машинъ?

Губернаторъ побагровѣлъ отъ злости. Живодерниковъ и другіе присутствующіе стояли, какъ будто на нихъ напалъ столбнякъ. Змѣевидовъ опять подскочилъ къ губернатору и спросилъ: „Не прикажете-ли конной стражѣ ударить въ нагайки?“ Губернаторъ только замахалъ руками: онъ самъ не зналъ на что рѣшиться и тру-

силъ за свою шкуру, потому что солдаты („христолюбивое воинство“) еще не пришли. Старшій фабричный инспекторъ подошелъ къ губернатору и спросилъ его:

— Позвольте мнѣ сказать рабочимъ нѣсколько словъ?

— Говорите! Говорите!

— Ребята! закричалъ толпѣ инспекторъ. — Теперь не время разсуждать и спорить, кто правъ и кто неправъ. Это мы потомъ разберемъ. Его превосходительство, г. губернаторъ, говоритъ вамъ: вы совершаете преступленіе, отказываясь отъ работы. Сначала перестаньте быть преступниками и идите на работу, а потомъ мы съ вами потолкуемъ и все разберемъ.

— Ваше благородіе, господинъ инспекторъ! раздался голосъ изъ толпы. — Позвольте васъ спросить: одобряете вы поступки Савелія Никитича? Позвольте спросить!

Инспекторъ замялся и сразу не зналъ, что отвѣтить.

Голосъ продолжалъ.

— Вотъ видите! Вѣдь только-что мы станемъ на работу, сейчасъ же начнутся беззаконія Савелія Никитича, и выйдетъ такъ: нашего беззаконія — забастовки — не будетъ, а беззаконія Савелія Никитича опять проявятся. Почему же, позвольте васъ спросить, вы хлопочете о замѣнѣ нашихъ беззаконій ихними? Или тѣ слаще? Или отъ тѣхъ больше пользы для царя! Ужъ лучше теперь же разберите и хозяевъ, и насъ, а потомъ мы и станемъ на работу.

— Мы пришли сюда не за тѣмъ, чтобы спорить съ вами, громко и отчетливо произнесъ фабричный инспекторъ. — Мы пришли, чтобы объявить вамъ волю высшаго начальства.

— Господинъ губернаторъ! громко воскликнулъ голосъ изъ толпы. — Разъясните, пожалуйста, намъ, темнымъ людямъ, какъ это выходитъ: вы видите съ вашей высоты неправду и на нашей сторонѣ, и на сторонѣ хозяевъ. Нашу вы гоните, насъ стращаете солдатами, хозяйскую же неправду господинъ министръ подъ свою защиту беретъ да еще на несправедливый законъ ссы-

лается, царемъ подписанный. Разъясните намъ, пожалуйста, для чьей пользы министръ тотъ сидитъ и жалованье десятками тысячъ въ годъ получаетъ изъ государственной казны, — для нашей пользы или для пользы фабрикантовъ? Или въ эту казну больше идетъ денегъ съ фабрикантовъ, а не съ насъ, мужиковъ? Непонятно все это намъ, право!

— Ваше превосходительство! Онъ говоритъ зажигательныя рѣчи! произнесъ Змѣевидовъ, наклоняясь къ губернатору. — Прикажите жандармамъ разогнать эту дикую толпу.

— Позвольте-съ, сказалъ рѣзко Змѣевидову фабричный инспекторъ. — Ваши нагайки испортятъ только дѣло. Надо же узнать, наконецъ, чего хотятъ эти люди.

— Вы потакаете мятежу! ехидно улыбаясь, произнесъ Змѣевидовъ.

— Объ этомъ мы поговоримъ съ вами потомъ! хладнокровно отвѣчалъ ему фабричный инспекторъ. — А теперь не мѣсто и не время.

— Ваше превосходительство, продолжалъ голосъ изъ толпы. — Позвольте вамъ сказать, что мы не твари безсмысленныя. Мы отлично понимаемъ всю суть дѣла. Мы понимаемъ, что вотъ теперь мы стоимъ передъ вами, какъ вродѣ передъ врагомъ. Давно ли мы перестали васъ считать за своихъ „благодѣтелевъ“ и „отцовъ родныхъ?“ Давно-ли васъ начали понимать-то? А вѣдь скоро все поняли! Поняли мы, что на хозяевъ да на начальство намъ надѣяться не приходится, а приходится самимъ думать, какъ помочь своему собственному горю своими средствами.

— Ваше превосходительство! Это не рабочій говоритъ! это агитаторы-интеллигенты вмѣсто нихъ разсуждаютъ, это соціалисты-революціонеры! шепнулъ губернатору Змѣевидовъ.

— Ахъ, оставьте! Нужно разъ навсегда выслушать ихъ! произнесъ недовольнымъ тономъ губернаторъ, который въ это время думалъ про себя: „а вѣдь дѣло-то интересное и опасное. Какой же я храбрый!“

Голосъ продолжалъ:

— Ваше благородіе! разберите наше положеніе по совѣсти, тогда увидите, какъ намъ тяжело живется. Фабриканты загнали насъ въ самый уголъ, гдѣ только и остается или умирать съ голода, или бастовать и своего требовать. Умирать мы не желаемъ. Мы требуемъ справедливости. Мы требуетъ вотъ чего...

И голосъ громко и отчетливо прочелъ требованія рабочихъ Веселухинской мануфактуры, изложенныя въ листкѣ отъ 10 мая.

— Вѣрно! Вѣрно! Требуемъ! требуемъ! закричала толпа. — Жить безъ того невозможно! Хоть умирай!

Губернаторъ и другое начальство даже содрогнулись, услышавъ этотъ громкій ревъ тысячной толпы обнищавшаго, полуголоднаго люда, повидимому такъ робко тѣснившагося передъ ними, такими сытными, всевластными и самодовольными господами. Тутъ ужъ разсуждать было неумѣстно, — соціалистическая агитація это или не агитація. Какъ ни какъ, а агитація дѣйствуетъ, потому что агитаторы не лгутъ, а говорятъ сущую правду. Не они дѣйствуютъ на толпу, а та правда, которую они говорятъ, — она дѣйствуетъ. Агитаторы тѣмъ и сильны, что дошли своимъ умомъ и своими знаніями до правды... И эта толпа рабочихъ, загнанныхъ, обманутыхъ, ограбленныхъ всякими хитрыми пріемами сложной фабричной жизни и всего общественнаго государственнаго устройства, дѣйствительно показалась и могущественной, и страшной и Савелію Никитичу съ его присными, и губернатору, и иному начальству.

— Требуемъ! Требуемъ! Стоимъ на своемъ!

— Вы будете немедленно разсчитаны, выселены изъ квартиръ, высланы по этапу! громко воскликнулъ губернаторъ.

— Воля ваша! Требуемъ! Требуемъ! толпа ревѣла и гудѣла, и въ ея ревѣ слышались угрозы и стоны, и плачъ, и сила.

— Солдаты идутъ! пронесся крикъ изъ толпы. Подростки и бабы побѣжали къ рѣшеткѣ. Толпа подалась

немного въ сторону. Издали доносились звуки военной музыки. Музыка играла какой-то походный маршъ.

— Ваше превосходительство! снова раздалось изъ толпы. Будьте справедливы. Если вы не уступите, — дѣло добромъ не кончится: если вы усмирите насъ, а на наше мѣсто поставите другихъ, тѣ тоже возопіютъ и возропщутъ, потому что и они такіе же люди, какъ мы. Они того же самаго потребуютъ, что и мы, и тоже забастуютъ, потому что иного выхода и иного способа, чтобы добиваться своего, и у нихъ вѣдь нѣтъ. А если вы насъ и ихъ вышлете съ помощью жандармовъ и полиціи и наймете третьихъ, — и съ тѣми будетъ то же самое. Иначе и быть не можетъ. И такъ пойдетъ до тѣхъ поръ, пока наше житье не измѣнится къ лучшему и пока намъ не станетъ легче. А это будетъ тогда, когда всѣ порядки и на фабрикѣ, и во всей странѣ не измѣнятся въ конецъ, и когда не будетъ на землѣ фабрикантовъ и рабочихъ, собственниковъ и нищихъ, а когда всѣ будутъ рабочими и фабрика будетъ принадлежать рабочимъ же, и когда выборные люди отъ рабочихъ будутъ управлять всей страной наравнѣ съ другими выборными. Ваше превосходительство, вѣдь коли ужъ мы, темные люди, эту простую и святую истину поняли, какъ же это вы, господа ученые, умные, ея не понимаете? Или вы потому и не понимаете, что понимать не хотите? Или вы глухи потому, что слушать насъ не желаете, потому что думаете объ одной своей выгодѣ, а не о божеской справедливости? Ваше превосходительство! передайте вы своимъ министрамъ и царю, — мы всѣ перемремъ или отъ голоду, или въ тюрьмѣ, или въ ссылкѣ, а поставимъ на своемъ. И ничего вы съ рабочими не подѣлаете! Тюремъ для насъ не хватитъ! Ссылки пойдутъ намъ же на пользу, потому что мы нашу правду и вашу неправду разнесемъ по самымъ глухимъ угламъ и откроемъ ее и нашимъ братьямъ-землепашцамъ. Мы требуемъ своего кровнаго. Мы—люди! Мы хотимъ жить не по-собачьи, и васъ всѣхъ кормить за свой счетъ больше не желаемъ!

— Требуемъ! Требуемъ! Не желаемъ! Не желаемъ! кричала толпа. Кричали старики, бабы, даже дѣти.

А вдали гремѣла по прежнему музыка. Она гремѣла все слышнѣе и слышнѣе. Но крики полуголодной толпы заглушали ее. Рабочіе стояли, сбившись въ кучу, и переглядывались: иные не знали, что имъ дѣлать; иные чуть не дрожали, потому что никогда еще не слыхали, чтобы на святой Руси простой рабочій человѣкъ бросалъ правдивое слово прямо въ лицо сытому и сильному господину, да еще губернатору, назначенному самимъ царемъ, и богачу-фабриканту.

Всѣ присутствующіе были поражены всѣмъ тѣмъ, что видѣли и только что слышали. Пришелъ въ замѣшательство даже старшій фабричный инспекторъ, который въ эту минуту сознавалъ вполнѣ ясно въ своей чиновничьей казенной душѣ, что рабочіе говорятъ правду, хотя и такую правду, какая совсѣмъ неудобна и непріятна ни для начальства, ни для фабрикантовъ... Фабричный инспекторъ хорошо зналъ тяжелое положеніе рабочихъ на Веселухинской мануфактурѣ. Онъ самъ много разъ удивлялся, какимъ это способомъ еще ухитряются жить не умирая эти 30-копѣечныя бабы, шестигривенные мужчины-ткачи. Онъ много разъ думалъ про себя: потому народъ и не бунтуетъ, что онъ голоденъ, не доѣдаетъ, опустился духомъ, обнищалъ и некогда ему думать, откуда идетъ зло. Но горе, если этотъ народъ пойметъ и проснется. Не народъ проснется, а звѣрь! И слыша эти крики: „Требуемъ! требуемъ!“ фабричный инспекторъ воочію увидѣлъ передъ собой страшилище, многотысячнаго звѣря, который уже просыпается. Но что это за звѣрь? Это звѣрь добрый, понимающій, многотерпѣливый, смирный, — звѣрь, который п р о с и т ъ въ то самое время, когда могъ бы все взять и не прося... Этотъ звѣрь такой же человѣкъ, какъ и мы, только еще добрѣе, умнѣе и искреннѣе... Инспектору было и страшно, и жалко...

Губернаторъ былъ настроенъ иначе. Онъ весь вѣкъ учился только командовать и отдавать приказанія; раз-

суждать же и думать онъ не привыкъ. Онъ весь вѣкъ былъ увѣренъ, что за нимъ стоитъ военная и поповская и всякая иная сила, которую онъ, когда хочетъ, тогда и можетъ пустить въ ходъ... И привыкъ онъ думать, что сила, которая въ его рукахъ, такъ велика, что внутри государства съ нею никто и не справится... И вдругъ эта толпа рабочихъ, эти бѣдняки, дружно стоящіе за свое дѣло, оказываются какъ-будто сильнѣе его? Что же это такое? Словно міръ перевернулся въ губернаторскихъ глазахъ, и ему сдѣлалось страшно. Онъ испугался этой мирной, тихой, но настойчивой силы рабочей толпы. То-то и страшно, что это толпа не шумитъ, а требуетъ справедливости и правды. Противъ такой толпы не пойдешь съ ружьями и пушками, потому что въ нее и стрѣлять-то нечего... А если будешь стрѣлять, будетъ еще того хуже, — всѣмъ станетъ еще яснѣй и понятнѣй, на какой сторонѣ правда. Хоть бы къ чему-нибудь придраться, хоть бы какимъ-нибудь способомъ зацѣпить, разозлить эту толпу, чтобы она забушевала, — тогда ее можно и сломить, и разнести въ конецъ съ помощью солдатъ...

— Что же это такое дѣется? спросилъ шепотомъ у губернатора Живодерниковъ.

— Ничего не подѣлаешь! отвѣчалъ ему губернаторъ, пожимая плечами. Онъ съ нетерпѣніемъ поджидалъ, когда же придутъ солдаты.

— Ваше пр—во, крикнулъ голосъ изъ толпы, крикнулъ громко и отчаянно, и въ этомъ голосѣ послышались грозныя, надорванныя ноты. — Вамъ посчитаться съ нами придется! Вы сами изъ насъ, россійскихъ подданныхъ, дѣлаете себѣ враговъ. Это дѣло ваше, господское. Мы лишь не желаемъ давать себя въ обиду. Если вы насъ съ этой фабрики разсчитаете, мы на другую пойдемъ и тамъ будемъ разъяснять правду. Вы насъ въ деревню сошлете, на родину, и тамъ мы не станемъ молчать. Вы насъ въ тюрьму посадите, — такъ сажайте-ка всѣхъ на вѣчное время. А если выпустите, — праворже будемъ продолжать свою линію. Если въ тюрьмѣ го-

ворить разучимся, то, выйдя изъ тюрьмы, на людяхъ опять научимся, коли порядки останутся старые. Ничего съ нами не подѣлаешь!

— Господинъ исправникъ! г. полковникъ! велите отыскать и немедленно арестовать этого человѣка, кто говоритъ! воскликнулъ губернаторъ, приходя въ себя.

— Сейчасъ же! Сію минуту!

Исправникъ бросился къ отряду полицейскихъ. Змѣевидовъ сдѣлалъ знакъ коннымъ жандармамъ. Городовые и всадники, какъ вымуштрованные звѣри, бросились въ середину толпы, откуда слышался голосъ. Толпа шарахнулась, но не оказала ни малѣйшаго сопротивленія. Она разступилась; робкіе бросились въ разсыпную и сбились въ углу фабричнаго двора у входа въ одинъ изъ фабричныхъ корпусовъ. Нѣсколько человѣкъ пѣшихъ жандармовъ и околодочныхъ бросились въ середину толпы и оцѣпили нѣсколько десятковъ человѣкъ рабочихъ, среди которыхъ, по ихъ предположенію, долженъ былъ находиться авторъ „дерзкихъ словъ“. Бабы и дѣти завопили. Кой-кому были отдавлены ноги копытами лошадей. Другихъ сильно потолкали городовые. Человѣкъ 30 рабочихъ были тотчасъ же уведены въ тюрьму подъ охраной городовыхъ. Но среди этихъ 30 не было говорившаго, какъ это и выяснилось въ тотъ же день вечеромъ въ кутузкѣ, гдѣ приставъ, околодочные, городовые, жандармы и агенты съ помощью пинковъ и колотушекъ заставляли всѣхъ арестованныхъ „пробовать голосъ“ и кричать. Окруженный все время своими товарищами, Завойко благополучно и во время успѣлъ проскользнуть въ отворенную дверь ткацкаго корпуса, пробѣжалъ корпусъ по третьему этажу и спустился по желѣзной наружной лѣстницѣ на другой сторонѣ его. Въ этотъ достопамятный день были арестованы Сладовъ и Ивановъ.

А солдаты торжественнымъ маршемъ входили на фабричный дворъ. Змѣевидовъ изъ усердія вызвалъ цѣлый батальонъ пѣхоты съ музыкой. Впрочемъ, пришло меньше. Солдаты шли удвоенными рядами, длинной верени-

цей, держа ружья „вольно на плечѣ“. Ихъ было двѣ роты подъ начальствомъ браваго усатаго капитана. Толпа рабочихъ тотчасъ же выросла по ту и по другую сторону солдатъ. Молодые парни, подростки и фабричныя дѣвушки протискивались впередъ и съ любопытствомъ глядѣли на военную силу, пришедшую усмирять „бунтовщиковъ“. И губернаторъ, и инспекторъ были очень недовольны тѣмъ, что солдаты пришли раньше времени, потому что бунтовщиковъ-то и не было, — рабочіе даже въ такой „задирательный моментъ“ держали себя смирно, не дрались, не противились, не шумѣли. Губернаторская попытка разозлить толпу пропала зря. Рабочіе мирно и спокойно смотрѣли на парадное шествіе солдатъ совершенно такъ же, какъ зрители въ театрѣ смотрятъ на представленіе.

— Здорово, солдатики! Здорово, христолюбивое воинство! раздавались изъ толпы женскіе голоса.

— Не на турку-ли пришли, солдатики? шутили другіе.

— Коли! Руби! Рѣжь! Пли! Пли!

— Пырни вонъ того толстопузаго, что съ губернаторомъ-то разговариваетъ!

— Изъ какой губерніи, служивые? Не землячки-ли будете? Чай насъ, земляковъ, вамъ стрѣлять пріятнѣе?

Солдаты проходили подъ градомъ такихъ возгласовъ, упрековъ и остротъ. Они шагали какъ машины, размахивая руками, не смѣя утерѣть потъ, катившійся со лба. Лица многихъ солдатъ были сумрачны и утомлены. Другіе безстрастно, какъ истуканы, посматривали по сторонамъ, точно хотѣли показать своими лицами: „намъ все равно, въ кого ни стрѣлять, — въ своего или въ чужого. Въ кого велятъ, въ того и будемъ...“

Солдаты безпрепятственно прошли сквозь толпу рабочихъ и выстроились между нею и ткацкимъ корпусомъ фабрики. Губернаторъ, инспекторъ, Живодерниковъ и другія начальствующія лица удалились въ фабричную контору. Рабочіе разсыпались по двору, кото-

рый скоро превратился въ какой-то военный лагерь. У фабричной рѣшетки, на которой уже много лѣтъ красовалась надпись: „Постороннимъ лицамъ входъ строго воспрещается“, собрались многочисленныя толпы горожанъ и слободскихъ. Они пришли посмотрѣть на невиданное доселѣ зрѣлище, какъ спорятъ и торгуются простые рабочіе съ хозяевами и начальствомъ. Солдаты вытянулись въ два длинныхъ ряда и поставили ружья „къ ногѣ“. У всѣхъ входныхъ дверей фабричныхъ корпусовъ скоро появились караулы. Такіе же караулы были откомандированы къ домамъ Живодерникова и директора, къ школѣ, больницѣ, товарнымъ складамъ и подъѣздному пути, какъ-будто рабочіе собирались учинить генеральный разгромъ. Скоро приняла видъ военнаго лагеря вся фабрика.

А тѣ самые люди, противъ которыхъ продѣлывались всѣ эти военныя приготовленія, мирно расхаживали по двору, подходили къ солдатамъ, заводили съ ними пріятельскія бесѣды на тему, кто и откуда родомъ и на кого и за кого пришелъ сюда воевать. Солдаты стояли подъ градомъ остротъ и упрековъ. Это былъ своего рода военный огонь, и многія солдатскія или, вѣрнѣе сказать, тѣ же мужицкія сердца были такимъ огнемъ ранены смертельно.

Рабочіе не показывали и вида, что готовы прекратить забастовку. Напротивъ, послѣ слышанныхъ рѣчей и „пріятныхъ разговоровъ“ съ начальствомъ, духъ ихъ еще больше поднялся. Даже тѣ забастовщики, которые еще колебались, вдругъ почувствовали въ себѣ притокъ силы и бодрости. Рѣчи Завойко нашли дорогу въ рабочую душу. Товарищи или „Комитетъ всеобщей забастовки“ были очень довольны сегодняшнимъ днемъ.

Совсѣмъ иначе чувствовалъ себя Змѣевидовъ. Онъ былъ очень золъ и недоволенъ и собою, и всѣмъ свѣтомъ. Правда, кое-кто изъ бунтовщиковъ попалъ въ руки полиціи, но воротилы-ли это, — какъ ихъ тамъ разобрать? Змѣевидовъ поймалъ уже столько „вожаковъ“, и всѣ то они оказались не вожаками или скры-

вали свое вожачество чертовски ловко. Особенно злило жандарма то,что многіе арестованные упорно молчали на всѣхъ допросахъ, словно у нихъ и языка не было, или на всѣ разспросы начальства отнѣкивались. Отъ этихъ арестованныхъ жандармы такъ и не могли ничего узнать. И свалки устроить начальству не удалось, забастовщиковъ силою сломить не пришлось. Правда, на фабричныхъ углахъ и перекресткахъ появилось новое строжайшее объявленіе отъ губернатора, гдѣ назначался на слѣдующій день всеобщій разсчетъ, выселеніе изъ квартиръ и немедленная высылка по этапу или по проходнымъ свидѣтельствамъ на мѣсто родины. Но это что за мѣра? Змѣевидовъ понималъ, — дѣло зашло такъ далеко, что такими способами съ забастовщиками уже не справиться.

Въ тотъ же день была закрыта, по распоряженію губернатора фабричная читальня, гдѣ по случаю свободнаго времени было непомѣрно много читателей, усиленно и молча читавшихъ, подъ присмотромъ цѣлой своры шпіоновъ, прошедшія черезъ двѣ цензуры книги.*) „И хорошо, что читальня закрыта“, думалъ Змѣ-

---

*) Въ Россіи можно печатать и продавать не всякія книжки, а только тѣ, которыя дозволитъ начальство. Всякая напечатанная книжка сначала прочитывается какимъ нибудь чиновникомъ (цензоромъ). Все, что ему тамъ не понравится, онъ имѣетъ право вычеркнуть изъ нея, а то и запретить всю книгу. Каждый годъ запрещается такимъ способомъ множество книгъ. Разумѣется, чиновники-цензора вычеркиваютъ изъ книгъ и изъ газетъ все то, что колетъ глаза начальству и разнымъ другимъ народнымъ обидчикамъ. Своя рука у нихъ владыка и жаловаться на нихъ некому, потому что имъ даетъ такую власть законъ, подписанный самимъ царемъ. Въ виду этого несправедливаго закона, не всякая правда попадаетъ въ газеты и въ книги. Тѣ книги, въ которыхъ говорится настоящая и полная правда о бѣдствіяхъ рабочихъ и крестьянъ (напримѣръ въ этой

евидовъ. „По нынѣшнимъ временамъ рабочіе навострились читать между строкъ и изъ каждой книги вылавливаютъ только то, что согласно съ ними, а не съ нами. При теперешнемъ настроеніи забастовщиковъ всякая книга — сущій вредъ. Да къ тому же съ темнымъ человѣкомъ гораздо легче и справиться".

У барышни, завѣдующей читальнею, былъ произведенъ строжайшій обыскъ, но, сколько ни искали, ничего у нея не нашли.

Въ тотъ же вечеръ, 18 мая, появился и новый листокъ, гдѣ было сказано слѣдующее:

„Товарищи! Вы всѣ слышали своими ушами, какія рѣчи ведетъ наше начальство. Неужели вамъ и теперь

книжкѣ), считаются въ Россіи запрещенными. Разумѣется, такой порядокъ запрещенія книгъ очень выгоденъ начальству и всѣмъ народнымъ обидчикамъ, а простому народу онъ не выгоденъ. Начальству и другимъ народнымъ обидчикамъ очень выгодна народная темнота, потому что она помогаетъ имъ обирать и обижать народъ. Желая держать народъ въ темнотѣ, при царѣ Александрѣ Ш, съ его согласія, министры придумали еще такой способъ мѣшать просвѣщенію народа. Всѣ книжки, уже дозволенныя къ печати, они велѣли раздѣлить на два сорта: книжки для господъ и книжки для народа. Въ народныя читальни, устраиваемыя для крестьянъ и фабричныхъ, теперь не допускается множество хорошихъ книгъ, особенно сочиненій тѣхъ писателей, которые стояли за народъ и старались раскрыть народу глаза (соч. Некрасова, Успенскаго, и многихъ другихъ). Начальство не допускаетъ такія книжки для того, чтобы мѣшать правдѣ проникнуть въ деревню и на фабрику. Книги, попадающія въ народныя читальни, проходятъ еще разъ черезъ руки чиновниковъ-цензоровъ, которые называются „членами ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія". Это министерство тоже стоитъ поперекъ дороги для образованія народа.

не ясно, чего отъ насъ хотятъ? Насъ просто-напросто хотятъ обобрать какъ сидорову козу, но сдѣлать это хотятъ благородно и по закону. Фабриканты и начальство — одна шайка, а инспекторъ, если бы и хотѣлъ, многаго сдѣлать не можетъ, такъ какъ у него руки связаны. Шайка эта забрала вездѣ весь рабочій людъ въ свои руки и извлекаетъ изъ него себѣ большую выгоду. Фабриканты выколачиваютъ изъ насъ себѣ копейки и гроши съ помощью расцѣнокъ, а полиція, губернаторъ, всѣ чиновники, министры, царь — выколачиваютъ изъ насъ, рабочаго люда, себѣ жалованіе подъ видомъ податей и налоговъ. Мы, простые рабочіе люди, для всѣхъ этихъ господъ — просто-напросто дойныя коровы, — тотъ только насъ и не сосетъ, кому лѣнь сосать. Наше житье-бытье господа обставили со всѣхъ сторонъ по своему. Насъ хотятъ держать голодными, насъ хотятъ держать темными, хотятъ держать униженными и безправными, неумѣлыми, не понимающими, безъ единенія, въ разногласіи. Господамъ да начальству не трудно справляться съ такими. Поразмыслите вы о нашемъ случаѣ съ забастовкой. Для чего, напримѣръ, закрыли читальню? Для того, чтобы помѣшать намъ сдѣлаться образованнѣе. Потому же въ читальню начальство не допускаетъ для фабричнаго люда очень много хорошихъ книгъ. Это разъ. Почему закрыли потребительную лавку и запретили лавочникамъ отпускать намъ въ кредитъ? Да потому, что съ голоднымъ человѣкомъ легче справляться! Оттого же и расцѣнки такъ сочиняютъ, чтобы держать насъ впроголодь, — полуголодному, молъ, человѣку не до бунтовъ. Для чего не хотятъ спрашивать нашего голоса по нашимъ же кровнымъ дѣламъ, — напримѣръ о гнилой пряжѣ, о сортахъ миткаля и проч.? Да для того, чтобы отучить насъ говорить по человѣчески, чтобы мы отучились требовать своего. Вмѣсто насъ эти господа сами хотятъ заботиться о насъ: они-де наши благодѣтели, они — ангелы добрые, они лучше нашего знаютъ, что намъ нужно, какія расцѣнки нужны на фабрикахъ, какіе законы нужно придумать „для на-

шего счастья". Придумали такіе законы, что всякій нашъ общій разговоръ съ фабрикантомъ или съ начальствомъ, по этимъ законамъ, — преступленіе, и за него — хвата́й-валяй, а забастовка — самое страшное изъ всѣхъ. Да какъ же намъ и торговаться-то съ ними, какъ не на забастовкахъ? Какъ же и голосъ свой общій подавать, какъ не сразу всѣмъ? Только такимъ путемъ мы съ нашими врагами-грабителями и справимся. Только противъ такой нашей борьбы съ ними они ничего и не подѣлаютъ. При такой нашей борьбѣ съ ними воинская сила намъ совсѣмъ не страшна: такъ оно сегодня и вышло. Она страшна тамъ, гдѣ шумъ есть. Если вотъ мы шумѣть будемъ и буянить, разумѣется, на насъ сейчасъ же науськаютъ ничего не понимающихъ солдатъ, изъ которыхъ начальство сдѣлало искуственнымъ способомъ вродѣ какъ машины для обузданія простого народа, и тѣ начнутъ насъ крошить, какъ турку. А раскрошивъ, унизятъ насъ еще больше, а малодушныхъ запугаютъ надолго. Потому просимъ васъ, товарищи, не поддавайтесь тѣмъ, кто совѣтуетъ вамъ драться и устраивать скандалы. Этому учатъ наши враги. Держитесь дружно. Стойте на своемъ. Наша сила въ нашей правдѣ и единеніи. А съ этимъ — никакимъ нашимъ врагамъ не справиться. Ничего они съ нами не подѣлаютъ!"

Дальше говорилось въ листкѣ, что прислано изъ Петербурга и Москвы въ пользу голодныхъ забастовщиковъ 407 руб., да изъ-за границы отъ немѣцкихъ рабочихъ 500 рублей. „Рабочіе всего міра, писали нѣмцы, всѣ — братья, всѣ — товарищи. Фабриканты-капиталисты всего міра — наши противники и враги. Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!"

Этотъ листокъ попалъ въ руки Змѣевидова и смутилъ его еще больше. Юркій жандармъ совершенно терялъ голову. Онъ рѣшительно не понималъ, съ какой стороны приступить къ рабочимъ и какъ разъединить ихъ дружное, мирное и разумное упорство,—какъ помѣшать имъ держаться съ такимъ достоинствомъ.

Возвратившійся въ тотъ же день съ обысковъ, унтеръ-офицеръ Лампасовъ сказалъ Змѣевидову:

— Ваше благородіе! Вотъ тутъ одинъ человѣчекъ есть... Шустрый парень и хорошо для насъ старается. У него, говоритъ, способъ есть дебошъ устроить, если, говоритъ, казна деньги не пожалѣетъ.

Змѣевидовъ насторожилъ уши. Слово „дебошъ“ чрезвычайно понравилось ему.

— Кто такой? спросилъ Змѣевидовъ Лампасова.

— Рабочій тутъ одинъ, по прозванію Кнутиковъ. Ну, его-то уже, кажись, рабочіе пронюхали, ему самому не сподручно. Но дѣло это онъ все-таки обладить берется живымъ манеромъ.

— Какимъ способомъ?

— Ужъ объ этомъ онъ ничего не говоритъ, — заработать самъ хочетъ сотню-другую.

— Что же, пускай зарабатываетъ. Пріятныя рѣчи— пріятно и слушать. Пускай придетъ, побесѣдуемъ.

— Сейчасъ прикажете?

— Пусть приходитъ хоть сейчасъ, сказалъ Змѣевидовъ. — Хоть поздненько немного, но вѣдь дѣло государственное и царево! Такого дѣла никакъ нельзя откладывать! Пусть послужитъ богу, царю и отечеству противъ бунтовщиковъ!

Когда рѣчь шла о наградѣ за полезную службу царю и отечеству, Змѣевидовъ никогда не зналъ утомленія.

Черезъ два часа послѣ этого изъ квартиры Змѣевидова выходили два какихъ-то человѣка. Одинъ былъ въ лохмотьяхъ и, по-видимому, изрядно пьянъ. Другой былъ одѣтъ прилично и держалъ себя сдержанно.

— Значитъ, такъ, говорилъ Змѣевидовъ, провожая этихъ людей. — Денегъ не жалѣйте, лучше наймите больше, чѣмъ меньше. На всякій случай вотъ еще сотенная (Змѣевидовъ вынулъ изъ бумажника 100-рублевку и протянулъ ее тому, кто былъ одѣтъ получше). А ваше потомъ получите.

— Не безпокойтесь, ваше благородіе! Голодный, что

звѣрь, а кто пьянъ да голоденъ — еще того хуже. Я знаю, съ какого конца зацѣпить ихъ. Этто я сижу въ трактирѣ, а рядомъ одинъ и говоритъ: „Это по какому такому закону намъ, пайщикамъ, въ потребительной лавкѣ провизію брать запрещено? Лавка — дѣло торговое. Мы — ея собственники. Я могу, по уставу этой лавки, и съ фабрики уйти, и пайщикомъ остаться. Разбой, говоритъ, несправедливость!“ А я его разжигаю: „Вѣрно! говорю. Да что тутъ съ ними, говорю, толковать. Вѣдь въ лавкѣ ваше добро — вы его и берите. Чего ихъ-то спрашивать? Полиція, говорю, не по уставу, а безъ закона все сдѣлала. Незаконныя распоряженія полиціи не подлежатъ исполненію...“

— Ну, ты тамъ ихъ и вправду научишь закону! замѣтилъ Змѣевидовъ.

— Нѣтъ, это я только такъ, на одинъ случай. Въ другихъ случаяхъ я никогда этого не говорю. И... батюшки, пошелъ у рабочихъ тутъ разговоръ! Потѣха!

— Дѣйствуйте, дѣйствуйте! Своихъ соберите побольше.

— Какъ-бы тамъ полиція не помѣшала, — этого я боюсь.

— Это ужъ я устрою, не безпокойтесь, сказалъ Змѣевидовъ. — Только смотри: Живодерникова добро все же жалѣть надо.

— Постараемся!

— Дѣйствуйте, дѣйствуйте!

Змѣевидовъ зѣвнулъ, потянулся и потеръ себѣ руки отъ удовольствія. Дѣло-то и вправду можетъ выйти серьезное. Правда, если оно до суда дойдетъ, то судъ, чего добраго, признаетъ закрытіе потребительной лавки незаконнымъ. Но что изъ того? Тотъ же судъ скажетъ, что разбивать лавку все же не слѣдъ. Полиціи будетъ сдѣлано „замѣчаніе“, — эка бѣда — замѣчаніе-то! А забастовку мы такимъ способомъ все-же прекратимъ... Наконецъ-то Змѣевидовъ разобьетъ силы рабочихъ, да еще съ такого конца на нихъ нагрянетъ, съ какого они и не ждутъ!

ГЛАВА VII.

Было воскресенье, 19 мая. Фабричные корпуса угрюмо молчали. Не дымили трубы. Не слышалось грохота машинъ. По прежнему во дворѣ и вокругъ всѣхъ фабричныхъ зданій стояла солдатская стража. Въ школѣ, пустовавшей по случаю каникулъ, размѣщены были на постой офицеры; оттуда то и дѣло раздавался громкій раскатистый смѣхъ, и полупьяные голоса распѣвали любовныя пѣсни и чувствительные романсы. Живодерниковъ не скупился на угощеніе своихъ военныхъ защитниковъ. Одинъ офицеръ, какъ оказалось, приходился ему даже сродни: онъ былъ троюродный братъ мужа его дочери. Другой офицеръ былъ родомъ тоже изъ купцовъ, — объ этомъ Живодерниковъ узналъ очень быстро, побесѣдовавъ съ офицеромъ полчасика „по душѣ“. Своя своихъ поддержитъ, а солдатская дисциплина сдѣлаетъ все прочее.

Рабочія казармы молчали. Еще со вчерашняго дня начали выдавать разсчетъ. Рабочіе брали его неохотно и медленно. Тѣхъ рабочихъ, которые уже получили разсчетъ, отдавали въ распоряженіе полиціи. Отъ нихъ отбирали паспорта, дальнимъ выдавали проходныя свидѣтельства, и они немедленно должны были уѣзжать на родину или отправляться туда по этапу. Рабочіе изъ ближнихъ деревень были отправлены подъ конвоемъ по станевымъ квартирамъ. Вмѣстѣ съ разсчетомъ шло выселеніе изъ казармъ. Холостые торопились выселиться по добру, по здорову. Семейныхъ выселяла полиція и фабричная администрація. Полицейскіе и дворники входили въ квартиры, безъ церемоніи хватали въ охапку убогій скарбъ — постели, платье, посуду — и все тащили, на глазахъ рабочихъ, прямо на улицу, гдѣ и складывали, какъ попало, въ кучу. Бабы бранились и голосили; дѣти плакали. Мужчины, какіе тутъ были, угрюмо

посматривали на городовыхъ, и если бы тѣ были понаблюдательнѣе, то увидали бы, сколько злого чувства и ненависти слѣпые исполнители воли подлаго начальства возбуждаютъ въ рабочей толпѣ. Нѣкоторые рабочіе вступали и въ споръ съ городовыми и служащими.

— Ты чего меня выселяешь? Ты никакихъ правовъ на то не имѣешь. У меня за квартиру высчитано до 1-го числа, и до того времени я тутъ хозяинъ. Или отдайте мнѣ назадъ мои деньги за десять дней!

Надсмотрщикъ только ухмылялся и говорилъ:

— Ладно! Разсуждай тутъ съ вами о правахъ! Хватилъ въ охапку — вотъ тебѣ всѣ твои права.

— А ну, какъ тебя хватятъ? пробормоталъ угрюмо одинъ пожилой ткачъ, у котораго душа не выдержала.

— Э, да ты еще грозить вздумалъ! воскликнулъ околоточный, въ карманѣ котораго лежала „строжайшая инструкція“. — Пойдемъ-ка, голубчикъ! Посиди-ка немного въ кутузкѣ, пока не опомнишься!

И околоточный дернулъ говорившаго въ шею, сданулъ въ бокъ и велѣлъ городовому отвести бѣднягу въ полицію.

— Господинъ околоточный, за что же это? взмолилась баба.

Городовой, вмѣсто отвѣта, на ея же глазахъ стукнулъ разъ, другой ея мужа по шеѣ.

Стонъ стоялъ по семейнымъ казармамъ. Семейныхъ сгоняли даже съ Живодерниковской земли.

— Ты чего отсюда насъ гонишь, упирались тѣ, здѣсь земля божья.

— Шалишь, отвѣчали дворники. Была когда-то божья, а теперь живодерниковская.

А въ это время въ слободскомъ трактирѣ „Звѣздочка“ шло разгульное веселье. Здѣсь собрались забубенныя головушки, развеселая компанія фабричныхъ удальцевъ и пропойцевъ, какихъ немало сыщешь на любой фабрикѣ. Такимъ людямъ всегда море по колѣно. Они рады всякой работѣ и всякому жалованью, когда ѣсть

нечего, и рады всякому отдыху, когда представляется случай отдохнуть и бастовать. Есть изъ такихъ и добрые товарищи, и хорошіе люди, если они не въ пьяномъ видѣ; есть и подлецы отъявленные, готовые на всякое дѣло. А когда въ головѣ у такого молодца ходятъ винные пары, тогда лучше держись отъ него подальше.

Въ компаніи съ такими молодцами пировали и городскіе босяки, ищущіе случая выпить. Кое-кто изъ этихъ босяковъ тоже когда-то работалъ на Веселухинской мануфактурѣ и, по старинѣ считаясь „товарищемъ“, самъ пришелъ и съ собой новыхъ босяковъ привелъ. Пристали къ компаніи три-четыре человѣка изъ забулдыжныхъ семейныхъ рабочихъ. Посреди компаніи сидѣлъ неизвѣстный усатый человѣкъ и велъ такія рѣчи:

— Записывайся, братцы! На нашей фабрикѣ не житье, а масляница. Не такъ, какъ на Веселухинской. Задатки сейчасъ выдамъ и магарычи справимъ, — поднесу, какъ слѣдуетъ. У насъ время горячее — хозяину рабочіе вотъ какъ нужны!

Люди записывались и получали по два, по три рубля задатку. Первымъ записался Кнутиковъ. За нимъ еще какой-то неизвѣстный человѣкъ. Получивъ задатки, они выпили, крякнули, да такъ сладко, что всѣхъ присутствующихъ соблазнъ взялъ. За этими потянулись записываться еще и еще. Винные пары зашумѣли въ головахъ. Начались жгучіе разговоры на злобу дня.

— У насъ, братцы, этакихъ порядковъ не водится, чтобы добиваться отъ полиціи закрытія потребительской лавки, да безъ ѣды людей оставлять и паи ихъ въ потребительскомъ обществѣ арестовывать. Наши-то не таковскіе! Это гдѣ же такое безчинство видано? Это разбой, только и всего! говорилъ наниматель. — По закону вотъ что полагается: коли ты уходишь изъ пайщиковъ, вотъ и получай свой пай и дивиденгъ.

— Правильно! Вѣстимо правильно! закричали голоса.

— Разбой! И право слово, разбой! воскликнулъ сильно подвыпившій семейный рабочій. — Моихъ кровныхъ

денегъ 13 рублевъ за лавкой пропадаетъ. Харчи небось при разсчетѣ высчитали, а паекъ не отдали.

Настроеніе полупьяной толпы шло въ гору. Особенно громко кричали человѣкъ 15, неизвѣстно откуда взявшихся, наддававшихъ все больше и больше жару и все въ одинъ голосъ.

Вечеромъ того же дня на Веселухинской фабрикѣ свершилось въ высшей степени важное событіе: небольшая толпа рабочихъ набросилась на потребительскую лавку и пошла громить ее. Случилось это совершенно неожиданно для самихъ рабочихъ: появились неизвѣстно откуда полупьяные, буйные люди, собрались, зашумѣли, загалдѣли и разнесли. Кто собственно началъ, — и разобрать было невозможно. Пьяные люди пришли какъ-будто изъ слободки и стали кричать: „Братцы! не дадимъ себя въ обиду! Отымемъ свое! Айда на лавку!“ Другіе кричали: „Разгромимъ фабрику! Что на нее смотрѣть!“ „Бей полицію!“ Толпа выросла быстро, сама собой. Словно изъ подъ земли появились посяки изъ города, какіе-то темные люди изъ слободки. Толкавшіеся и слонявшіеся безъ работы люди бросились смотрѣть, куда побѣжала кучка буяновъ. Изъ казармъ выбѣгали рабочіе, которыхъ еще не успѣли выселить, и присоединялись къ толпѣ. Семейные, уже выселенные изъ насиженныхъ гнѣздъ, и холостая молодежь, ночевавшая подъ открытымъ небомъ, смотрѣли -смотрѣли на „смущеніе“ и не выдержали: кое-кто присоединился къ буянамъ. „Бей!“ оралъ Кнутиковъ и съ аншпугомъ въ рукѣ полѣзъ на крыльцо лавки. Онъ первый ударилъ въ ея дверь. Въ одно мгновеніе дверь была выломана, и толпа ворвалась внутрь. Четыре солдата, охранявшіе лавку, были смяты. Кнутиковъ схватилъ ружье, оброненное солдатомъ, и выстрѣлилъ. Раздался еще выстрѣлъ. То стрѣлялъ солдатъ, котораго ударилъ кто-то палкою по спинѣ. Двое рабочихъ упали. „Братцы!“ оралъ Кнутиковъ и съ нимъ какіе-то другіе темные люди: „Нашихъ бьютъ! Братцы! Не выдавайте!“

„Нашихъ бьютъ!“ разнеслось по фабричнымъ казар-

мамъ и по слободкѣ съ быстротою молніи, и оттуда побѣжали къ лавкѣ взволнованныя толпы народа. Люди бѣжали, какъ оглашенные, не разсуждая, куда бѣгутъ, что изъ этого выйдетъ. Городовые бросились было въ толпу, но были тотчасъ же смяты и избиты. Площадка у лавки была залита народомъ, море головъ волновалось, люди лѣзли другъ на друга.

— „Лавку громятъ!“ кричали въ толпѣ.

Услышавъ непріятную вѣсть, Савелій Никитичъ Живодерниковъ поблѣднѣлъ и затрясся и сейчасъ же отдалъ строжайшій приказъ своимъ чадамъ и домочадцамъ собираться въ дорогу — ѣхать въ коляскѣ въ городъ. По телефону дано было знать исправнику и Змѣевидову, но начальство почему-то не торопилось пріѣзжать; надо полагать, потому что по случаю праздничнаго дня ничего худого не ожидали. На мѣсто погрома со стороны фабрики бѣжали солдаты, держа ружья на перевѣсъ. Толпа еще больше остервенилась при видѣ солдатъ. Въ нихъ полетѣли камни и доски. Капитанъ, бѣжавшій впереди солдатъ, пробовалъ что-то говорить. Его словъ не было слышно. Солдаты остановились и выстроились „во фронтъ“. Громадная тысячная толпа въ это время окружала уже зданіе фабричной лавки. Люди въ этой толпѣ стояли неподвижно и смотрѣли на разгромъ, какъ на зрѣлище, отпуская по временамъ зубоскальныя замѣчанія насчетъ ловкости небольшой кучки буяновъ, неистово продолжавшихъ разгромъ. „Ишь саданули!“ „Ишь сыръ-то, что твоя бомба, вылетѣлъ! Ахъ, дьяволы!“ Не препятствуя буянамъ дѣлать ихъ разбойничье дѣло, толпа и не думала расходиться, какъ требовалъ отъ нея капитанъ. Пробиться черезъ эту толпу до самой лавки можно было, только проложивъ дорогу штыками. Надъ головами этой толпы видно было лишь отчасти, что творится въ самой лавкѣ. Оттуда летѣли разломанные ящики, кули съ мукой, апельсины, ломанная мебель. То и дѣло раздавалось дребезжаніе разбиваемыхъ стеколъ и посуды. Солдаты взяли ружья на перевѣсъ и двинулись на толпу. Толпа медленно и слов-

но нехотя разступалась передъ ними и тотчасъ же закрывалась позади нихъ. Рабочіе, составлявшіе эту толпу, не бушевали, а стояли неподвижно и смотрѣли точно на зрѣлище: „что-то будетъ дальше?“ Солдаты медленно, медленно пробирались въ тѣснотѣ. Ряды ихъ разстроились. Они увязли въ мирной толпѣ, какъ въ болотѣ.

— Горитъ! вдругъ пронесся крикъ въ воздухѣ, и толпа шарахнулась въ сторону, увлекая съ собой и солдатъ. Огненные языки показались въ окнахъ лавки. „Впередъ!“ раздался крикъ команды. Солдаты сомкнулись и бросились впередъ, не разбирая препятствій. Они задѣли штыками кой-кого изъ рабочихъ. Раздались стоны и крики.

— Бьютъ нашихъ! бьютъ! бьютъ! снова пронесся отчаянный крикъ въ толпѣ. — Братцы! не давайте въ обиду!

Въ солдатъ полетѣли камни, обломки мебели, бутылки съ масломъ. По лицу капитана текла кровь,—ему ранили голову увѣсистымъ камнемъ. Въ ярости и отчаяніи вымуштрованный въ корпусѣ вояка скомандовалъ солдатамъ: „Стой!“ „Пальба ротой!“ Ближніе ряды рабочихъ шарахнулись въ сторону, давя и топча другъ друга. Новый градъ камней полетѣлъ въ солдатъ. „Рота, пли!“ Раздался залпъ, и толпа бросилась бѣжать въ разсыпную. На полѣ битвы осталось четыре человѣка убитыхъ и нѣсколько раненыхъ.

— Нашихъ убиваютъ! загудѣло на фабричномъ дворѣ и по казармамъ. И, поддаваясь слѣпой ярости и стихійной силѣ, не слушая увѣщаній Вологдина, Кораблева и другихъ опытныхъ и благоразумныхъ людей, толпа бросилась съ гиканьемъ и воемъ на фабричный дворъ. Въ одно мгновеніе городовые, стоявшіе у воротъ, были смяты; отрядъ солдатъ, охранявшій контору, отброшенъ, ружья у солдатъ отняты, солдаты избиты. Въ конторѣ, по случаю воскреснаго дня, къ счастью, никого не было. Дверь была выломана въ одну секунду. Толпа съ остервенѣніемъ бросилась на конторскіе шкафы. сто-

лы и книги и съ слѣпой яростью принялась все ломать и рвать. Когда къ конторѣ пришелъ скорымъ шагомъ другой отрядъ солдатъ, отъ конторскаго имущества не оставалось уже ничего; конторскіе книги, счета и векселя летали по вѣтру, разорванные въ мелкіе клочки, а толпа ворвалась въ ткацкій корпусъ и разрушала тамъ станки. Все, что за многіе, многіе годы накопилось въ рабочей душѣ, обиженной и униженной, и придавленной тяжелой нищенской жизнью, все вышло наружу и дало себя знать въ страшномъ разгромѣ. „Пропадать, такъ пропадать!“ кричали рабочіе, разрушая станки, разрывая основы. „Пропадать, такъ пропадать, — пусть вмѣстѣ съ нами пропадаютъ и хозяйскіе достатки!“

Когда фабричный дворъ былъ очищенъ выстрѣлами отъ бунтующей толпы, разрушеніе корпусовъ еще продолжалось. Солдатамъ пришлось штыками очищать фабричныя отдѣленія. Часть толпы, человѣкъ 200, была загнана въ уголъ фабричнаго двора и окружена войсками. Прижатые къ желѣзной рѣшеткѣ забора, рабочіе пробовали ее ломать, чтобы вооружиться ею и дать отпоръ войскамъ. Камни по прежнему летали въ солдатъ, которые ожесточались и били рабочихъ, какъ-будто это были иноземные враги. Изъ толпы рабочихъ то и дѣло выскакивали впередъ полуодѣтые, голодные люди въ лохмотьяхъ и, выставляя впередъ обнаженную, впалую, чахоточную грудь, неистово кричали: „Ну, на! стрѣляй. Вотъ тебѣ турка! Вотъ тебѣ французъ!“

— Братцы! вопили другіе солдатамъ. — Побойтесь бога! не будьте Каинами!

* * *

На мѣсто побоища пріѣхали губернаторъ, прокуроръ окружнаго суда, судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, Змѣевидовъ, инспектора и другое начальство. Когда побоище окончилось, на мѣстѣ осталось человѣкъ 11 убитыхъ, человѣкъ 29 раненыхъ. Потре-

бительская лавка и контора были уничтожены. Дома директора Зубалова и самого Живодерникова разграблены и опустошены. Въ двухъ фабричныхъ отдѣленіяхъ ткацкаго корпуса станки были поломаны. Огромный паровой двигатель, одушевлявшій своею громадной силой всю фабрику, сильно поврежденъ.

Взирая на страшную картину опустошенія, и губернаторъ, и судейскія власти приходили въ ужасъ. „Звѣри! истинные звѣри — эти рабочіе!“ „Не убѣждать ихъ нужно, а стрѣлять въ нихъ! Цѣпи имъ нужны! Ярмо!“ И они съ нескрываемымъ омерзѣніемъ и презрѣніемъ отворачивались отъ длиннаго ряда труповъ, лежавшихъ подъ брезентомъ на фабричномъ дворѣ, словно это были не люди, а падаль. Съ такимъ же чувствомъ злобы и омерзѣнія губернаторъ и другіе „побѣдители“ взирали на раненыхъ и на огромную толпу арестованныхъ, которые, какъ стадо скота, были согнаны въ фабричный подвалъ и заперты тамъ подъ сильною охраною солдатъ. О забастовкѣ теперь нечего было уже и думать. Она потонула въ крови и пожарѣ и въ испугѣ безоружной толпы, сломленной вооруженною, вымуштрованною солдатскою силой. Слишкомъ 300 человѣкъ были арестованы. Упоеніе толпы злобой, вырвавшеюся наружу, прошло, въ душѣ осталось лишь тяжелое, гнетущее чувство обиды и сознанія собственнаго безсилія...

Въ числѣ арестованныхъ былъ и Вологдинъ. Его арестовали въ ту самую минуту, когда онъ всячески уговаривалъ и умолялъ товарищей не насильничать и не производить разгрома. Вологдина арестовалъ Лампасовъ который, впрочемъ, отлично слышалъ, что говорилъ толпѣ мрачный слесарь.

Арестованныхъ рабочихъ окружили солдатами и погнали въ городъ, въ тюрьму. Тамъ ихъ размѣстили по камерамъ. Арестованные сидѣли словно сельди въ боченкѣ. Ночью нечѣмъ было дышать. Среди рабочихъ были больные. Еще больше было избитыхъ. Ихъ били прикладами и кулаками на дворѣ тюрьмы. Били солдаты, полицейскіе. Избиваемые жаловались начальству: „За

что насъ, ваше благородіе, бьютъ?“ — „Такъ вамъ и надо, чортовы дѣти!“ отвѣчалъ бравый офицеръ съ молодецкими усами. — „Бунтовать противъ царя выдумали! Благодарите бога, что пока еще мало влетѣло! Потомъ больше влетитъ, такіе-сякіе!“

И правда недѣли черезъ полторы стали кое-кого тягать на допросъ. Допрашивали жандармы и судейскіе. Допросъ велся по всѣмъ правиламъ испанской инквизиціи. Жандармы старались иныхъ запугать, иныхъ обольстить, иныхъ подкупить, иныхъ поймать на словѣ, только-бы они оговорили своихъ товарищей. Изъ числа рабочихъ нашлось нѣсколько человѣкъ, которые попались на такія удочки. Но были среди нихъ и такіе, которые умѣли разговаривать съ жандармами. Они только и говорили: „Знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю! Самъ ничего не дѣлалъ и другихъ не видалъ!“

— Да вѣдь о тебѣ свидѣтели вотъ что показываютъ, чортовъ ты сынъ! — топалъ на него жандармъ.

— Знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю.

И никакихъ другихъ словъ жандармы добиться не могли. Они злились и лѣзли на стѣну, видя передъ собой такихъ людей, которые себя не жалѣютъ, зато дѣло и товарищей берегутъ.

Иные опытные рабочіе дѣлали иначе. Они на допросахъ не говорили жандармамъ ровно ничего: стояли да молчали, словно у нихъ языка не было. Жандармы и судейскіе еще больше выходили изъ себя, топали ногами, кричали, ругались гадкими словами, страшили и каторгой, и даже висѣлицей; случалось, они даже и били рабочихъ. Но тѣ стояли, какъ истуканы, и молчали. „Лучше на себя страданіе принять, чѣмъ общему дѣлу повредить!“ думалъ про себя Липаренко, который молчалъ на всѣхъ допросахъ, сколько его ни спрашивали. Жандармскій офицеръ пробовалъ было подойти къ нему съ кулаками, но Липаренко такъ посмотрѣлъ на него, что тотъ невольно остановился.

— Вы, ваше благородіе, кулаки-то оставьте, сказалъ ему Липаренко. Драться и по закону не дозволено. Если

будете драться, я и себя не пожалѣю — скандалъ устрою!

Офицеръ по глазамъ видѣлъ, что Липаренко ни передъ чѣмъ не остановится, и съ этихъ поръ сталъ поосторожнѣе. Такъ отъ Липаренко ничего и не могли добиться.

Водили на допросъ и Вологдина. Мрачный слесарь держалъ себя передъ жандармами, словно былъ у себя дома. Жандармскій офицеръ не успѣлъ еще рта раскрыть, какъ Вологдинъ сказалъ ему:

— Вотъ вы, ваше высокородіе, офицеръ. Не такъ-ли? и у васъ вотъ георгіевскій орденъ виситъ. Значитъ, вы на войнѣ были.

— Къ дѣлу! сказалъ сердито жандармъ.

— Я дѣло и говорю, продолжалъ спокойно Вологдинъ. Примѣрно сказать, если бы вы къ врагу въ плѣнъ попали, оставили-бы вы тогда офицерскую вашу честь у себя дома, или она все же бы при васъ была, коли вы честный человѣкъ?

— Къ дѣлу, тебѣ говорятъ! еще сердитѣе закричалъ жандармъ. Но ему очень хотѣлось похвастать, что и онъ воинъ, и онъ честный человѣкъ. Онъ сказалъ Вологдину: „Разумѣется, честь всегда при мнѣ и даже въ плѣну со мной“.

— Вотъ то-то и есть! сказалъ Вологдинъ. Очень радъ слышать, что вы честный офицеръ. Благодарю за указаніе! По вашему честному примѣру буду и я поступать. — Я тоже теперь во вражескомъ плѣну и тоже не стану диспозицію войскъ указывать да описывать. Ужъ вы отъ допросовъ-то меня увольте. Ни слова я вамъ не скажу!

И Вологдинъ, дѣйствительно, не сказалъ ни слова. Жандармъ такъ опѣшилъ отъ его словъ, что отослалъ его тотчасъ-же назадъ въ тюрьму, — даже не уговаривалъ сдаться...

Ничего серьезнаго и важнаго о товарищахъ жандармы такъ и не узнали. Со злости они продержали всѣхъ молчавшихъ въ тюрьмѣ по 4, по 5 мѣсяцевъ, вмѣсто

двухъ. Нѣ велика бѣда! За то путаницы на допросахъ никакой не вышло. Говорили на допросахъ только тѣ, кто ничего не зналъ, а кто зналъ — тотъ отмалчивался. Такимъ способомъ, благодаря молчанію, никто не повредилъ дѣлу. Вологдинъ особенно былъ доволенъ тѣмъ, что молчали люди даже неопытные. Такіе чаще всего вредятъ своей болтовней и путаютъ другихъ.

Однажды по тюрьмѣ разнеслась страшная вѣсть. Отъ этой вѣсти содрогнулись многія сердца, поблѣднѣли и позеленѣли многія лица. Сторожъ тюремщикъ какъ-то проговорился, что кой кого изъ арестованныхъ буяновъ и громилъ „всѣмъ прочимъ для примѣра“ губернаторъ рѣшилъ подвергнуть тѣлесному наказанію, по простy говоря — выдрать, а затѣмъ отпустить на волю.

— Вишь-ты, говорилъ сторожъ, говорятъ секретная бумага такая пришла отъ самого министра. Онъ пишетъ, чтобы губернаторъ-то законами не стѣснялся, а поролъ-бы для острастки безъ всякаго закона, — авось, молъ, выпоротые-то послѣ станутъ ужъ умнѣе, — и притомъ осторожнѣе тоже.

Тотчасъ-же это извѣстіе разнеслось по всей тюрьмѣ. Арестанты заговорили, зашумѣли.

— Пусть-ка попробуютъ! пусть подступятъ, — говорилъ одинъ молодой рабочій-ткачъ, по имени Власенко. — Ужъ я тогда не пожалѣю ни себя, ни ихъ!

Онъ былъ страшно блѣденъ и дрожалъ.

— Изверги! инквизиторы! Солдатики-то еще вотъ на ихъ сторонѣ, такъ они надъ нами теперь и куражатся! И закона для нихъ нѣтъ, и суда нѣтъ, и остановить ихъ никто не можетъ. Дьяволы!

Власенко кричалъ на всю тюрьму и его крикъ сильно дѣйствовалъ на арестантовъ.

Одинъ старичекъ, Никаноръ Гусевъ, слесарь, ухитрившійся прожить до 55 лѣтъ около фабричныхъ котловъ, покачивалъ лохматой головой и говорилъ:

— Какъ же это такъ? И чего это наши обидчики бога забываютъ? Да вѣдь, чай, и у нихъ есть мясо да кости. Остервеняютъ народъ! Ну, и дьяволы-же!

Но всѣ арестованные понимали, что они въ рукахъ сильнаго, жестокаго и безсовѣстнаго врага. Они словно рыба въ садкѣ: какую рыбку захочетъ, ту онъ врагъ и вытащитъ и положитъ на сковороду... И многія сердца болѣзненно бились и трепетали, а въ другихъ закипала страшная злоба — противъ насильниковъ, противъ начальства, губернатора, министра и поставившаго ихъ царя. „Всѣ одна шайка! Ну, подождите-же, окаянные!“

Велико-же было смятеніе въ тюрьмѣ, когда по ней разнеслась новая вѣсть: всѣхъ арестованныхъ велѣно согнать на тюремный дворъ. Неужели и правда драть будутъ? „Изверги! дьяволы! убить васъ всѣхъ надо!“ не стѣсняясь, говорилъ Власенко. И кто его слышалъ, тотъ въ душѣ соглашался съ нимъ.

— Да, надо! Защищать свою честь надо! Свое человѣческое достоинство защищать надо! Положимъ предѣлъ мерзостямъ самодержавныхъ чиновниковъ и жандармовъ, и тѣхъ, кто ихъ поставилъ... Надо, надо!

А какъ это сдѣлать?... этого еще никто не зналъ. Но всѣ чувствовали, что на нихъ надвигается что-то безобразное, страшное, возмутительно-безсмысленное и жестокое. И тяжелѣе всего было въ эту минуту на душѣ у тѣхъ рабочихъ, которые были развитѣе и умнѣе другихъ.

На тюремномъ дворѣ уже былъ народъ. Было множество городовыхъ, жандармовъ, сторожей и казаковъ. Ихъ было разъ въ 15 больше, чѣмъ рабочихъ. „Неужели и вправду пороть будутъ?“ Этотъ мучительный вопросъ стоялъ на душѣ у всѣхъ. Липаренко, Вологдинъ, Власенко и многіе сжимали кулаки.

Прошло полчаса мучительнаго ожиданія. Въ это время кто-то ужъ успѣлъ разглядѣть, что въ сараѣ, на дворѣ, какъ будто лежатъ пучки розогъ.

— Ѣдетъ! — пронеслось вдругъ среди толпы сторожей и служителей. Тюремное начальство засуетилось, жандармы забѣгали. „Ѣдетъ, самъ губернаторъ ѣдетъ!“ заговорили въ толпѣ рабочихъ.

И правда — отворились тюремные ворота и въ колясклѣ въѣхалъ во дворъ самъ губернаторъ. Онъ былъ въ бѣломъ кителѣ съ золотыми пуговицами, какъ всегда, напомаженъ, надушенъ. У него былъ такой жизнерадостный видъ, словно онъ пріѣхалъ въ театръ, а не на тюремный дворъ.

Губернаторъ выскочилъ изъ коляски. Тотчасъ-же его окружило тюремное начальство; откуда-то появился Змѣевидовъ, исправникъ и еще какой-то пожилой господинъ въ очкахъ — тюремный и полицейскій докторъ.

— Ню-ню-ню, все готово — не такъ-ли? зашепелявилъ губернаторъ. Отлично! отлично! Вотъ я съ ними сейчасъ поговорю!

Губернаторъ развязно и самоувѣренно подошелъ къ рядамъ арестованныхъ рабочихъ.

— А, господа бунтовщики! ехидно заговорилъ онъ.— Мое почтеніе! Вотъ вы каковы! Ню-ню-ню! хорошо, нечего сказать!

Губернаторъ надѣлъ пенснэ и, зло улыбаясь, смотрѣлъ на рабочихъ. Лица иныхъ были блѣдны. Иные опустили головы и исподлобья и зло посматривали на начальника губерніи. Липаренко сжималъ кулаки. Вдругъ губернаторъ преобразился, раскорячилъ какъ-то особенно по пѣтушиному руки, затопалъ ногами и закричалъ.

— Негодяи! Мерзавцы! Дрянь вы эдакая! Черная кость, мразь, нищіе, сукины дѣти! Бунтовать вздумали... ню-ню-ню! Требовать, а не просить вздумали! Ню-ню-ню! „Требуемъ! требуемъ!“ Вотъ я вамъ и покажу это „требуемъ, требуемъ!“ Вотъ я вамъ пропишу Кузькину мать! Двадцать человѣкъ буяновъ будутъ сегодня на славу выпороты. По приказу его величества и по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ я такъ рѣшилъ.

Ряды арестованныхъ заколыхались. А губернаторъ задралъ голову назадъ и побѣдоносно смотрѣлъ на толпу и черезъ свое золотое пенснэ.

— Ню-ню-ню! Что скажете! Хи-хи-хи! бунтовать любите — ну вотъ и покушайте. А — хорошо? хе-хе-хе!

Губернаторъ былъ очень доволенъ, что можетъ поглумиться надъ этой безоружной толпой, окруженной христолюбивымъ воинствомъ, покуражиться и отомстить ей хорошенько за тѣ страхи, которыхъ онъ натерпѣлся передъ нею на Веселухинской фабрикѣ.

— Законовъ такихъ нѣтъ, что бы драться! вдругъ раздался громкій голосъ изъ толпы.

Всѣ люди, которые были на тюремномъ дворѣ, такъ и замерли. Остолбонѣлъ и губернаторъ.

— А? Что? что такое? Ню-ню! Кто сказалъ? — забормоталъ онъ. — Какая каналья еще разсуждать смѣетъ?

По рядамъ рабочихъ забѣгали полицейскіе, сторожа, жандармы. Ряды заколыхались. Губернаторъ не видѣлъ и не замѣчалъ, сколько скрытой злобы написано почти на всѣхъ этихъ лицахъ.

— Я сказалъ, я! вдругъ произнесъ Власенко и выступилъ впередъ. Его лицо было блѣдно-зеленаго цвѣта, глаза такъ и блестѣли.

— Ты сказалъ? А? Ню, очень хорошо! Ню вотъ съ тебя и начнемъ! — засмѣялся губернаторъ. — А! ты храбрый! Ню вотъ и хорошо!

И вдругъ онъ снова раскорячилъ руки, словно индюкъ крылья, затопалъ тонкими ножками, закричалъ.

— Ахъ ты, каналья! Еще о законѣ заговорилъ! Вотъ я тебѣ пропишу законъ-то! Будешь его знать! Сорокъ розогъ ему — десять отъ царя, десять отъ министра, да двадцать отъ меня!

Власенко стоялъ, словно мертвецъ. На него набросились тюремные сторожа и попробовали свалить его на землю. Власенко сдѣлалъ неимовѣрное усиліе и отряхнулъ ихъ отъ себя. На него набросились еще вѣрные царскіе слуги, — городовые. Началась безобразная, отвратительная борьба цѣлыхъ десяти вооруженныхъ людей противъ одного безоружнаго и слабаго. Власенко не то кричалъ, не то выл, кусался, царапался, пи-

налъ ногами. Его повалили на землю, скрутили руки, стащили штаны. Толпа казаковъ и городовыхъ окружила другихъ рабочихъ на тотъ случай, если они вздумаютъ вмѣшаться. Откуда-то изъ сарая появилась скамейка и розги. Власенко словно обезумѣлъ. Дюжіе сторожа привязали его къ скамейкѣ лицомъ внизъ. Губернаторъ подошелъ къ скамейкѣ, и, ехидно смѣясь, сказалъ:

— А, господинъ бунтовщикъ! Ню-ню-ню! Вотъ ты сейчасъ узнаешь, что такое русскіе законы. Законъ — тэо я да мое хотѣнье. Меня поставилъ господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ, а господина министра поставилъ его величество государь императоръ, самодержецъ всероссійскій, а государя поставилъ богъ. Не хочешь-ли на бога жаловаться. А? Ню-ню-ню!

— О! О! — простоналъ Власенко, скрежеща зубами.

Къ нему подошелъ докторъ въ очкахъ и пощупалъ пульсъ.

— Выдержитъ? спросилъ начальникъ тюрьмы.

— Выдержитъ! отвѣчалъ докторъ.

Началась безобразная, возмутительная экзекуція. Засвистали розги. Власенко застоналъ и забился. Губернаторъ благородно ретировался и издали смотрѣлъ на истязаніе беззащитнаго человѣка и на торжество русскаго самодержавія надъ рабочимъ людомъ. Городовые, казаки, жандармы стояли вокругъ, словно истуканы, лишенные человѣческой души. Рабочіе, окруженные ими со всѣхъ сторонъ, ждали своей участи, словно приговоренные къ смерти. Песокъ около скамейки былъ уже залитъ кровью. Дали сорокъ ударовъ. Избитаго, истекающаго кровью Власенку наконецъ сняли со скамейки и унесли на носилкахъ въ тюремную больницу. Онъ былъ безъ памяти.

— Ню-ню-ню! забормоталъ губернаторъ, который словно наслаждался кровавымъ истязаніемъ.— Этотъ будетъ помнить! Теперь другого.

Вызвали старика-кочегара Гусева. „Ваше высокородіе! Меня-то за что? говорилъ онъ. Я вѣдь не бунто-

валъ!“ Губернаторъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ этихъ словъ. Два дюжихъ сторожа подтолкнули Гусева къ скамейкѣ. Старикъ, словно во снѣ, спустилъ штаны, перекрестился и легъ, не говоря ни слова.

И опять надъ скамейкой засвистали розги.

Изъ ста двадцати шести арестованныхъ были выпороты по выбору и рѣшенію губернатора двадцать человѣкъ. Почему были наказаны эти, а не другіе, ни одинъ рабочій не могъ понять. Пороли тѣхъ, кто былъ арестованъ совершенно случайно и зря. Пороли по доносамъ и наговору сыщиковъ и фабричнаго начальства, пороли тѣхъ, чье лицо не понравилось Змѣевидову и губернатору. Каждому указанію сыщиковъ и другихъ доносчиковъ и Змѣевидова губернаторъ вѣрилъ съ первыхъ же словъ, словно они были самые честные и благородные люди, а не негодяи, сдѣлавшіеся Іудами ради денегъ.

Порка продолжалась больше двухъ часовъ. Все это время губернаторъ оставался на тюремномъ дворѣ и отъ времени до времени глумился надъ истязуемыми.— „Ню, что? Ню-ню-ню! Еще хочешь? Ню, съ тебя довольно!“ Даже городовые глядѣли на истязаніе угрюмо и уныло. Веселы были лишь губернаторъ, Змѣевидовъ и исправникъ, который лебезилъ передъ губернаторомъ, словно какая-то гадина.

* * *

Извѣстіе о поркѣ какъ громомъ поразило всю массу оставшихся на волѣ рабочихъ. Казалось, толпа была напугана и порабощена. Змѣевидовъ былъ очень доволенъ. Онъ достигъ своей цѣли: идея его осуществилась вполнѣ, и дѣло усмиренія мирныхъ забастовщиковъ доведено до прекраснаго конца. Во-первыхъ, рабочіе почувствовали, что ихъ сила ничто передъ солдатскою силою, — это имъ наука и впредь. Во-вторыхъ, послѣ такого погрома они потеряли изъ своей среды столько понимающихъ людей, что долго, не

бойсь, волноваться не будутъ. Кто и остался изъ понимающихъ вожаковъ, — и тѣхъ перестанутъ слушать, потому что за это по головкѣ не гладятъ. Въ-третьихъ, — и это, быть можетъ, самое важное, — такимъ хитрымъ и ловко исполненнымъ маневромъ удалось-таки выбить рабочихъ изъ ихъ выгодной позиціи, и средство вѣрное найдено, какъ ихъ оттуда выбивать!

Змѣевидовъ злорадствовалъ. Не бойсь, рабочіе думали уже, что они вѣки-вѣчные будутъ сидѣть смирно и тихо, дожидаясь, пока фабриканты и начальство имъ уступятъ! Шалишь, братцы! Знаемъ мы теперь, какъ васъ выманивать изъ вашей позиціи! Правда, дѣло вышло немного шумно; правда еще, что и Живодерниковъ немножко пострадалъ („Бѣдный, бѣдный, Савелій Никитичъ!“ — жалѣлъ его Змѣевидовъ), и крови пролито больше, чѣмъ слѣдуетъ. „Убитыхъ жалко... О, я очень жалѣю убитыхъ! Ну, да это все пустяки сравнительно съ дѣломъ государственной важности: рабочіе, добивающіеся своихъ правъ, дѣйствительно, представляютъ величайшую опасность для русскаго государства, для самодержавія, для всего общественнаго строя... Веселухинское дѣло будетъ зато долго служить примѣромъ для всѣхъ жандармовъ: такимъ-то способомъ сколько агитаторовъ сразу выловлено изъ рабочей среды! Э, Змѣевидовъ умѣетъ сѣти раскидывать. Вотъ какъ-бы только фабричный инспекторъ не навредилъ своимъ якобы безпристрастіемъ. Ну, да вѣдь его показанія—одна статья, а показанія всѣхъ прочихъ „благородныхъ“ свидѣтелей статья совсѣмъ другая, — судейскихъ, жандармовъ, губернатора, исправника.“

— Вотъ что значитъ понимать жизнь и истинное положеніе вещей! воскликнулъ Змѣевидовъ и хлопнулъ себя многозначительно по лбу. — „Вотъ что значитъ змѣевидовская идея! И, — что особенно хорошо — я внѣ всякихъ подозрѣній. И въ голову не придетъ никому, кромѣ рабочихъ, что это я устроилъ смятеніе. И разслѣдовать все дѣло съ этой стороны некому!... И

неужели я никогда не добьюсь должности шефа жандармовъ?!“

Такъ или иначе, хоть и съ нѣкоторыми оговорками, Змѣевидовъ былъ очень доволенъ и собой, и дѣломъ, и царемъ, и богомъ, и солдатами, и всѣмъ...

Но совсѣмъ иначе чувствовалъ себя Живодерниковъ. Сидя за поломаннымъ столомъ своего когда-то роскошнаго кабинета, Живодерниковъ, вмѣстѣ съ директоромъ Зубаловымъ и главнымъ бухгалтеромъ, высчитывалъ свои неожиданные и очень крупные убытки и отчаянно ругалъ и министра, и губернатора, и инспекторовъ, и жандармовъ, и рабочихъ, и чорта, и самого бога, и всѣхъ, кого могъ припомнить въ такомъ туманномъ, взволнованномъ состояніи, въ какомъ находился. И что теперь скажутъ акціонеры?! Что скажетъ правленіе акціонерной компаніи?!

— Дьяволы! право, дьяволы! Чортъ ихъ просилъ охранять мои интересы такимъ способомъ? Чортъ ихъ просилъ мѣшать мнѣ сдѣлать уступку, когда эта самая уступка была для меня все-же выгоднѣй? Чортъ имъ велѣлъ закрывать потребительскую лавку и доводить до остервенѣнія голодную толпу? Скоро-ли вотъ теперь все исправишь и наладишь? И чего это будетъ стоить? Скоро-ли опять заманишь отшибленныхъ заказчиковъ? Да и съ векселями-то еще какъ справишься? Всѣ книги конторскія по вѣтру пущены, — ихъ по клочкамъ мальчишки собираютъ. Фабричные ребята изъ моихъ векселей нарочно цыгарки вертятъ!“

Еще больше печалилъ и самого Живодерникова, и директора другой вопросъ: откуда теперь взять этакую уйму опытныхъ рабочихъ на мѣсто арестованныхъ, уволенныхъ и высланныхъ? Неопытными-то хоть прудъ пруди, а опытные, хорошіе, словно на зло, всѣ замѣшаны въ забастовкѣ. И лучшіе машинисты, и лучшіе ткачи, и лучшіе слесаря, — ихъ-то взять откуда? Вѣдь съ фабрики ушло куда больше тысячи человѣкъ. Иные арестованы, иные высланы, иные сами взяли разсчетъ.

Передъ фабричными воротилами развертывалась во

всемъ ужасѣ печальная перспектива: въ будущемъ придется на время прекратить производство! И это въ то самое время когда его расширять бы да расширять, какъ расширяютъ другія мануфактурныя фабрики, пользуясь недавнимъ повышеніемъ пошлинъ. — Конкуренты забьютъ, не выберешся... И чортъ возьми всѣхъ этихъ министровъ и губернаторовъ, и инспекторовъ, и всѣхъ. Вѣчно они суются туда, гдѣ ихъ не спрашиваютъ!

Много-таки непріятныхъ рѣчей вылилось въ тотъ день изъ устъ почтеннаго Савелія Никитича по адресу министра, столь заботящагося о процвѣтаніи россійской промышленности, и всѣхъ другихъ лицъ, старающихся объ обузданіи бунтующихъ рабочихъ.

И забылъ въ это время Савелій Никитичъ, сколько трудится этотъ самый министръ, ограждая высокими пошлинами на привозные товары карманы россійскихъ фабрикантовъ. Забылъ онъ и о томъ, какъ милостиво относится министръ къ синдикатамъ, иначе сказать, къ стачкамъ фабрикантовъ и заводчиковъ, желающихъ повыгоднѣе продавать свой товаръ; забылъ и о многихъ другихъ дѣяніяхъ русскаго министра финансовъ, принимающаго куда неблизко къ сердцу интересы рабочаго люда... Все это Савелій Никитичъ забылъ, — и на этотъ разъ былъ очень недоволенъ начальствомъ. Единственнымъ его утѣшеніемъ было злобное торжество надъ рабочими. „Что? попробовали, сладко-ли бунтоваться? Небось, теперь и дѣтямъ, и внукамъ закажете быть тише воды, ниже травы!“

ГЛАВА VIII.

Черезъ четыре дня послѣ порки всѣ наказанные рабочіе были выпущены изъ тюрьмы. Трудно и передать, что было у нихъ на душѣ. Тутъ была и обида, горькая обида за поруганное человѣческое достоинство, и сознаніе своего безсилія, и злоба, больше всего злоба и

ненависть къ обидчикамъ и насильникамъ, и жандармамъ, и полицейскимъ, и сыщикамъ, и къ губернатору, и къ министру, и къ царю, который его поставилъ, и ко всѣмъ русскимъ порядкамъ, всему государственному строю сверху до низу. Изстрадавшійся больной Власенко, который еще не могъ ни сидѣть, ни ходить, съ великимъ трудомъ отыскалъ Зальштейна и разсказалъ ему о возмутительномъ беззаконіи и насиліяхъ властей. Зальштейнъ пришелъ въ ужасъ, услыхавъ его разсказъ. „Что ты говоришь! да вѣдь этого быть не можетъ!“ воскликнулъ онъ, дрожа отъ злости и оскорбленія. Вмѣсто отвѣта Власенко показалъ ему свою спину, всю покрытую еще не зажившими ранами. „Ну, дьяволы! ну, твари! Ваше время еще придетъ!“ воскликнулъ Зальштейнъ. „О, придетъ! еще-бы ему не придти!“ стиснувъ зубы, проговорилъ Власенко. „Я на все уже теперь готовъ, — и ни себя, ни другихъ не пожалѣю.“ Зальштейнъ повелъ Власенко къ интеллигенту Платонычу, который повелъ его къ другому интеллигенту, котораго называли „Никодимомъ“. Была-ли это кличка или настоящее имя — никто изъ нихъ хорошенько не зналъ, — да и узнавать-то никто не добивался, кромѣ полиціи, которая давнымъ давно ужъ слѣдила за „таинственнымъ незнакомцемъ“, но никакъ не могла уловить его въ свои лапы. Въ тѣсной коморкѣ этого Никодима собралось нѣсколько человѣкъ товарищей съ Веселухинской мануфактуры. У всѣхъ было на душѣ то-же самое, что и у Зальштейна. Власенко сталъ снова разсказывать о губернаторскихъ истязаніяхъ. Власенко говорилъ тихо, однообразнымъ, сдавленнымъ голосомъ, какъ будто не могъ очнуться отъ того, что онъ пережилъ.

— Изверги! изверги! какъ они могли, какъ осмѣлились! нервно воскликнулъ Зальштейнъ. И неужели нѣтъ на нихъ никакой управы, никакого суда, никакого закона?

— Мы живемъ въ такомъ царствѣ, гдѣ и управа, и судъ, и законъ, и власть — все въ однѣхъ рукахъ... медленно заговорилъ Платонычъ. — Не разъ ужъ при-

ходилось намъ съ вами разговаривать о русскихъ самодержавныхъ порядкахъ. Вотъ, теперь вы видѣли ихъ лицомъ къ лицу. Вы знаете, что въ рукахъ царя вся власть, вся сила: онъ подписываетъ для васъ такіе законы, какіе ему вздумается, поддерживаетъ и закрѣпляетъ такіе порядки, какіе для васъ не удобны, вертитъ по своему желанію и судомъ, и закономъ, и вооруженной силой. По своему образу и подобію онъ наставилъ надъ вами другихъ самодержавцевъ, другихъ царьковъ, ростомъ поменьше. Въ рукахъ этихъ самодержавцевъ почти всѣ силы — и законъ, и войска, и полиція, и сыщики, и жандармерія, и даже церкви и попы-проповѣдники. Всѣ силы, кромѣ истины и справедливости. Самодержавцевъ не стѣсняетъ и не ограничиваетъ никакая другая власть, кромѣ борцовъ за народное дѣло. Самодержавцамъ и удержу нѣтъ, — дѣлайте что угодно, топчите даже тотъ законъ не, какой сами же придумали. Чтобы даже и этотъ законъ не стѣснялъ!..... Во всемъ нынѣшнемъ русскомъ государственномъ устройствѣ — сверху и донизу — самовольство и самодержавство. Отъ царя до городового. Дѣлаетъ все что хочетъ — царь, не входя и не вникая въ дѣло; издаютъ безъ всякой совѣсти и какія угодно распоряженія господа министры; дѣлаютъ все, что имъ чортъ на душу положитъ и не давая никому отчета губернаторы, земскіе начальники, полицейскіе и вся эта шайка. И вся она куражится на спинахъ и на головахъ простого народа, крестьянъ и фабричныхъ; да и интеллигентамъ, студентамъ, коли не запродадутъ они ей своей совѣсти отъ нея также плохо приходится... И суда на этихъ самодержавцевъ нѣтъ, и удержу имъ нѣтъ. Они ничего словно не боятся, ничѣмъ не стѣсняются, ни передъ чѣмъ не останавливаются, только бы имъ да другимъ народнымъ обидчикамъ жилось хорошо, да только бы народъ сидѣлъ смирно и молчалъ, пока тѣ его обираютъ...

— Да, друзья мои, это такъ — сказалъ и Никодимъ. — Это самое и есть то, что называется произво-

ломъ, иначе сказать самодержавіемъ. „Все молъ самъ держу, а всѣмъ другимъ только то и достанется, что дамъ имъ изъ милости.“ Помните, какъ читали въ щедринской сказкѣ волчьи рѣчи къ зайцу? — „Хочу — съѣмъ, хочу — можетъ быть, ха-ха-ха! и помилую“... И такъ сверху до низу. Каждый городовой норовитъ подражать царю въ его самодержавіи. Этого добра у царя такъ много, что даже на долю городового много остается, не говоря ужъ о губернаторахъ. Елей помазанника Божія больше всего виденъ народу на полицейскихъ мордахъ и жандармскихъ фуражкахъ... ... И какъ это иные не понимаютъ, что власть городового, жандарма, сыщика, урядника, станового — также царская власть?

— И поумадть только — тихимъ, сдавленнымъ голосомъ произнесъ Власенко — что когда-то мы молиться готовы были за царя, и всѣ царскіе порядки считали святыми, божескими!...

— Ничего въ томъ удивительнаго нѣтъ, — отвѣчалъ Никодимъ. Недаромъ еще съ дѣтства забивали вамъ голову поповскими баснями. Школьники еще и ничего не понимаютъ, а имъ ужъ въ школахъ внушается по царскому приказу: „повинуйтесь всякимъ властямъ,— всякая власть отъ Бога, даже урядническая“. Изъ ста человѣкъ только 5-6 догадаются, что это сущая ложь и наглый обманъ. Но и эти 5-6 понимающихъ — бѣльмо на глазу у начальства; и оно всячески старается выловить ихъ и расправляется съ ними жестоко. Почему такъ? Да потому, что чувствуетъ, что сила самодержавія держится на непониманіи. Пониманіе— сила, которая въ концѣ концовъ, разумѣется, обуздаетъ и ограничитъ власть самодержавной шайки. Теперь эта шайка лучше насъ видитъ, что понимающихъ людей становится съ каждымъ днемъ все больше; это ее и приводитъ въ такое бѣшенство; чуетъ она, что ничего не можетъ подѣлать противъ размноженія понимающихъ людей, — вотъ и свирѣпствуетъ на послѣдяхъ. Благо, сила-то пока еще на ея сторонѣ.

— Есть и у насъ сила, воскликнулъ Зальштейнъ. Правда, пока они еще сильнѣе насъ... Но забыли они объ одномъ: и у нихъ есть мясо, кости да шкура, и до нихъ можно добраться. А, на нихъ нѣтъ ни суда, ни управы? Неправда! На нихъ нѣтъ лишь казеннаго суда, но зато найдется другой судъ — народный! Найдется другая расправа, — мы сами найдемъ свои средства противъ этихъ мундирныхъ разбойниковъ! Они должны-же, наконецъ, держать отвѣтъ передъ трудящимся народомъ, а, значитъ, и передъ нами за свои подлыя дѣла. Мы знаемъ какъ тянуть ихъ къ отвѣту! Въ нашихъ то душахъ правда-справедливость вѣдь еще не заглохла. Среди насъ то вѣдь не мало такихъ людей, которые себя не пожалѣютъ и за правду постоятъ! Да я первый головы своей не пожалѣлъ бы, чтобы напомнить этому губернатору, что есть правда на землѣ и нельзя ее безнаказанно топтат ьвъ грязь и издѣваться надъ нею!

Власенко поднялъ голову и стиснулъ зубы...

— Ты правъ, Зальштейнъ — медленно проговорилъ Никодимъ. — И было такое время, когда революціонеры тянули къ отвѣту и заставляли дрожать отъ страха и прокуроровъ, и жандармовъ, и губернаторовъ, и министровъ, и даже царей. Самъ царь долженъ былъ долго жить затворникомъ въ своей Гатчинѣ, окруживъ себя солдатами, полиціей, шпіонами и придворными, боясь высунуть носъ изъ своей проклятой норы... Такъ его одно время и прозвали: „Гатчинскимъ военноплѣннымъ русскихъ революціонеровъ.“ И знаешь, кто его такъ назвалъ? Великій учитель соціалистовъ всего міра—Карлъ Марксъ... Это имя тебѣ хорошо знакомо. Но слишкомъ слабы были еще тогда силы народа и его друзей. Не хватило до конца этихъ силъ и полегли смѣлые борцы геройской смертью... Но и теперь еще цари не могутъ справиться отъ прежняго сраха, живутъ словно въ чужой странѣ, и безъ охраны сыщиковъ въ своей же столицѣ показаться на улицу не смѣютъ. Коли небольшой кружокъ революціонеровъ, безъ народной поддержки,

могъ на министровъ и царей такого страху нагнать, что же будетъ, когда весь рабочій народъ будетъ напирать на правительство, и будутъ изъ него выходить такіе же смѣлые борцы? А такія времена теперь и настаютъ. Теперь сила народная, сила рабочая пробуждается. Этой силы нельзя задавить, нельзя уничтожить казнями отдѣльныхъ людей. Это сила неистощимая. До сихъ поръ она дѣйствовала мирными средствами. Не наша вина, если правительство само вынуждаетъ насъ на нихъ однихъ не останавливаться. Дѣлать нечего. Есть средства и пострашнѣе... Приходится теперь же пускать ихъ въ ходъ....

— Да, именно теперь же — живо и страстно заговорилъ Зальштейнъ. Этого губернаторскаго преступленія такъ оставить нельзя. Онъ зналъ, что дѣлалъ. Онъ хотѣлъ передъ лицемъ всѣхъ доказать, что мы ничего, что мы — червяки, которыхъ онъ можетъ топтать и заставлять безсильно корчиться отъ злобы. Ему хотѣлось предъ всѣми унизить насъ, показать свою силу и нашѣ ничтожество. Онъ мѣтилъ на то, что не во всѣхъ въ насъ одинаково прочно засѣла рѣшимость бороться за свои права и честь до конца, чего бы это ни стоило. И вы посмотрите, Никодимъ — вотъ Платонычъ и Власенко будутъ свидѣтелями — на многихъ рабочихъ напала робость и уныніе... Трудно теперь съ ними говорить. Еще вчера они голову высоко держали, а теперь упали духомъ, ходятъ, словно пришибленные, никакъ не могутъ опомниться... Раньше всѣ твердили: „Ничего съ нами не подѣлаешь!“ А теперь ужъ иные говорятъ: „Третьяго дня, какъ выдворяли съ фабрики, вчера били и хватали, сегодня сѣкутъ... Завтра нивѣсть какъ еще надругаются... и ничего съ ними не подѣлаешь!“ Нѣтъ, надо доказать, что и мы можемъ дать сдачи всегда, когда нужно!

— Да, все это вѣрно, — подтвердилъ Платонычъ. Борьба начата, а въ борьбѣ на каждый ударъ надо отвѣчать ударомъ. Я тоже высказываюсь за то, чтобы отъ нашей руки губернатора постигла смерть. Страш-

ное, ужасное дѣло — убійство, но что же дѣлать-то, что дѣлать съ нашими насильниками? Нельзя же покорно отдавать имъ въ жертву и на поруганіе самое святое, что есть въ человѣкѣ, — его честь, его человѣческое достоинство. Во имя справедливости, во имя любви къ униженнымъ и оскорбленнымъ надо ограничить насилія нашихъ властителей ихъ собственной кровью. Сдѣлать это необходимо, и я первый готовъ себя не пожалѣть, жизнью своей заплатить, — только бы показать всѣмъ, что на такія звѣрства надо отвѣчать не слезами, а кровью! Губернаторъ давно заслужилъ свое наказаніе.

— Его надо застрѣлить, какъ собаку! вскричалъ Власенко, обводя присутствующихъ горячими глазами. Мы должны это сдѣлать, чтобы и другимъ на его мѣстѣ не такъ то повадно было насильничать надъ народомъ. Коль у этихъ насильниковъ орудіе противъ насъ — нагайки, розги и висѣлица, то у насъ противъ нихъ тоже кое-что найдется! Правда на нашей сторонѣ — и посмотримъ, кто въ концѣ концовъ побѣдитъ!

Наступило молчаніе. Всѣ чувствовали, что принято глубоко важное рѣшеніе...

— Друзья мои! прервалъ, наконецъ, тяжелое молчаніе Никодимъ. Вотъ то-то и ужасно, что у насъ пока нѣтъ никакихъ другихъ способовъ судить и обуздывать нашихъ насильниковъ. Они сами въ россійскомъ самодержавномъ государствѣ оставили намъ только одинъ способъ обуздывать ихъ — политическое убійство или терроръ, — убійство гнуснѣйшихъ изъ этихъ самодержавцевъ во имя общественной справедливости, во имя неприкосновенности своихъ человѣческихъ правъ, во имя, наконецъ, самозащиты отъ жестокостей. Всѣ другіе выходы, чтобы взыскивать съ нихъ за наши обиды и притѣсненія, закрыты для насъ. Вѣдь мы не имѣемъ ни права, ни возможности тащить губернатора нашего къ окружному суду, хотя онъ и совершилъ незаконное дѣло. Не можемъ тащить на судъ и министра, который разрѣшилъ губернатору пороть фабричный на-

родъ. А какой судъ на царя, и какъ призывать къ отвѣту царя, если онъ отдастъ вамъ возмутительный и жестокій приказъ, вродѣ полтавскаго? На министровъ тоже суда нѣтъ. Царь даже не принимаетъ жалобъ на нихъ. 40 человѣкъ русскихъ писателей попробовали было въ 1901 году пожаловаться, а царь вмѣстѣ съ министрами взяли да и сослали ихъ. Теперь всякій судъ — настоящая игрушка въ рукахъ нашихъ насильниковъ. Ихъ нельзя даже обличить всенародно въ газетахъ, потому что объ ихъ темныхъ дѣлахъ не даютъ намъ писать и печатать, не позволяютъ говорить передъ толпой на собраніяхъ. Никакого, никакого способа нѣтъ, чтобы привлечь насильниковъ къ отвѣту, кромѣ политическаго убійства и террора. Остается одно — убивать негодяевъ во имя справедливости и борьбы за народныя права.

— Но, товарищи, вы не должны обольщать себя понапрасну — прибавилъ Платонычъ. Мы всѣ согласны, что оставить такъ дѣла нельзя, что слѣдуетъ убить губернатора. Но мы не должны забывать, что отъ такого убійства еще нельзя ждать никакихъ большихъ перемѣнъ. Было бы болото, а черти будутъ. Убьемъ одного — намъ посадятъ другого, можетъ быть еще похуже, а въ лучшемъ случаѣ — тѣхъ же щей, только пожиже. Это-то и нужно помнить прежде всего. Вѣдь на вольномъ нынѣшнемъ губернаторскомъ мѣстѣ хорошій человѣкъ держаться не можетъ: онъ или испортится, или самъ уйдетъ, или его прогонятъ за „небрежное исполненіе обязанностей“. Не только люди плохи, — всѣ государственные порядки по нынѣшнимъ временамъ никуда не годятся. Не противъ людей мы и идемъ съ пистолетомъ въ рукахъ; мы идемъ противъ государственнаго порядка, имя которому — самодержавство, произволъ сверху до низу. Противъ такого „порядка“ мы поневолѣ должны выставить свой порядокъ — терроръ, т. е. политическія убійства. Этимъ мы, соціалисты-революціонеры, хотимъ сказать врагамъ народа: „пока в а ш и порядки будутъ таковы, то и н а-

ш и будутъ таковы. У васъ-то вѣдь есть иные выходы, — дайте народу волю, перестаньте насильничать, обирать и обижать, отступитесь отъ вашего самодержавства, потому что пришло время, когда самъ народъ можетъ заправлять своими собственными дѣлами.“ А у насъ то вѣдь никакихъ иныхъ выходовъ нѣтъ. Когда всѣ россійскіе законы будутъ передѣланы на пользу простого народа, то есть фабричныхъ и крестьянъ, да когда вся земля будетъ отдана крестьянамъ, да когда на фабрикахъ будутъ царствовать не купцы Живодерниковы, а сами рабочіе, да когда намъ можно будетъ свободно добиваться всеобщаго счастія на землѣ, тогда мы всѣ, соціалисты-революціонеры, перестанемъ быть врагами русскаго государственнаго порядка. А пока онъ останется таковъ какъ теперь — мы кровные враги всѣхъ насильниковъ и будемъ ими до самой смерти...

Платонычъ замолчалъ. Зальштейнъ ерошилъ свои курчавые волосы. Въ комнатѣ наступила тишина. Власенко вдругъ вскокилъ съ мѣста. Съ нимъ что то случилось. Онъ всплеснулъ руками, схватился за свою голову и — застоналъ, завылъ какимъ то дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ.

Произошло смятеніе. Зальштейнъ бросился за водой. Никодимъ подскочилъ къ Власенкѣ, прижалъ его голову къ своей груди. Власенко и плакалъ, и рыдалъ, и стоналъ, и все громче и громче.

— О! Что они со мной сдѣлали! Что сдѣлали, на весь вѣкъ опозорили! Всю жизнь испортили! Въ грязь втоптали! О, о! я этого не переживу, — я такой же человѣкъ, какъ они!...

— Ну, голубчикъ, ну, дорогой! Ну, полно! старался успокоить его Никодимъ. Онъ душевно гладилъ Власенку по головѣ, цѣловалъ его лобъ, и, глядя на эту картину, нельзя было и думать, что этотъ самый Никодимъ, такъ братски-нѣжно относящійся къ униженному и оскорбленному человѣку, за минуту передъ тѣмъ говорилъ объ убійствѣ и кровопролитіи...

— Я пойду! убью губернатора! дрожа всѣмъ тѣломъ

и судорожно стиснувъ зубы, повторялъ Власенко. Это дѣло должно быть сдѣлано мною!

И онъ снова глухо застоналъ, тщетно стараясь совладать съ щемящей душевной болью. Въ полутемной комнатѣ раздавались только эти рыданія. Всѣ товарищи были придавлены этимъ рыданіемъ, безвыходной тоской и отчаяніемъ, которыя слышались въ нихъ. Раньше другихъ заговорилъ Никодимъ.

— Нѣтъ, дорогой другъ, сказалъ онъ Власенкѣ. Это дѣло надо поставить совсѣмъ иначе. Мы всѣ хорошо понимаемъ, какъ тебѣ тяжело. Понимаемъ мы и то, что тебѣ очень хочется расправиться собственными руками съ губернаторомъ. А все таки, мой другъ, ты никоимъ образомъ не долженъ брать это дѣло на себя. Да, и тебя, и другихъ нашихъ товарищей, губернаторъ-звѣрь страшно оскорбилъ. Но развѣ суть то дѣла здѣсь въ томъ, что г а к о й т о оскорбилъ т а к и х ъ - т о? Не одинъ этотъ губернаторъ такъ дѣйствуетъ и не насъ однихъ такъ губернаторъ оскорбляетъ. Вся то суть въ томъ, что при нынѣшнемъ государственномъ устройствѣ в с я к і й губернаторъ и м ѣ е т ъ п р а в о и м о ж е т ъ оскорбить такъ всякаго рабочаго и втоптать его въ грязь, какъ послѣдняго червяка. Вотъ чѣмъ нужно возмущаться, вотъ гдѣ корень того, что мы всѣ пережили и испытали. Этимъ то и нужно возмущаться. Всякій мало мальски честный, порядочный человѣкъ долженъ этимъ возмущаться, понимаешь-ли ты, Власенко, — не ты одинъ и не только тѣ, кто оскорбленъ вмѣстѣ съ тобой, а всѣ люди, всѣ, какіе тамъ ни на есть. Всѣхъ людей въ вашемъ лицѣ оскорбилъ этотъ губернаторъ, этотъ ретивый царскій слуга, этотъ защитникъ несправедливаго государственнаго устройства. Всякій человѣкъ, въ коемъ есть душа живая и отзывчивая, долженъ встать на вашу защиту, то есть на защиту в с ѣ х ъ обиженныхъ и поруганныхъ людей. Это долгъ, это святая обязанность всякаго честнаго, отзывчиваго человѣка. Понимаешь-ли, это д о л г ъ. Чувство то здѣсь на второмъ мѣстѣ, а личнымъ то обидамъ здѣсь

и мѣста нѣтъ. Другъ мой, тотъ человѣкъ и есть настоящій революціонеръ, кто встаетъ на защиту всѣхъ людей, обиженныхъ и угнетенныхъ несправедливымъ государственнымъ устройствомъ, и встаетъ не изъ личной мести, а во имя долга и справедливости и любви къ человѣку вообще, то есть ко всѣмъ людямъ. Революціонное дѣло — это и есть дѣло борьбы за счастье и волю трудящагося народа. Это дѣло для насъ больше всего, дороже всего. Вотъ чему мы должны жертвовать собою, и мы этому дѣлу всѣмъ жертвуемъ, — и умъ, и силы, и настроеніе, и вся жизнь — все ему! Есть же вѣдь на Руси и другіе революціонеры, кромѣ тебя, и ихъ не мало, и съ каждымъ днемъ ихъ становится больше и больше. Они и возьмутъ на себя расправу съ губернаторомъ. А ты возьми себя въ руки и съ собою совладай какъ слѣдуетъ! Такъ надо...

— Надо!... Почему надо? угрюмо спросилъ Власенко.

— А вотъ почему, продолжалъ свою рѣчь Никодимъ. Необходимо надо сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ и каждому стало ясно и понятно, изъ за чего убитъ губернаторъ. А какъ это сдѣлать? Если его убьешь ты, въ народѣ станутъ говорить, (да и начальство станетъ такимъ разговорамъ поддакивать), что вотъ молъ „такой то Власенко былъ высѣченъ губернаторомъ, а изъ-за личной мести взялъ онъ да губернатора и застрѣлилъ“. Всѣмъ извѣстно, что люди изъ-за личной мести всякія тамъ дѣла совершаютъ, потому что изъ-за обиды дѣйствуютъ какъ бы безъ разсужденія. Убійства изъ-за личной мести случаются каждый день, и грошъ имъ цѣна. „Чтожъ тутъ особеннаго, скажутъ, что лично оскорбленный человѣкъ постоялъ лично за себя, отомстилъ лично своему обидчику?“ Не такіе разговоры намъ нужны! Убійство губернатора нужно для того, чтобы кое-что разъяснить народу и властямъ, нужно имъ показать, что это убійство — дѣло не личное, а общественное, это борьба трудящагося народа, съ несправедливымъ устройствомъ государства, это отвѣтъ рабочихъ революціонеровъ на

преступленія правительства, это доказательство того, что народъ — не стадо безотвѣтное и что въ народѣ есть люди, которые могутъ, умѣютъ, хотятъ, считаютъ своимъ долгомъ давать отвѣтъ... Никакого личнаго чувства не должно быть замѣшано въ это дѣло. Можетъ случиться потомъ, что человѣкъ, кому выпадетъ на долю стрѣлять, попадется въ лапы жандармовъ, то есть царскихъ властей; разумѣется, онъ скажетъ, ради чего онъ дѣйствовалъ такъ; тогда всѣмъ и каждому сразу будетъ ясно, что онъ дѣйствовалъ совершенно безкорыстно, и не самъ онъ былъ задѣтъ, и не себя защищалъ, а другихъ: онъ защищалъ обиженный народъ, онъ былъ самоотверженнымъ борцомъ и представителемъ обиженнаго трудящагося народа. Такъ и должно быть: всѣ должны понять, что это убійство не личное, а общесвенное дѣло. Оскорбленному месть сладка. Но мы, революціонеры, должны всѣмъ доказать, что боремся съ несправедливымъ устройствомъ государства не изъ-за мести, хотя оно и очень даже понятное и естественное чувство. И я убѣжденъ, что когда рабочій народъ побѣдитъ, (а онъ разумѣется побѣдитъ), не станетъ онъ мстить своимъ побѣжденнымъ врагамъ, а покажетъ всему свѣту примѣръ такого великодушія, какого еще не бывало во всѣ времена. Но даже и теперь, когда врагъ во всей силѣ, мы должны всѣмъ показать, что каждый нашъ ударъ, который мы ему наносимъ, — вовсе не личная месть, а, напротивъ, — это обдуманный поступокъ въ интересахъ общей борьбы, необходимое средство этой борьбы.

Власенко угрюмо молчалъ, опустивъ голову. Сначала онъ какъ будто порывался что то сказать, но что было возражать противъ спокойной и обдуманной рѣчи Никодима? Въ глубинѣ души Власенко чувствовалъ, что Никодимъ правъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось еще мириться, что за его оскорбленіе дадутъ отвѣтъ другіе революціонеры.

— Въ тебѣ какъ будто еще кипитъ ненависть, ска-

залъ Никодимъ. Другъ мой, да вѣдь это даже хорошо, что она есть: эта ненависть правая и законная. Но вѣдь тебѣ хотѣлось бы излить ее теперь же, въ одномъ поступкѣ. А вотъ этого то пока и не слѣдуетъ дѣлать. Нот ы ее копи, — копи эту святую, справедливую ненависть, преврати ее въ могучую, всесильную революціонную страсть; выработай изъ себя съ ея помощью неустаннаго борца-революціонера, — борца на всю жизнь. О, эта твоя ненависть и эта страсть еще пригодится! Дѣла то для тебя найдется вѣдь не мало, — начались вѣдь уже революціонныя времена. Ты еще вѣдь будешь вкладывать эту страсть цѣликомъ въ каждое дѣло, какое выпадетъ на твою долю въ общей революціонной работѣ, то есть въ борьбѣ съ несправедливымъ устройствомъ государства*). Тотъ, кто пойдетъ стрѣлять въ губернатора, совершитъ подвигъ геройскаго самоотверженія; но и тотъ, кто подавитъ въ себѣ, во имя высшихъ интересовъ общаго дѣла, свою личную жажду мести, этотъ тоже совершитъ дѣло такого же беззавѣтнаго самоотверженія. Тебѣ, Власенко, я желаю отъ всей души побольше силъ для такого самоотверженія. Тяжело тебѣ будетъ, но неужели ты не найдешь въ себѣ довольно силъ, чтобы сдержать себя и исполнить свой долгъ?

Никодимъ дружески положилъ Власенкѣ руку на плечо; а тотъ по прежнему сдѣлалъ, опустивъ голову, и молча глоталъ слезы.

— Теперь, сказалъ Никодимъ, намъ пора покамѣсть расходиться. Завтра или послѣ завтра я созову кое-кого изъ васъ, чтобы потолковать насчетъ тѣхъ дѣлъ, какія теперь у насъ рѣшены.

— Какія же это дѣла? спросилъ Власенко.

---

*) Въ книжкѣ „Несправедливое устройство русскаго государства“ подробно разъяснею, что всѣ нынѣшніе порядки устроены невыгодно для трудящагося народа, и указано, какимъ способомъ слѣдуетъ бороться за ихъ лучшее устройство.

— Намъ нужно устроить „боевую рабочую дружину“. Эта дружина и должна взять на себя расправу съ губернаторомъ. Не всѣмъ же намъ за это браться. Въ борьбѣ, какъ и во всякой работѣ, должно быть распредѣленіе труда: одни революціонеры должны дѣлать то, другіе другое. Одни пускай ведутъ борьбу на фабрикѣ, такъ же настойчиво и упорно, какъ и раньше, а „боевая рабочая дружина“ нужна для такихъ, напримѣръ, дѣлъ, какъ судъ и расправа съ губернаторомъ. Это дѣло нужно сдѣлать по всѣмъ правиламъ, — чисто на чисто... Въ это дѣло должны путаться только очень немногіе.

— Это правильно! сказалъ Кораблевъ.

— Выходитъ, значитъ, такъ, — вставилъ свое слово Зальштейнъ. Борьбу нужно вести всячески,—гдѣ какъ нужно и какъ когда удобнѣе: въ иныхъ случаяхъ — тихо и мирно, вродѣ того, какъ мы на нашей фабрикѣ; а въ другихъ случаяхъ съ оружіемъ въ рукахъ; гдѣ напирать скопомъ, а гдѣ — одинъ на одинъ, вродѣ какъ единоборство устраивать. Все равно какъ на войнѣ: гдѣ штурмъ, а гдѣ осада, чтобы взять врага изморомъ; гдѣ наступленіе сомкнутымъ строемъ, гдѣ — разсыпаются цѣпью, а гдѣ — какой нибудь отрядъ охотниковъ смѣлую вылазку дѣлаетъ; а, въ концѣ концовъ, все къ одному.

— Именно, именно! сказалъ Никодимъ. Это я и хотѣлъ сказать. Одни способы борьбы должны помогать другимъ, должны подкрѣплять другъ друга. Вѣдь и въ нашемъ дѣлѣ такъ выходитъ... Вотъ вы объ этомъ и подумайте къ слѣдующему разу.

Товарищи стали расходиться. Остались у Никодима только Зальштейнъ и Власенко.

— Ну, братъ, сказалъ Зальштейнъ, обнимая товарища. Наше дѣло на ладъ идетъ. Только возьмись за него какъ слѣдуетъ, — смотришь, оно уже само растетъ! Никакимъ самодержавцамъ — отъ урядника до царя — не поздоровится, коли мы ихъ станемъ жарить съ двухъ сторонъ: съ одной — будетъ дѣйствовать

боевая рабочая дружина, а съ другой — нашъ рабочій комитетъ!

Повеселѣлъ немного и Власенко.

— Восчувствуютъ, восчувствуютъ наши самодержавцы, насильники и обидчики, что народъ не стадо и что на нихъ самихъ судъ и расправа есть...

— Когда одного городового или сыщика проучимъ — всѣ другіе умнѣе становятся. Когда одного губернатора убьютъ, — всѣ другіе восчувствуютъ, что и съ ними это же самое можетъ случиться. Когда одного министра подстрѣлятъ, всѣ другіе поймутъ, что они должны держать отвѣтъ не только передъ царемъ, а и передъ народомъ. Каждый народный приговоръ, исполненный какъ слѣдуетъ, тотчасъ же отзовется во всѣхъ вражескихъ рядахъ и приведетъ ихъ въ замѣшательство. Это намъ теперь на руку!

— Такъ-то такъ, сказалъ Никодимъ, но все же главная суть приговора не въ томъ, чтобы страхъ нагонять.

— Это я понимаю, понимаю, сказалъ Зальштейнъ. А тоже и это не мѣшаетъ, — пусть идетъ одно къ одному.

— Обиженные то и униженные какъ встрепенутся, когда губернатора убьютъ, проговорилъ Власенко. Вотъ то обрадуются, вотъ то заговорятъ: „Слава Богу и на народныхъ обидчиковъ есть теперь судъ и расправа, и у народа есть друзья и защитники его чести изъ его же собственныхъ рядовъ... Вотъ что дорого!...

— Прошли тѣ времена, когда революціонеровъ было мало и когда народъ не понималъ, что они такое, сказалъ Никодимъ. Теперь то насъ съ каждымъ днемъ становится все больше. Изъ разныхъ сословій люди пристаютъ къ борьбѣ и становятся революціонерами — и студенты, и рабочіе, и крестьяне, и учителя и учительницы, и писатели и доктора. Царство самодержавныхъ насильниковъ къ концу приходитъ. Приближается царство народнаго самоуправленія, когда всѣ власти будутъ служить не по назначенію подла-

го начальства, а по выборамъ, и выбирать ихъ будетъ самъ народъ, каждое село, каждая волость, каждый уѣздъ, каждая губернія; будутъ и законодатели выборные, будутъ и судьи выборные, будетъ и глава государства выборный, и всѣ они будутъ обязаны давать народу отчетъ о всѣхъ своихъ дѣлахъ и распоряженіяхъ и въ случаѣ чего держать за нихъ отвѣтъ. Будетъ тогда и земля для всѣхъ общая, и ею будетъ владѣть тотъ, кто ее обрабатываетъ своими силами; будутъ и фабрики и заводы общіе, и ими будутъ владѣть тѣ, кто на нихъ работаетъ. Не будетъ тогда тунеядцевъ-богачей и нищихъ рабочихъ. Не будетъ ни битья, ни пуль, ни шпіоновъ, ни высылки... Все государственное устройство народъ передѣлаетъ по своему и по справедливости, только бы онъ поскорѣе самодержавцевъ прогналъ, — да своихъ выборныхъ завелъ...

* * *

Спустя недѣли полторы послѣ этого собранія, въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось и потомъ обошло всѣ газеты слѣдующее краткое сообщеніе.

„Еще одинъ вѣрный царскій слуга подвергся дерзкому нападенію со стороны враговъ законнаго порядка. Около 12 часовъ ночи, когда его превосходительство г. начальникъ губерніи, возвращаясь изъ театра, проѣзжалъ по цѣпному висячему мосту черезъ рѣку Микулицу, какой-то неизвѣстный человѣкъ, плохо одѣтый, подъ покровомъ темноты, успѣлъ приблизиться къ медленно ѣхавшему по мосту фаэтону и почти въ упоръ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ. Однимъ изъ этихъ выстрѣловъ оцарапана шея г. начальника губерніи; другая пуля застряла въ лѣвомъ плечѣ. Къ несчастію, лошади, испуганныя выстрѣлами, понесли, опрокинули фаэтона зацѣпилась за желѣзныя цѣпи моста, фаэтонъ опрокинулся, и его превосходительство получилъ сильные ушибы головы. Пользуясь происшедшимъ смятеніемъ

и замѣшательствомъ, гнусный злоумышленникъ бросился черезъ перила моста въ рѣку. На мосту остались свалившіеся съ него во время прыжка шапка и рыжій парикъ. Производится разслѣдованіе по этому дѣлу, и нѣтъ сомнѣнія, что преступникъ будетъ открытъ, если только божья кара уже не совершила своего суда, и онъ не нашелъ заслуженной смерти въ быстроходномъ теченіи рѣки. Есть основаніе предполагать наличность соучастниковъ, розыски ихъ ведутся по свѣжимъ слѣдамъ. Къ несчастію, здоровье г. начальника губерніи внушаетъ серьезныя опасенія. Будемъ надѣяться, что его превосходительство, жертва самоотверженнаго и энергичнаго служенія своему долгу, сохранитъ возможность оставаться на своемъ боевомъ посту, несмотря на всѣ козни враговъ самодержавія, православія и отечества".

Слухами о смѣломъ покушеніи былъ наполненъ весь городъ. Оказалось, что благодаря ночному времени и сумятицѣ, поднявшейся въ то время, какъ лошади понесли и опрокинули фаэтонъ, никто не могъ разглядѣть лица стрѣлявшаго. Одни говорили, что это былъ молодой человѣкъ, другіе — что это пожилой и чуть ли не старикъ; кто то утверждалъ, что его лицо было въ прыщахъ и кровоподтекахъ; другіе выдавали за вѣрное, что онъ просто на просто былъ сильно накрашенъ. Утверждали, будто незадолго до покушенія около моста что-то подозрительно долго вертѣлась какая то лодка, или даже двѣ лодки. Нѣкоторые видѣли лодку, въ которой сидѣли двѣ барышни и одинъ студентъ. Въ эту сторону и направились усиленные розыски. Наконецъ, загадочная лодка была обнаружена, — но увы! оказалось, что въ ней просто катались, благодаря хорошей погодѣ, люди, стоящіе „выше всякихъ подозрѣній": двѣ дочки судебнаго слѣдователя и ихъ двоюродный братъ, студентъ-артеецъ. Полиція, какъ ни металась, больше ничего и никого не разыскала; пришлось ей утѣшаться тѣмъ, что надо полагать, „преступникъ" погибъ въ рѣкѣ. Редакторъ „Губернскихъ Вѣдомостей" не мало наго-

ворилъ по этому поводу въ передовой статьѣ разныхъ звонкихъ словъ о „перстѣ божіемъ, справедливо наказывающемъ, о вседержителѣ-богѣ, защищающемъ губернаторовъ и всѣхъ вѣрныхъ царскихъ слугъ, о злодѣяхъ, которымъ уготована на томъ свѣтѣ геена огненная, и проч. и проч.“ Власти обшарили чуть не всю рѣчку неводами, потому что разсчитывали найти мертвое тѣло утопленника; но оно не попадалось и не всплывало ни около города, ни ниже по теченію. Словомъ, несмотря на все усердіе сыщиковъ, жандармовъ и полицейскихъ, слѣдствіе окончилось ничѣмъ, „преступника“ не нашли...

Между тѣмъ черезъ день послѣ покушенія по городу изъ рукъ въ руки переходили какія то таинственныя прокламаціи или печатныя бумажки. Обыватели читали и перечитывали. Слухъ объ этихъ бумажкахъ заставилъ снова заволноваться всю полицію. Еще черезъ день такія же печатныя бумажки были расклеены во множествѣ по стѣнамъ. Они носили названіе „За что наказанъ голодаевскій губернаторъ“...

Толкамъ, слухамъ, разговорамъ въ городѣ конца не было. Поведеніе губернатора во время порки стачечниковъ подробно обсуждалось повсюду. Рѣдко кто не признавалъ, что наказаніе было губернаторомъ вполнѣ заслужено. Весь городской мелкій людъ, мѣщанство, вообще „простонародье“ явно сочувствовало „преступнику“, а не губернатору. Про рабочихъ и говорить нечего. Общей радости и воодушевленію не было конца. „Ай да наши!“ шептались рабочіе между собой. „Вотъ это такъ чистая работа! Ловко дѣвки стряпали, въ печкѣ ложки спрятали!“ раздавалось повсюду. Повеселѣлъ и тотъ, кто раньше пріунылъ. А такихъ до этого времени тоже было не мало... Прошло нѣсколько времени, — и городовые, и шпіоны стали замѣчать, что рабочіе начинаютъ какъ будто подымать голову, держать себя не по прежнему. Пользуясь ночнымъ временемъ, рабочіе сильно избили нѣкоторыхъ извѣстныхъ сыщиковъ. Возбужденіе росло, и ходили слухи, что подготов-

ляется демонстрація, то есть многочисленное шествіе народа по городу со знаменами и пѣснями, для того, чтобы показать всѣмъ и каждому, чего добиваются рабочіе. Въ расклеенныхъ по городу прокламаціяхъ между прочимъ говорилось: „Каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго! Невѣдомый, счастливо скрывшійся мститель выступилъ за достоинство и честь всѣхъ борющихся рабочихъ. Докажите же, товарищи, своимъ поведеніемъ, что онъ только выполнилъ вашъ приговоръ, написанный давно въ вашихъ сердцахъ. Заявите объ этомъ всенародно, дружно и смѣло, на улицахъ и площадяхъ. Долой самодержавіе! Долой всѣхъ большихъ и малыхъ царьковъ, издѣвающихся надъ правами рабочаго люда!“

Въ ожиданіи демонстраціи полиція заметалась еще пуще прежняго. Полетѣли телеграммы къ министрамъ. Вызваны были войска изъ сосѣдняго губернскаго города. Квартировавшій въ городѣ полкъ былъ замѣненъ другимъ. Такъ сдѣлали потому, что на солдатъ разсказъ о поркѣ тоже подѣйствовалъ какъ слѣдуетъ: среди нихъ пошли разговоры не въ пользу начальства. Въ казармахъ тоже часто стали ходить по рукамъ листки „къ русскимъ солдатамъ отъ русскихъ рабочихъ“... Въ нихъ говорилось о томъ, за какое дѣло борется рабочій народъ, и рабочіе уговаривали солдатъ не стрѣлять въ своихъ братьевъ. Полиція стала усиленно высылать изъ города рабочихъ, замѣшанныхъ въ забастовкѣ. Какъ нарочно, на сосѣдней Жмыховской мануфактурѣ рабочіе повздорили съ хозяиномъ; тотчасъ же къ нимъ явились фабричный инспекторъ и жандармскій офицеръ улаживать „недоразумѣніе“. Хозяину было „внушено“, что въ такое безпокойное время лучше уже уступить... „Наверстать вѣдь можно будетъ и потомъ, когда все снова войдетъ въ обычную колею.“ Рабочіе весело смѣялись: „ага, шелковыми сдѣлались! лебезить передъ нами начали! то-то, видно не по носу крѣпокъ пришелся вамъ нашъ табачекъ!“

А что же сталось съ губернаторомъ? На радость „ца-

рю и отечеству“ онъ остался живъ: доктора какимъ то способомъ извлекли пулю изъ его тѣла и залечили его раны. Какъ водится, царь прислалъ своему вѣрному слугѣ поздравительную телеграмму, всѣ министры тоже. Прислалъ телеграмму и митрополитъ, — да еще не простую, а отъ имени бога и Христа. Въ этой телеграммѣ митрополитъ писалъ, что „богъ не пожелаетъ смерти праведниковъ“, и „нѣсть бо власти, аще не отъ бога“. Въ Петербургѣ рѣшили, что послѣ всей этой исторіи губернатору „неудобно оставаться въ Голодаевскѣ“, а потому нужно перевести его куда нибудь на другое мѣсто. По просту сказать, губернатора убрали изъ Голодаевска, къ великой радости голодаевской губерніи. Но куда же и убрать „вѣрнаго слугу царскаго“, какъ не подъ крылышко къ царю? Къ царскому трону поближе, гдѣ бы губернаторскіе совѣты царю стали слышнѣе. Такъ и сдѣлалъ царь. Онъ далъ губернатору „высшее назначеніе“. Такъ царю его „маменька“ посовѣтовала, сославшись на „здравый умъ покойнаго родителя, въ бозѣ нынѣ почивающаго“. А такъ-ли слѣдовало сдѣлать? Этого самъ царь, какъ водится, не смекнулъ; вышло такъ, что маменька только подтвердила, что коли у благополучно царствовавшаго родителя былъ еще кое какой здравый умъ, зато у нынѣ неблагополучно царствующаго его какъ будто маловато... Царь такъ и разсудилъ: „ужъ если въ голодаевскаго губернатора рабочіе стрѣляли, значитъ, — онъ для нихъ плохъ; а коли онъ для нихъ плохъ, — значитъ, онъ для царя и для отечества хорошъ“. А за что въ него стрѣляли и чѣмъ онъ провинился передъ рабочимъ народомъ, — объ этомъ царь и думать высочайше не соблаговолилъ, а чего добраго, и не смогъ...

Такъ въ Голодаевской губерніи, въ томъ же гнѣздѣ, вмѣсто одного губернатора водворился другой. Новый былъ такой же, какъ прежній, только при немъ настроеніе народное было уже не такое, какъ прежде. Въ душѣ рабочаго люда какъ будто что то прибавилось, а у начальства какъ будто что то убавилось: то, да

не то. Многіе стали понимать, что начальство то не воинство небесное, и что подчиняться да повиноваться ему да все отступать да отступать передъ нимъ — попросту говоря, — глупо и невыгодно, и несправедливо... А начальство почуяло, что народъ то вѣдь не стадо. Начальство наткнулось словно на стѣну. Разумѣется, оно еще больше прежняго старалось „искоренить крамолу"; обыски, аресты и высылки шли да шли. Но и работа революціонеровъ тоже шла да шла. Унывать было некогда. Работать приходилось за десятерыхъ. И не мало нашлось такихъ, которые такъ и работали. И остановить эту работу никакіе тамъ Змѣевидовы, никакіе тамъ полицейскіе не могли: и рады бы остановить и „прекратить", да силъ то у нихъ самихъ на это не было...

ГЛАВА IX.

Въ тихой сторожкѣ дѣда Мироныча снова собрались знакомые люди. Былъ тутъ и Кораблевъ, и Михневичъ, и Завойко, и Зальштейнъ, и Платонычъ и еще кое-кто изъ прежней братіи, „комитетскихъ", уцѣлѣвшихъ отъ побоища и погрома. Но многихъ комитетскихъ не доставало. Изъ 30 товарищей осталось на свободѣ всего 19 человѣкъ. Иные уцѣлѣли, да не пришли, потому что по всей фабрикѣ и по городу, и по слободкѣ шныряла тайная и явная полиція и дѣйствовала безъ всякой осторожности и стѣсненія. И чего ей было стѣсняться? Главные враги были уничтожены, какъ будто всѣ воротилы попались.

Змѣевидовъ готовъ былъ дать голову на отсѣченіе, что Вологдинъ-то и есть главный коноводъ Веселухинской забастовки. Кое-что разузнала полиція и о Сидоровѣ, объ Ивановѣ, Липаренко, Житецкомъ и другихъ, попавшихся въ руки жандармовъ. Змѣевидовъ потиралъ руки. Наконецъ-то гнѣздо заговорщиковъ въ его власти! Вотъ еще Кораблевъ ходитъ на свободѣ; ну, да этого

и брать не стоитъ, — не изъ опасныхъ, и къ тому же горячъ: за горячимъ слѣдить удобнѣе. Были опасные люди — Михневичъ и Завойко: „къ счастью, думалъ жандармъ, они убрались куда-то въ другія палестины, пусть ихъ тамъ ловятъ другіе жандармы.“ Змѣевидовъ догадывался, впрочемъ, что кое-кто изъ важныхъ остался и на свободѣ. Но, во-первыхъ, о нихъ что-нибудь выяснится во время слѣдствія, и тогда и ихъ можно будетъ „привлечь“, а во-вторыхъ, нужно же оставить кого-нибудь, такъ сказать, на разводку: оставить, да и слѣдить за нимъ шагъ за шагомъ. Наивные люди всегда думаютъ, что-де полиція о нихъ ничего не знаетъ. А полиція-то нарочно ихъ оставила на свободѣ, чтобы по ихъ слѣдамъ ходить — и другихъ ловить. „Эти поднадзорные, думалъ полковникъ, большихъ золъ не надѣлаютъ. Отъ нихъ-то уже рабочее движеніе не загорится.“ По глубокому убѣжденію Змѣевидова, рабочее движеніе хоть и очень опасно для русскаго строя, но и способы борьбы съ нимъ найдены вѣрные: въ пустяковинныхъ дѣлахъ всегда нужно дѣлать рабочимъ уступки и улучшать немножко ихъ положеніе, не дожидаясь забастовокъ; въ главномъ же и основномъ—никакія уступки не нужны и опасны для благополучія россійской промышленности, для самодержавія царскаго и всего строя. Ведя дѣло умненько, можно такимъ спссобомъ отводить глаза, затыкат рты, ласково говорить рабочимъ: „Все это будетъ, другъ, повѣрь, но только... только не теперь!“ Рабочіе — что твое стадо: умныхъ среди нихъ немного, да ихъ при случаѣ можно и выловить и убрать въ кутузку. А глупыхъ чего боятьсяя? Затыкать имъ рты малыми подачками да убирать умныхъ да понимающихъ, — вотъ и вся политика. А безъ жалости и пощады, интеллигентовъ-агитаторовъ, конечно, надо изводить. Такъ и московскій оберъ-полицеймейстеръ Треповъ писалъ его высочеству Сергѣю Александровичу, генералъ-губернатору изъ царскаго рода. Такихъ забастовокъ, какъ Веселухинская, много быть не можетъ, а если и будутъ, то найденъ способъ,

какъ съ ними справляться. Словомъ, рабочій вопросъ для Руси-матушки рѣшенъ отлично: все останется по старому. Если рабочее движеніе и не затушитъ, то ужъ заглушитъ-то его и пріостановитъ хоть на время, разумѣется, можно: россійское самодержавіе даетъ къ тому великолѣпныя средства, — денегъ на полицію оно отпускаетъ сколько угодно, сыщиковъ—сколько угодно, войскъ въ нашемъ распоряженіи тоже—сколько угодно; законы что ни годъ, то передѣлываются въ государственномъ совѣтѣ или въ комитетѣ министровъ, какъ нужно, то есть въ нашу пользу—вѣдь не рабочіе ихъ тамъ пишутъ и передѣлываютъ. „Да и молодой государь, по правдѣ сказать, — думалъ Змѣевидовъ — дуракъ-дуракомъ, необразованный гвардейскій офицеришка со свищемъ или пробоиной въ головѣ: ему, что хочешь, поднеси, все подпишетъ, а самъ ничего не выдумаетъ... И ей богу же, рабочее движеніе не такъ страшкакъ его малюютъ!“ Въ эту минуту Змѣевидовъ разсуждалъ уже совсѣмъ иначе, чѣмъ тогда, когда стоялъ передъ пятитысячной толпой, кричавшей: “требуемъ!“ Теперь Змѣевидовъ былъ увѣренъ, что крамола рабочая совсѣмъ искоренится въ Ободранскомъ уѣздѣ Голодаевской губерніи. „Наша взяла! Наша взяла!“ Все же на всякій случай онъ отдалъ строжайшій приказъ искать укрывавшихся зачинщиковъ, и всѣ сыщики, какіе были въ городѣ Ободранскѣ и его окрестностяхъ, всѣ по прежнему были на ногахъ и искали „непріятеля“.

Изъ опасенія подвести комитетскихъ товарищей и самого дѣда Мироныча, нѣкоторые товарищи сами не рѣшились придти въ уютную сторожку стараго лѣсника. А тѣ, кто пришелъ, были въ самомъ тяжеломъ и унылом расположеніи духа. Горевали теперь не о товарищахъ: горевали о томъ, что забастовка кончилась неудачно, хотя началась такъ разумно и хорошо. Разсказывали другъ другу обо всемъ, что видѣли и слышали за послѣдніе дни. Во всѣхъ этихъ событіяхъ нужно было разобраться, нужно было распутать всѣ мелочи, уразумѣть ихъ смыслъ, докопаться до „корня вещей“ и за-

тѣмъ оповѣстить рабочихъ особымъ листкомъ о нихъ. А сдѣлать все это въ минуты унынія и погрома—куда не легко! Не легко ободрять другихъ,, когда среди твоихъ же друзей иные унываютъ и колеблются. И такіе были среди товарищей.

— Братцы! Неужели же все такъ и потеряно? рѣшился, наконецъ, высказать свое уныніе одинъ изъ друзей.

— Что потеряно? окрысился на него Завойко. — Чего ты тамъ ноешь и скулишь? Неудача была — это вѣрно. Но и при неудачѣ мы не сплоховали — съумѣли показать зубы. А что потеряно? И не понимаю даже, что терять-то.

— Какъ что? Людей столько потеряли... Деньги... Время... Иные въ уныніе пришли, струсили...

— Ты что нюнишь-то зря? Людей-то мы, можетъ быть, и потеряли, а можетъ быть, и не потеряли, а даже заполучили новыхъ. Однихъ не стало, другіе явились. Да и тѣ, кого не стало, не на томъ свѣтѣ. Иной посидитъ въ тюрьмѣ, — и такимъ же останется, — боевымъ товарищемъ, — да еще и подучится, книжекъ почитаетъ. А другой и правильное пониманіе получитъ, настроится, какъ слѣдуетъ... Такое событіе, какъ Веселухинскій погромъ, не бойсь, даромъ мимо глазъ, ума и сердца не пройдетъ; милліоны рабочаго народа надъ нимъ задумаются; всякій, даже тупоголовый, почешетъ въ затылкѣ и спроситъ себя: „что сіе?“ и скажетъ себѣ: „фабриканты и начальство — тѣ же мошенники и разбойники, и къ тому-же самые опасные, потому что на ихъ сторонѣ и сила, и законъ, и царь, и попъ.“ Въ первые-то дни, можетъ, у многихъ рабочихъ будетъ въ душѣ испугъ и смятеніе. Эка бѣда! Очухаются и разберутся, и увидятъ, въ чемъ суть, изъ-за чего и съ кѣмъ борьба. Да развѣ можно штыками да пулями переубѣдить кого нибудь? Не больно то можно. Вотъ, напримѣръ, послѣ нашего случая и разгрома, развѣ кто станетъ считать, что хозяева и начальство справедливо поступаютъ съ нами и что они пряжу намъ давали отличную, а расцѣнки у насъ были высокія, что Мясо-

ѣдовъ и Зубаловъ люди хорошіе? Или послѣ нашего урока губернатору, кто въ Россіи его не знаетъ, какъ изверга? И раньше-то они казались несправедливыми, а теперь покажутся еще хуже. Потасовку на свою шею принять, разумѣется, это дѣло печальное. Но, ей-богу, стоитъ даже потасовку принять, чтобъ сразу 4000 человѣкъ все поняли и восчувствовали дѣло важное, что за штука россійскій государственный строй и кому онъ службу служитъ, за кого заступается и кого грызетъ. Нынѣшняя исторія многимъ разъяснитъ это. А научить рабочій народъ тому, какъ дѣйствовать правильно и разумно, и какъ избѣгать невѣрныхъ шаговъ — и того важнѣе. Эка бѣда — потасовка! Она вѣдь отъ борьбы никакъ не отучитъ, потому что голодному и холодному можно-ли не бороться за свою жизнь и за свое лучшее житье? Волей-неволей приходится бороться. А вотъ какимъ способомъ бороться, — этому потасовка научитъ. Она воочію показала, хотя бы вотъ то, что всякаго пустого дебоша нужно во время забастовки всячески избѣгать: эту простую истину мы-то съ вами понимали, а толпа — другіе рабочіе — не вполнѣ еще поняли. Теперь полиція растолковала и имъ эту истину. По мнѣ, это такое важное дѣло, что важнѣе и быть не можетъ. Нѣтъ худа безъ добра. Съ этой стороны намъ унывать не приходится.

— Это-то, пожалуй, и такъ. Что и говорить, нѣтъ худа безъ добра...

— А потомъ, проделжалъ Завойко, возьми еще нашихъ хозяевъ, хотя того же Живодерникова. Да вѣдь его-то всѣ наши смуты такъ стукнули по карману, что онъ хоть и толстокожій, а все-жъ, небойсь, восчувствовалъ. Ты думаешь, что его самого дѣла эти не усмирили? Сдѣлай одолженіе, — тоже будетъ поглаже да поуступчивѣе, а свои споры съ нами впредь будетъ облаживать своими средствами, не спрашивая у начальства. Всякое наше требованіе и наши угрозы будутъ теперь на него дѣйствовать куда сильнѣе, чѣмъ прежде. Раньше то онъ насъ считалъ за стадо да за быдло,

не бойсь, послѣ этого будетъ считать за людей, которые тоже добиваются для себя лучшаго житья-бытья и желаютъ жить по человѣчески. Вотъ увидишь! Это всегда и вездѣ такъ бывало, — и здѣсь, какъ заграницей. Видывалъ я всякіе случаи и читывалъ о нихъ.

— Теперь, братцы, за мной чередъ, сказалъ Платонычъ. — И я такъ скажу: пустяки, что мы арестами разбиты. Насъ всетаки и тутъ немало, на фабрикѣ, а черезъ нѣсколько дней будетъ у насъ товарищей еще больше, чѣмъ было. На забастовкѣ развѣ мало запримѣтили мы новыхъ ребятъ, которыхъ хотя сейчасъ пускай въ дѣло? Не даромъ говоритъ пословица — во время бури всегда бываетъ виднѣй, какія деревья крѣпче. Послѣ нынѣшнихъ событій сразу проявятся умные и дѣятельные люди, — только бы намъ не зѣвать. —Нужно пользоваться случаемъ и поставить правильно наше дѣло, — дѣло освобожденія рабочихъ отъ худого житія въ лапахъ хозяевъ-капиталистовъ и начальства, то есть правительства. Нужно для этого прежде всего правильно понять свое положеніе, взглянуть на него поглубже да пошире. Нужно понять, что здѣшняя борьба съ здѣшнимъ Живодерниковымъ есть борьба рабочихъ съ хозяевами вообще, а наша борьба съ здѣшними полицейскими, сыщиками, жандармами, губернаторами и иными „властями“, — это есть борьба рабочихъ съ русскимъ правительствомъ вообще, — со всѣмъ строемъ русскаго государства, съ его невыгодами для простого народа, для насъ, рабочихъ, и для крестьянъ, нашихъ братьевъ. Эта борьба идетъ — хорошо-ли, дурно-ли — на всякой фабрикѣ, не только на нашей, идетъ она и на Руси, и заграницей. Вездѣ фабриканты-хозяева съ помощью начальства и правительства хотятъ урвать отъ рабочихъ возможно больше, а дать имъ возможно меньше; вездѣ они смотрятъ на рабочихъ какъ на рабовъ и хотятъ изъ нихъ сдѣлать хорошихъ ломовыхъ лошадей, — и это еще въ лучшемъ случаѣ. Начальство съ капиталистами и вообще съ богатыми людьми всегда и

вездѣ за одно, во всѣхъ странахъ. И вездѣ рабочему жить худо. Но за послѣдніе 50 лѣтъ въ разныхъ странахъ рабочіе взялись за умъ и начали особенно упорную борьбу со своими утѣснителями. Взялся за умъ и деревенскій рабочій людъ, — и тоже начинаетъ бороться со своими обидчиками, хотя и иными способами, чѣмъ мы. Борьба трудящагося народа съ его обидчиками идетъ вездѣ, возникаетъ сама собой, и непремѣннѣйшимъ образомъ ведетъ къ побѣдѣ надъ обидчиками народа. Во всѣхъ странахъ Европы, кромѣ Россіи и Турціи, рабочіе добились уже того, что посылаютъ своихъ выборныхъ людей въ столицу, и безъ ихъ согласія и обсужденія не можетъ быть изданъ ни одинъ законъ, не можетъ быть наложенъ ни одинъ налогъ. Разумѣется, и у насъ, какъ вездѣ, настанетъ время, когда всякій рабочій будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяиномъ, фабрики сдѣлаются общею собственностью рабочихъ, все начальство въ государствѣ сдѣлается выборнымъ, а выбирать его будетъ весь народъ; настанетъ такое время, когда и земля, и фабрики, и всѣ зданія будутъ принадлежать всему народу, всякій гражданинъ будетъ ихъ собственникомъ, а частной собственности на землю, на машины, на фабрики не будетъ вовсе. Это и есть соціализмъ; кто такъ думаетъ, — это соціалисты. Къ побѣдѣ соціализма все идетъ и не можетъ ни идти. Въ однѣхъ странахъ такія дѣла ушли уже далеко, въ другихъ еще недалеко; въ нѣкоторыхъ, напримѣръ въ Россіи, дѣла только еще начинаются, но разъ началось рабочее движеніе, иначе сказать, борьба рабочихъ за свою лучшую жизнь, ее никто остановить не можетъ и она всегда придетъ къ одному концу. Вотъ въ этомъ то и заключается наша сила: ничто и никто не можетъ съ нами справиться, потому что мы, борясь съ капиталистами и начальствомъ, дѣлаемъ только то, что дѣлаютъ всѣ рабочіе на всей землѣ; не дѣлать этого, не бороться мы не можемъ. Всѣхъ рабочихъ людей гонятъ въ эту борь-

бу великія силы: первая сила — бѣдность, вторая сила — вообще дурные порядки, устройство государства; третья сила — распространеніе образованія среди насъ, все большее и большее пониманіе того, что дѣлается вокругъ; это сила правды, истины, науки. Четвертая сила, можетъ быть, самая великая — необходимыя перемѣны въ хозяйственной жизни людей, происходящія съ теченіемъ времени на землѣ. Первая сила — бѣдность, малые заработки, тяжелая работа въ дурныхъ условіяхъ, напримѣръ, въ худомъ воздухѣ, при опасныхъ машинахъ — волей-неволей заставляетъ людей желать чего-нибудь получше, добиваться лучшаго. Всѣ, рѣшительно всѣ, кто живетъ въ тяжелыхъ условіяхъ, желаютъ выбиться изъ нихъ. Нужда погнала на борьбу васъ, — значитъ, погонитъ и другихъ, и всѣхъ. Иначе и быть не можетъ. Но, хоть и каждый былъ бы радъ вырваться изъ такой жизни, какъ же это сдѣлать? Мало кто видитъ выходъ, большинство живетъ, какъ волъ, — въ землю смотритъ да тяжесть везетъ, — и это изо дня въ день и все одну и ту же лямку тянетъ. Отчего же большинство рабочихъ до сего времени не видитъ выхода? Оттого, что у нихъ нѣтъ образованія, сознанія мало, нѣтъ пониманія настоящаго. Когда къ бѣдности нашей присоединяется новая сила — пониманіе и образованіе, тогда и начинается борьба съ дурными порядками.Самое дурное въ этихъ порядкахъ то, что при нихъ непремѣнно одни люди дѣлаются очень богатыми, а другіе — совсѣмъ нищими; одни владѣютъ и землей, и фабриками, и капиталами, а у другихъ ничего нѣтъ, кромѣ рукъ да спины, да души, которую волей-неволей тоже приходится продавать по какой угодно цѣнѣ, лишь бы не умереть съ голоду. При нынѣшнихъ порядкахъ бѣдняки-рабочіе нарождаются сами собой, сбиваются въ кучу на фабракахъ и городахъ сами собой, потому что имъ и негдѣ сбиваться въ другихъ мѣстахъ; съ каждымъ годомъ безземельныхъ, полунищихъ рабочихъ дѣлается все

больше и больше; фабрикъ на землѣ во всѣхъ странахъ тоже прибавляется и прибавляется, потому что на фабричные товары спросъ растетъ. Казна или правительство, которыми во всѣхъ странахъ ворочаютъ на свой ладъ богачи-капиталисты, помогаетъ устройству фабрикъ, играетъ въ руку фабрикантамъ, помогаетъ имъ получать огромные доходы, а для этого накладываетъ огромныя пошлины на заграничные товары. Казна издаетъ выгодные для нихъ законы, гнетъ въ ихъ пользу даже суды, защищаетъ ихъ съ помощью полиціи и даже войска. И съ помощью казны, и сами собой крупныя фабрики растутъ, разбиваютъ мелкія, и рабочихъ фабричныхъ съ каждымъ годомъ дѣлается больше и больше. Иначе и быть не можетъ, — такъ и идетъ: одни богатѣютъ, другіе бѣднѣютъ. Всѣ порядки такъ сложились, что богатые люди и всякіе господа гораздо больше отъ насъ б е р у т ъ, чѣмъ намъ д а ю т ъ. Напримѣръ, Живодерниковъ съ чего разбогатѣлъ? Отчего акціонеры нашей мануфактуры купоны стригутъ и жирѣютъ? Оттого, что каждый день съ каждаго рабочаго остается имъ нѣкая порція — хоть нѣсколько копѣекъ. Сколько же съ 5000 человѣкъ въ день набѣжитъ? А въ годъ сколько? Другой баринъ тоже продѣлываетъ съ мужикомъ, который на его землѣ. Казна продѣлываетъ это со всѣмъ народомъ: часть его заработка она въ видѣ налоговъ и податей беретъ себѣ, а потомъ и платитъ изъ него, какое хочетъ, жалованье своимъ чиновникамъ да солдатамъ и дѣлаетъ съ деньгами, что угодно, не спрашиваясь у тѣхъ, съ кого она взяла эти деньги. Разумѣется, такимъ способомъ чиновники отлично устраиваютъ свои дѣла: за пустяшную работу крупный чиновникъ получаетъ сотни и тысячи рублей въ мѣсяцъ, наживается на постройкахъ, беретъ еще взятки, крадетъ и только о томъ и думаетъ, чтобы жить въ свое удовольствіе, а на службѣ дѣлаетъ „что-нибудь да какъ-нибудь“. Въ нужду народа ему и вникать нечего, — не стоитъ изъза нея безпокоить свою милость. Вѣдь рабочій народъ,

для котораго они кое что какъ будто да дѣлаютъ и надъ которымъ куражатся, не имѣетъ такого права, чтобы требовать съ нихъ отчетъ, куда же пошли его кровныя денежки; чиновники даютъ отчетъ другимъ чиновникамъ, а тамъ рука руку моетъ и кроетъ. И всѣ такія дѣянія прикрыты законами, которые сочинены самими же чиновниками и подписаны царемъ. При такихъ порядкахъ даже самый лучшій царь ничего здѣсь не подѣлаетъ, а хорошихъ царей, какъ извѣстно, что-то теперь родится мало, — цари-то русскіе вырождаются. Словомъ сказать, порядки нынѣшніе таковы, что рабочіе волей-неволей должны примыкать къ рабочему движенію. Какъ говорится — рѣзвенькій самъ набѣжитъ, а на тихонькаго богъ нанесетъ... Отдѣльному бѣдняку съ такими порядками, разумѣется, не справиться, поэтому бѣдняки и стараются объединиться; обѣединяетъ ихъ нужда, горе, тяжелое житье, пониманіе и дурные государственные порядки. Объединіе рабочихъ шло повсюду само собой; если они сами не догадывались пойти на это,, нужда объединяла ихъ: сначала появлялись здѣсь и тамъ кружки самыхъ понимающихъ людей, изъ кружковъ выростали союзы рабочихъ на отдѣльныхъ фабрикахъ; изъ этихъ союзовъ росли союзы союзовъ отдѣльныхъ фабрикъ; союзы рабочихъ такого то производства, затѣмъ союзы въ разныхъ производствахъ Такъ и росла рабочая сила, рабочая организованная армія. Росла она неизбѣжно, непремѣнно, сама собой. Начинаетъ расти она и въ Россіи, хотя у насъ, конечно, при самодержавныхъ порядкахъ нельзя создавать такіе широкіе и многочисленные союзы. Наше Веселухинское дѣло опирается на крѣпкую почву; если наоъ не будетъ, другіе такіе же явятся. Вы не случайно вышли такіе: васъ жизнь сдѣлала такими. А если она васъ сдѣлала, значитъ, и другихъ сдѣлаетъ. Вотъ что такое Веселухинскій Комитетъ всеобщей забастовки. Значитъ, мы можемъ быть спокойны: наше дѣло не погибнетъ, и ничего врги наши съ нами не подѣлаютъ! Наши

враги всѣ хозяева и все начальство вообще. Вѣдь куда-бы мы ни пошли, вездѣ мы останемся рабочими, продавцами своихъ рукъ да ногъ, своего труда. И вездѣ мы встрѣтимъ хозяевъ и начальство, и вездѣ они будутъ бороться съ нашимъ дѣломъ, съ нашимъ пониманіемъ, нашими союзами, со всѣмъ тѣмъ, что идетъ въ нашу пользу.

— Я тоже хочу сказать вамъ нѣсколько словъ — сказалъ Михневичъ. Мое слово будетъ о томъ, какъ борятся съ нами наши враги. У нихъ издавна придуманы способы для борьбы съ рабочимъ людомъ. Главныхъ способовъ два: насиліе и обманъ. Насиліе — самое старинное и самое сильное средство; потому начальство и старается почаще пускать въ дѣло полицію, казаковъ, солдатъ. Но, кромѣ насилія явнаго, еще придумано великое множество насилій скрытыхъ, иначе сказать, придуманы разные способы обманывать толпу, народъ, а понимающихъ отдѣльныхъ людей принуждать или устранять путемъ насилія явнаго или тайнаго. Эта вторая манера нашихъ враговъ особенно опасна, и теперь пускается въ ходъ чаще всего. Главные способы обмана таковы: наши враги называютъ подлыя, гнусныя вещи и дѣла святыми и безгрѣшными. Особенно часто говорятъ вотъ такія обманныя слова: 1) собственность, 2) законъ, 3) церковь. Намъ говорятъ, что если не будетъ ни у кого собственности на землѣ, то люди превратятся въ звѣрей, а весь теперешній строй жизни рухнетъ. Пустяки! Людей-звѣрей и теперь много, и собственность отъ нихъ не спасаетъ: она еще больше остервеняетъ, — всѣмъ извѣстно, какія дѣла кровавыя изъ за нея дѣлаются. Развѣ не звѣри стрѣляютъ въ безоружный народъ и не звѣри отдаютъ приказы стрѣлять въ толпу, которая стоитъ тихо и смирно? Развѣ не звѣри порятъ до полусмерти мужиковъ и бабъ, только бы отстоять помѣщичью и фабрикантскую собственность? А вотъ когда не будетъ ни у кого частной собственности, и будетъ все общее, тогда весь нынѣшній строй рухнетъ, — это

правда! И слава тебѣ, господи! этого только намъ и надо. Вѣдь, его будемъ жалѣть не мы, которымъ живется при немъ плохо, а будутъ жалѣть тѣ, которымъ теперь живется хорошо, т. е. наши враги, живущіе на нашъ счетъ. Ну, и пусть ихъ жалѣютъ. Нашимъ врагамъ собственность нужна для того, чтобы съ помощью ея не отдавать намъ всего нашего заработка, а оставлять частичку его себѣ. Вотъ, собственникъ и говоритъ: „коли капиталъ или машины, или земля — мои, значитъ, я долженъ получать на нихъ доходъ или процентъ“. Но вѣдь этотъ доходъ или процентъ изъ пальца не высосешь: ихъ выжмешь только изъ нашего же брата рабочаго; рабочій волей-неволей соглашается частичку заработка уступить собственнику, чтобы только не умереть съ голоду, а собственникъ ужъ всячески старается, чтобы эта частичка была побольше. Словомъ сказать, собственность есть обманный способъ съ приличнымъ видомъ обирать бѣдняковъ или тѣхъ, у кого собственности нѣтъ, а есть лишь продажный трудъ. А нѣтъ ея у многихъ милліоновъ людей, и съ каждымъ годомъ такихъ становится все больше. Подлецы наши враги! На ихъ же глазахъ живутъ милліоны рабочихъ безъ собственности, а они вѣдь не заботятся, чтобы дать имъ тоже „святую собственность“; они заботятся, чтобы стобрать у нихъ даже то, что у тѣхъ есть, — жизнь, здоровье, силы, послѣдній кусокъ хлѣба.

Вотъ какое самое страшное и хитрое слово-обманъ, придуманное противъ насъ. Другое слово-обманъ — законъ. Намъ говорятъ, законъ всякій свять, и ему нужно повиноваться. Больно ловко сказано! А если богачи, власть имущіе и начальство напишутъ и издадутъ такой законъ, по которому мы должны работать за одни харчи и сдѣлаться рабами? И это святой законъ? Дудки! Всякій законъ обсужденія требуетъ. Сначала надо надъ нимъ подумать да хорошенько разобрать, въ чью пользу онъ написанъ, и кто заставляетъ его ис-

полнять, и какъ онъ отзывается на бѣдномъ трудящемся людѣ; и спрашивалъ-ли кто у этого люда — хорошо ему живется отъ такого закона или нѣтъ? Если бы каждый законъ былъ воплощеніемъ справедливости, тогда бы мы его слушались и исполняли непремѣнно. Ужъ будьте спокойны, — чиновники и сильные міра сего такого справедливаго закона для насъ не напишутъ. Они нашего житья-бытья и не знаютъ, и знать не хотятъ, — имъ есть о комъ думать и безъ нашего брата. А вотъ если бы мы сами писали и обсуждали свои законы, или если бы это дѣлали наши выборные, тѣ, кого мы любимъ, кого знаемъ и кому вѣримъ, тогда бы мы слушались законовъ, написанныхъ этимъ способомъ. А пока что, — законы пишутъ для насъ господа, иначе сказать наши враги. Эти законы уже не приходится называть „святыми.“ Что это за святость! Это просто-напросто хитрый способъ дѣлать бѣдняковъ еще бѣднѣе, а богачей еще богаче. Всѣ важные законы, вредные для народа такъ изданы: сначала богачи добивались своего и продѣлывали всякія несправедливости безъ закона, потомъ они добились, чтобы эти несправедливости были узаконены. Такимъ способомъ, напримѣръ, были закрѣпощены 300 лѣтъ тому назадъ русскіе крестьяне... Значитъ, прежде чѣмъ говорить, — святъ-ли законъ, — мы должны разобрать, хорошъ-ли онъ. Мы должны непремѣнно добиваться того, чтобы передѣлать порядки въ русскомъ государствѣ на пользу русскаго народа. Нужно добиваться того, чтобы безъ согласія и одобренія народа или выборныхъ людей отъ него не составлялся ни одинъ законъ. Вѣдь въ Россіи больше всего мужиковъ да фабричныхъ, и все русское государство ими то и держится. Значитъ, ихъ польза и ихъ благополучіе ближе всего къ сердцу примутъ сами фабричные да мужики. Лучше насъ самихъ никто не можетъ разумѣть нашей пользы. Значитъ, своими дѣлами должны управлять мы сами, а не иной кто, — не чиновники, не земскій, не полиція, не помѣщики и иные господа, у которыхъ свои особые интересы. Надо пере-

строить все государство такъ, что бы имъ управляли наши выборные люди, которыхъ мы могли бы по чистой совѣсти, безъ всякихъ указокъ выбирать, а коли они окажутся плохи, то и смѣщать. Нужно передѣлать все государственное устройство такъ, чтобы оно прежде всего было на пользу рабочему люду: 1) чтобы каждая деревня управлялась своими выборными людьми, а не земскими начальниками, не иными чиновниками и полицейскими; 2) чтобы каждая деревня посылала своихъ выборныхъ въ волость, и чтобы волостью управляли тоже свои выборные люди; 3) нужно, чтобы каждая волость посылала выборныхъ въ уѣздъ, а уѣздомъ управляли бы выборные отъ всѣхъ волостей; 4) чтобы отъ уѣздовъ посылались выборные въ губернію, а губерніей тоже управляли бы выборные люди, а не губернаторы-самодержцы; 5) чтобы отъ каждой губерніи посылались выборные въ Петербургъ, и изъ такихъ выборныхъ чтобы составлялась въ Петербургѣ Всероссійская государственная дума; чтобы эта то дума и выбирала министровъ, т. е. исполнителей своей, иначе сказать, Народной Воли; 6) чтобы безъ обсужденія и согласія этой думы не могъ быть изданъ ни одинъ законъ не могъ быть предписанъ ни одинъ налогъ. Хочетъ или не хочетъ этого царь — все едино: голосъ такой думы, то есть лучшихъ выборныхъ изъ народа — прежде всего, —ему подобаетъ первое мѣсто, а голосъ царя что такое? Народъ выше царя. Воля народа должна быть выше царской. Царь — тотъ же баринъ, тотъ же гвардейскій офицеръ, тотъ же помѣщикъ; тотъ же богачъ, который никогда даже не видалъ деревни какъ слѣдуетъ. Какъ же можетъ онъ управлять по справедливости народомъ? Нѣтъ! Всей русской землей долженъ управлять самъ народъ. Разумѣется, это и будетъ. Ужъ всякому дураку видно, до чего довели нашу родину всякіе тамъ чиновники, министры, капиталисты, помѣщики съ царями во главѣ, которые считаются нашими правителями. До многолѣтняго голода довели, до обнищанія. Долой ихъ всѣхъ. Безъ нихъ будетъ жить

куда лучше. Только когда ихъ не станетъ, тогда то мы и будемъ уважать законъ.

Третье обманное слово — церковь. Наши враги нарочно хотятъ спутать въ одно двѣ совсѣмъ разныя вещи: ученіе Іисуса Христа, изложенное въ Евангеліи, и ученіе поповъ, придуманное послѣ Христа для пользы сильныхъ міра сего и совсѣмъ не согласное съ евангеліемъ. Ученіе Христа вѣки вѣчные останется. Читая евангеліе, каждый чувствуетъ, сколь высоко это ученіе. Христосъ призывалъ къ себѣ трудящихся и обремененныхъ, къ нимъ онъ и пришелъ. Христосъ много говорилъ противъ богачей, еврейскихъ поповъ и римскихъ чиновниковъ того времени, вродѣ Пилата; Христосъ не лагословлялъ солдатъ на войну, а говорилъ: „не убій“, „взявшій мечъ, отъ меча и погибнетъ“. А нынѣшніе попы чему учатъ? Они благословляютъ и присягу, и клятву, и войну, славятъ богачей, якшаются больше всего съ ними, а съ нашего брата дерутъ. Попы — тѣ-же фарисеи, длинноволосые лицемѣры и лжецы. У нихъ такія же загребущія руки и большіе карманы, какъ и у всякихъ другихъ грабителей, нашихъ обидчиковъ. Попы учатъ, что начальство отъ бога, значитъ сваливаютъ такимъ способомъ всѣ грѣхи начальства на бога; выходитъ, что начальство во всемъ чисто, потому что оно исполняетъ божью волю, а богъ во всемъ виноватъ! Ловко! Попы, то есть церковь нынѣшняя покрываетъ и замазываетъ хитрыми словами всѣ грѣхи начальства, царя она прячетъ за ветхій завѣтъ и называетъ царя помазанникомъ, а сама прячется за бога. Больно ужь это легко: помазалъ лобъ масломъ, — и сдѣлалъ изъ обыкновеннаго человѣка совсѣмъ иного — не обыкновеннаго. Почему же тогда бываютъ цари-дураки, цари-изверги, клятвопреступники, утѣснители народа? Значитъ, масло то не на каждаго дѣйствуетъ, — къ иному лбу божья благодать не пристаетъ. Хорошъ тотъ, кто и безъ масла хорошъ. Попы говорятъ: не повиноваться начальству значитъ не повиноваться богу. Если бы это была правда, что попы говорятъ,

тогда плохой былъ бы у насъ богъ! Попы просто напросто прикрываютъ этими словами насильниковъ. Они пріучаютъ народъ думать больше о томъ свѣтѣ, пока враги народа обдѣлываютъ свои дѣлишки на этомъ свѣтѣ. Господа же обдѣлываютъ свои дѣла, а въ бога, разумѣется, не вѣрятъ, они считаютъ, что такая вѣра, какую попы проповѣдуютъ, нужна лишь для чернаго народа, какъ хитрый способъ держать его въ господскихъ и начальственныхъ рукахъ. Съ помощью церкви и поповъ не мало добра и денегъ переходитъ въ руки чиновниковъ и господъ отъ „черни непросвѣщенной“. Попамъ и начальству очень выгодно, чтобы народъ поменьше понималъ и поменьше разсуждалъ. Для этого попы говорятъ: всякое святое слово надо принимать, какъ есть, безъ обсужденія, — слушайте да запоминайте какъ мы, попы, учимъ; кто съ нами не согласенъ, напр. штундисты, нѣмцы, французы, тѣ — еретики. Попы не допускаютъ до народа много хорошихъ книгъ, попы заводятъ особыя школы, чтобы забивать наши головы съ малыхъ лѣтъ акафистами, молитвами и малопонятнымъ славянскимъ языкомъ, и чтобъ не давать намъ самимъ думать и разсуждать... Словомъ сказать, наши враги придумали очень умные способы держать насъ подъ собой, и съ помощью такихъ способовъ навалились на насъ понемножку всѣмъ своимъ тѣломъ. Бороться съ нашими врагами, — значитъ, бороться съ ихъ способами нашего утѣсненія. Вотъ мы и должны бороться съ собственниками и собственностью, съ церковниками и церковью, съ законниками и закономъ. Это вѣдь ихъ, т. е. нашихъ враговъ собственность, ихъ законъ, ихъ церковь, прилаженные къ нашему вреду, а ихъ пользѣ. Все это нужно понять хорошо, ясно, чтобы бороться со всѣмъ этимъ, пока все не измѣнится въ корень. А борьба рабочихъ и крестьянъ за свое освобожденіе измѣнитъ все это само собою: настанетъ время, когда собственность станетъ общею, т. е. каждый человѣкъ будетъ въ ней участникомъ вмѣстѣ съ другими людьми, и ни одинъ не будетъ владѣть ею

безъ другихъ. Настанетъ время, когда законы будутъ не господскіе, а наши, и мы сами будемъ ихъ писать черезъ своихъ выборныхъ. Настанетъ время когда поповской церкви не будетъ, а каждый будетъ вѣровать или не вѣровать, какъ онъ хочетъ, по своей совѣсти. Настанетъ свобода на землѣ и свѣтлая и ясная жизнь для всѣхъ рабочихъ людей, которые принудятъ и господъ работать, какъ они. И все это будетъ, все къ этому идетъ и не можетъ иначе быть. Во всѣхъ странахъ все идетъ къ одному. Это даже по газетамъ и книгамъ видно. И у насъ въ Россіи къ тому же идетъ. Противъ несправедливости нынѣшнихъ государственныхъ порядковъ борятся и фабричные, и крестьяне, и студенты, и честные русскіе писатели, и другіе просвѣщенные люди, и финляндцы, и поляки и евреи. Свобода, иной разъ хоть и тихо, а все же къ намъ приближается, — идетъ да идетъ. Наше дѣло — только помогать этому ходу и ускорять его. А для этого и нужно сознательно и дружно бороться за свое лучшее будущее. Вотъ мы и боремся, какъ умѣемъ. Со временемъ мы и научимся бороться еще лучше. Наша борьба никакъ не можетъ прекратиться. Она, чѣмъ дальше идетъ, тѣмъ сильнѣе будетъ. Въ концѣ концовъ мы раздѣлаемся съ нашими врагами, упразднимъ ихъ, оставимъ ихъ въ меньшинствѣ, и все устроимъ по своему. Значитъ, бей насъ — не разобьешь, гоняй — не разгонишь. Одного раздавишь, — другой на его мѣсто уже всталъ. Моря никто никогда не вычерпаетъ, — такъ не остановить никому и рабочаго движенія и борьбы за наше общее освобожденіе, — освобожденіе всего трудящагося русскаго народа, и на фабрикахъ, и въ деревняхъ и въ городахъ. И кто это пойметъ, тотъ волей-неволей пристанетъ къ нашему или къ какому нибудь иному рабочему или крестьянскому кружку.

Михневичъ кончилъ свою рѣчь. Онъ разсуждалъ плавно, спокойно, какъ философъ-мыслитель, которому все ясно, все понятно. Онъ не горячился, — онъ взвѣ-

шивалъ каждое слово свое. Никого онъ не „разжигалъ“, — онъ только показывалъ, въ какомъ направленіи и куда идетъ жизнь на свѣтѣ, и куда придетъ, и почему именно туда. И изъ его рѣчи словно новая кровь потекла по жиламъ товарищей-рабочихъ. Они забыли, что еще такъ недавно потерпѣли пораженіе. Они знали, что волей-неволей завтра же, сегодня же они должны снова приняться за такія же самыя „свои“ дѣла. Пусть каждый борется за свое дѣло: все сложится, все одно къ одному.

— Братцы! сказалъ Кораблевъ. — Давайте-ка подумаемъ какъ поставить наши дѣла правильнѣе. Нужно такъ устроить, чтобы нашъ Комитетъ держался самъ собою, а не Иваномъ или Петромъ.

— Это правда! это вѣрно! заговорили товарищи и тотчасъ же порѣшили собираться хоть разъ въ недѣлю и обсуждать всѣ свои дѣла.

ГЛАВА X.

Веселухинская мануфактура снова начала работать. Впрочемъ, ей пришлось работать далеко не при полномъ комплектѣ рабочихъ. Сколько ни старались Живодерниковъ и Зубаловъ найти новыхъ рабочихъ въ другихъ мѣстахъ, полнаго комплекта такъ и не набрали: мануфактурныя фабрики, огражденныя пошлинами, работали хорошо, и хозяева изо всѣхъ силъ „ловили моментъ“, гнались за барышами. Веселухинская исторія надѣлала не мало шума, хотя о ней и не писали въ газетахъ: лишь только дошли до Петербурга слухи о волненіяхъ на Веселухинской мануфактурѣ, сейчасъ же изъ министерства внутреннихъ дѣлъ были разосланы телеграммы и циркуляры по всѣмъ газетамъ и журналамъ, чтобы тѣ не обмолвились ни единымъ словомъ о Живодерниковскихъ дѣлахъ. Сдѣлано это было для того, чтобы въ публикѣ поменьше говорили, думали и знали о рабочихъ и о ихъ тяжеломъ житьѣ-бытьѣ. Такъ въ газеты

и не попало ни одного извѣстія о веселухинскихъ безпорядкахъ.

Между тѣмъ арестованные рабочіе сидѣли кто въ тюрьмѣ, кто въ кутузкѣ. Изъ 346 арестованныхъ недѣли черезъ полторы болѣе 200 человѣкъ были выпущены и тотчасъ же безъ суда отправлены на мѣсто родины. Полиція сама понимала, что всѣ эти люди попали случайно, потому что стояли рядомъ съ бушевавшей толпой и голько тѣмъ и провинились передъ начальствомъ. Но полиціи и жандармамъ нужно было показать передъ кѣмъ слѣдуетъ свое великое усердіе въ борьбѣ съ „крамольниками“, то есть съ рабочимъ людомъ, нужно было показать и свое стараніе угодить начальству. Всѣхъ арестованныхъ рабочихъ полиція записала государственными преступниками и разослала ихъ кого куда, по деревнямъ, по отдаленнымъ губерніямъ на 2, на 4 года. Сидоровъ и Липаренко поѣхали въ Вятскую губернію. Ихъ свезли на вокзалъ изъ тюрьмы чуть не тайкомъ, потому что Змѣевидовъ боялся, какъ-бы рабочіе не устроили шумныхъ проводовъ своимъ друзьямъ. Остальные 146 человѣкъ изъ арестованныхъ рабочихъ сѣли въ тюрьмѣ крѣпко, и жандармы затѣяли онихъ споръ съ судебной властью. Жандармы хотѣли порѣшить и съ этими безъ всякаго суда, какъ говорится „административнымъ порядкомъ“, не по законамъ, а по усмотрѣнію своему. Такой порядокъ очень удобенъ для полицейскихъ и жандармовъ. Рѣшая такимъ способомъ дѣла, обвиняемому защищаться не даютъ, обвиненія и улики противъ него оцѣниваютъ, какъ богъ на душу положитъ, и больше всего слушаютъ доносчиковъ, сыщиковъ и полицейскихъ, словно это честные и безпристрастные люди и свидѣтели. Какъ въ старину судили инквизиторы, такъ и жандармы теперь судятъ административнымъ порядкомъ и рѣшаютъ, ничто же сумняшеся, — виновенъ или невиновенъ человѣкъ: на бумагѣ можно написать, что угодно, жалобъ на такихъ судей подавать некому. Такъ жандармы теперь и рѣшаютъ почти всѣ „политическія“ дѣла. Такой порядокъ былъ особенно

по душѣ царю Александру III; за него же держится малосмыслящій нынѣшній царь. Но судебнымъ властямъ совсѣмъ не хотѣлось уступать все дѣло жандармамъ, да и министры какъ-будто не могли спрятать дѣло „подъ сукно“ и рѣшить его тайкомъ, потому что слухи о веселухинскомъ избіеніи пошли по всей Руси. Правдивый разсказъ объ этомъ избіеніи былъ напечатанъ въ заграничныхъ русскихъ газетахъ, которыя печатаются тамъ соціалистами, а въ Россіи считаются запрещенными“. Изъ этихъ правдивыхъ и честныхъ газетъ о жестокости русскаго начальства узналъ весь свѣтъ. Къ тому же царь прислалъ благодарность капитану, командовавшему солдатами, которые стрѣляли въ рабочій людъ на Веселухинской мануфактурѣ. Въ этой благодарности царь писалъ то же самое, что и въ другой такой же благодарности, которую онъ послалъ въ 1896 году въ Владимірскую губернію, на Корзинкинскую мануфактуру; эта царская благодарность была объявлена черезъ главнокомандующаго Московскимъ Военнымъ Округомъ: въ 1896 г. Николай II благодарилъ солдатъ „молодцовъ-фанагорійцевъ“ „за стойкое и хладнокровное поведеніе войскъ во время фабричныхъ безпорядковъ“.

Веселухинское дѣло вышло слишкомъ громко и въ тайныхъ и заграничныхъ газетахъ писали очень много о немъ. Волей-неволей министры рѣшили виновныхъ рабочихъ отдать подъ судъ. Было рѣшено выбрать тѣхъ рабочихъ, которые повиновнѣе и поопаснѣе, и судить ихъ по новымъ законамъ Александра III. По этимъ законамъ судейская власть всегда можетъ устроить такъ, какъ она хочетъ: кого хочетъ—осудитъ, кого хочетъ—оправдаетъ. Вотъ, чтобы устроить такой судъ, который судилъ бы не по совѣсти и не по справедливости, а по указаніямъ и желаніямъ сильныхъ міра сего, совѣтники царя Александра III и придумали отмѣнить и ограничить законы Александра II, по которымъ можно еще было судить по справедливости и по совѣсти, и замѣнили ихъ судомъ „сословныхъ представителей“. Отъ такого суда ужъ нечего ждать правды и милости, осо-

бенно для тѣхъ попавшихъ подъ судъ людей, которые считаютъ несправедливыми дѣянія начальства и притѣсненія, какія терпитъ рабочій людъ. Суду „сословныхъ представителей“ заранѣе приказано не оправдывать „рабочихъ бунтовщиковъ“, и не оправдывать и не жалѣть всѣхъ, кто считаетъ несправедливымъ россійскій государственный и общественный строй. При царѣ Александрѣ II почти всѣ судебныя дѣла о рабочихъ безпорядкахъ и о сильно провинившемся начальствѣ рѣшались при участіи вольныхъ присяжныхъ людей, ничѣмъ не связанныхъ съ начальствомъ и рѣшавшихъ, виновенъ или невиновенъ человѣкъ, по одной своей совѣсти, несмотря ни на что. Царь Александръ III посадилъ, вмѣсто этихъ совѣстливыхъ людей, для рѣшенія тѣхъ же дѣлъ, людей пристрастныхъ, — „сословныхъ представителей“, которые почти всегда сами люди служащіе и потому рѣшаютъ не по совѣсти, а какъ начальству угодно. Виновныхъ рабочихъ должны были судить именно такіе сословные представители, а въ ихъ числѣ были: фабрикантъ, продѣлывавшій на своей фабрикѣ то же, что и Живодерниковъ на своей; чиновникъ, пріятель губернатора; земскій начальникъ, продѣлывавшій надъ крестьянами то же, что фабриканты надъ рабочими; волостной старшина, боявшійся своего начальства, и. т. д. Ужъ заранѣе можно сказать, что такіе люди никогда не разберутъ фабричныхъ дѣлъ по чистой совѣсти, и рабочій людъ, по новымъ законамъ Александра III, отданъ по просту на съѣденіе такимъ недобросовѣстнымъ судьямъ, подобраннымъ изъ господъ и ихъ друзей, чтобы-де „поблажки рабочимъ не было“.

Сидя въ тюрьмѣ, рабочіе, до того времени мало думавшіе о русскихъ общественныхъ порядкахъ и о царскомъ самодержавіи и читавшіе газеты безъ должнаго пониманія или вовсе не читавшіе ихъ, совсѣмъ даже не знали, какому они подвергаются суду. Они ждали отъ царя правды-милости. Они ждали суда и нисколько не трепетали. Правда, были изъ нихъ и такіе, которые раскаявались, зачѣмъ не удержались, учинили дебошъ,

О шумѣ жалѣли даже очень многіе, но о забастовкѣ никто не жалѣлъ. Судъ — такъ судъ, въ ссылку — такъ въ ссылку! Куда бы не занесла нелегкая, вездѣ люди есть и вездѣ съ ними о несправедливыхъ порядкахъ разговаривать можно. Вологдинъ, сидя въ тюрьмѣ, не мало разныхъ вещей объяснилъ своимъ товарищамъ, которые еще плохо понимали механику Россійской православной царской державы.

Недѣли двѣ спустя послѣ „смуты“ на Веселухинской мануфактурѣ совершилось такое событіе, какого рабочіе ужъ никакъ не ожидали. Пріѣхали на фабрику ночью жандармы, окружили школу, окружили домъ одного изъ инженеровъ и принялись ихъ обыскивать отъ крышы до подвала. Нашли тамъ что или нѣтъ, объ этомъ рабочимъ было неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе, и инженера, и учительницу взяли и увезли, а школу запечатали.

Змѣевидовъ употреблялъ всѣ силы, чтобы развѣдать, съ какими такими интеллигентами имѣютъ сношенія рабочіе. Всѣ служащіе, всѣ горожане, жалѣвшіе рабочихъ и защищавшіе ихъ въ разговорѣ, попали къ жандармамъ на подозрѣніе и за ними былъ устроенъ надзоръ. У нѣкоторыхъ лицъ, выказавшихъ сочувствіе рабочимъ, были произведены обыски. По подозрѣнію на интеллигентовъ, были уничтожены и фабричная школа и читальня; даже любительскіе спектакли были запрещены. Распространеніе знаній и просвѣщенія въ рабочей средѣ было признано „несвоевременнымъ“ и отложено, а насколько времени — неизвѣстно!

Унылые дни наступили для Веселухинской мануфактуры. По внѣшности все было тамъ такъ тихо и пусто, что хоть шаромъ покати. Рабочіе присмирѣли и повидимому только о томъ и думали, какъ-бы заработать себѣ гроши на хлѣбъ насущный. О крамолѣ не было ни слуху, ни духу. Но листки выходили. Вскорѣ же послѣ смятенія вышелъ листокъ. Въ листкѣ говорилось, что веселухинскій погромъ устроенъ самой полиціей,, что первымъ набросился на фабричную лавку дознанный

прохвостъ Кнутиковъ, что въ трактирѣ переодѣтые полицейскіе явно раздавали деньги буянамъ и угощали ихъ виномъ. Говорились въ листкѣ и еще кой-какія непріятныя для Змѣевидова вещи. Но Змѣевидову было на нихъ плевать, развѣ власти этимъ листкамъ повѣрятъ? Чорта съ два! Полиція или не полиція устроила дебошъ — все равно, — дѣло сдѣлано, забастовщики выбиты изъ позиціи и усмирены. Змѣевидовъ съ большой увѣренностью ожидалъ себѣ награды къ празднику отъ высшаго начальства изъ Петербурга. Царь навѣрное наградитъ его крестомъ какого-нибудь великомученика. Не даромъ вѣдь царь Николай II сказалъ на жандармскомъ праздникѣ въ Петербургѣ: „Желаю, чтобы связь между престоломъ и жандармами крѣпла.“

Сыщики — Нососуевъ, Лампасовъ и другіе — доносили иногда, что „въ народѣ разговоры идутъ“, „народъ недоволенъ“. Еще бы тебѣ! Его же поколотили, да онъ былъ бы доволенъ! Змѣевидова нисколько не безпокоило недовольство народа, — ему нужно было только одно, чтобы недовольные сидѣли смирно и ничего не могли бы подѣлать. И волы недовольны своимъ ярмомъ. Да намъ то что, если они это свое недовольство про себя держатъ? Змѣевидовъ понималъ, что при настоящемъ настроеніи рабочихъ листки не опасны. Да они что-то перестали и появляться, а можетъ быть, только не попадались въ руки агентовъ. Но очевидно, вожаки-рабочіе и вожаки интеллигенты попались и Змѣевидовъ былъ спокоенъ, доволенъ, счастливъ и веселъ.

А между тѣмъ на Веселухинской мануфактурѣ было совсѣмъ неспокойно. Въ тиши казармъ, въ шумѣ фабричной работы шли да шли разговоры среди фабричныхъ. Разговаривали и бесѣдовали о злобахъ дня. Въ разговорахъ этихъ теперь участвовали даже тѣ, кто раньше никогда и не думалъ о какихъ-либо общественныхъ дѣлахъ... Но говорили осторожно, предворительно обсудивъ, можно-ли и не опасно-ли говорить... Страхъ, который нагнала на народъ тайная полиція, сдѣлалъ свое дѣло: онъ научилъ рабочихъ быть осторожнѣе,

онъ загналъ всѣ разговоры въ самые глухіе углы, и до этихъ угловъ никакая полиція больше ужъ не могла добраться. Хоть и текла мимо нея напряженная и мучительная работа въ рабочей душѣ, но полиція ровно ничего не знала и не видѣла. И много, много новыхъ друзей, товарищей и союзниковъ появилось въ это тихое молчаливое время у „комитетскихъ“ друзей. Вмѣсто арестованныхъ и высланныхъ товарищей, появилось въ пять разъ больше новыхъ. А между тѣмъ все было тихо, все спокойно, и Змѣевидовъ потиралъ руки отъ удовольствія.

Въ сторожкѣ дѣда Мироныча снова собрался Комитетъ Веселухинской мануфактуры. Это было въ началѣ октября мѣсяца. Съ мая по октябрь онъ собирался уже много разъ. Онъ собирался почти каждую недѣлю. Чтобы сохранить за собою этотъ укромный, незамѣтный уголокъ, товарищи-рабочіе не жалѣли никакихъ усилій. Жизнь научила ихъ осторожности, научила вести свою линію на глазахъ полиціи, не попадаясь ей на глаза. Люди учились прятать свое дѣло. Но это была не трусость, — это было мужество благоразумныхъ людей, которые гнались не затѣмъ, чтобы показать свое направленіе, удаль и пониманіе, а затѣмъ, чтобы принести посильную помощь своему великому и святому дѣлу — дѣлу борьбы за освобожденіе рабочаго класса. Оттого сторожка дѣда Мироныча такъ и осталась неизвѣстной властямъ.

Время пролетѣло быстро, пролетѣло и унесло съ собой всѣ сомнѣнія и смятенія майскихъ дней. Даже вышло такъ, что смятеніе это было какъ-бы испытаніемъ, суровой школой, и тотъ, кто побывалъ въ этой школѣ, многому научился, много пережилъ, запомнилъ и сохранилъ въ глубинѣ души. Несчастные тяжелые дни сблизили товарищей и они узнали другъ друга, увидѣли, что всѣ они—надежный и крѣпкій народъ. Съ такимъ народомъ жить вмѣстѣ и работать вмѣстѣ можно! — Присоединился къ нимъ еще кое-кто изъ новыхъ, которыхъ привелъ Зальштейнъ и „интеллигентъ“ Платонычъ. И

кружокъ товарищей опять разросся до 30 человѣкъ.

На этотъ разъ собраніе у дѣдушки Мироныча было не совсѣмъ обычное. Въ этотъ день было рѣшено выслушать „планъ дѣла“, иначе сказать, росписаніе того, какъ вести борьбу съ врагами рабочихъ. Планъ былъ обдуманъ сообща, его обсуждали по частямъ на многихъ засѣданіяхъ, а привести въ порядокъ и изложить въ стройномъ видѣ взялся Михневичъ. Товарищи уже давно рѣшили устроить свой кружокъ правильно и прочно и назвали его „Боевымъ союзомъ рабочихъ Веселухинской фабрики“. Чтобы послушать и обсудить этотъ планъ, обѣщался сегодня придти и „интелгентъ“ Платонычъ изъ города и еще привести кой кого изъ интеллигентовъ.

Компанія, собравшись у Мироныча, чувствовала себя бодро и весело. Всѣмъ хотѣлось работы, всѣмъ хотѣлось живой неустанной борьбы. Прищелъ и Платонычъ, высокій молодой человѣкъ съ красивымъ лицомъ и шелковистыми волосами. Товарищи уютно разсѣлись вокругъ большого стола Мироныча и истово жевали баранки, запивая ихъ чайкомъ.

— Товарищи, заговорилъ Михневичъ, когда по общему настроенію компаніи стало замѣтно, что пора приступать къ дѣлу. — Я, какъ могъ, сдѣлалъ все, что поручили мнѣ. Писать ничего не писалъ. По нашимъ правиламъ, записки и писанія должны лежать внутри головы а не карманѣ, въ крайнемъ случаѣ нужно писать не прописью, а печатными буквами, чтобы по почерку нельзя было узнать, кто писалъ. Итакъ, союзъ какъ на здѣшней, такъ и на другихъ фабрикахъ, рѣшено. Мы устраиваемъ, вмѣсто „Комитета временной забастовки“, постоянный „Боевой союзъ рабочихъ“ нашей мануфактуры. Быть можетъ, черезъ годъ или раньше мы его переименуемъ въ „Союзъ рабочихъ Ободранскаго уѣзда“, а тамъ и въ союзъ Голодаевской губерніи, смотря по ходу дѣла. Цѣль этого союза — объединеніе рабочихъ для борьбы за свое лучшее житье. Съ кѣмъ бороться? — съ хозяевами и ихъ вѣрнымъ

союзникомъ — начальствомъ. Какими средствами бороться? — На это отвѣтъ такой: главное средство — наше объединеніе. Мы должны прежде всего объединиться, научиться дѣйствовать общими силами, сообща: единодушно защищать свои человѣческія права и расширять тѣ, какія у насъ еще есть по закону; единодушно предъявлять фабрикантамъ и начальству наши требованія; единодушно защищать ихъ; единодушно помогать товарищамъ, когда нужно имъ помочь; единодушно заботиться о денежныхъ средствахъ для борьбы, о привлеченіи добрыхъ и надежныхъ друзей въ нашъ — словомъ, всячески вести единодушную борьбу за наше правое, святое рабочее дѣло. Въ нашъ союзъ мы хотѣли бы привлечь побольше новыхъ членовъ, но гнаться за ихъ числомъ — чистѣйшая пагуба и вредъ. При такомъ способѣ въ нашъ союзъ навѣрное пролѣзутъ змѣевидовскіе мерзавцы и порѣшатъ съ нами. Поэтому мы рѣшили принимать новыхъ людей въ нашъ союзъ съ опаской и осторожностью, разузнавъ ихъ на практикѣ. Для пользы дѣла они могутъ работать и не будучи членами нашего Союза. Болтуновъ, крикуновъ да хвастуновъ принимать къ себѣ не будемъ, будь они тамъ хоть распрекрасные и умнѣйшіе, и знающіе люди. Пусть такіе люди дѣйствуютъ на свой страхъ и совѣсть, а нашего дѣла не подводятъ; ни въ какія наши дѣла и замыслы мы ихъ не посвятимъ. Людей корыстныхъ и „жмыховъ“ намъ тоже не надо. Полезнымъ бойцомъ за хорошее и святое дѣло можетъ быть только хорошій человѣкъ, который не боится душу свою отдать за своего брата и товарища и за освобожденіе всѣхъ рабочихъ на всей землѣ. Только хорошій человѣкъ можетъ хорошо вліять на товарищей и ихъ самихъ дѣлать лучшими.

Для членовъ нашего Союза много дѣлъ. Первое — помогать пониманію, второе дѣло — помогать объединенію понявшихъ, третье дѣло — помогать борьбѣ, четвертое дѣло — помогать тѣмъ, кто пострадалъ въ борьбѣ. Первое дѣло, по-

могать пониманію, самое широкое и легкое дѣло. Нужно разъяснять своимъ товарищамъ, какъ идетъ жизнь на свѣтѣ, почему есть на свѣтѣ бѣдные и богатые, почему мы живемъ, какъ бѣдняки и нищіе и какъ сдѣлать, чтобы этого не было. Помогать пониманію — значитъ, помогать образованію. Нужно всячески распространять хорошія книги среди своихъ товарищей, покупать ихъ, давать читать, разъяснять. Безъ пониманія и образованія рабочій не боецъ, — господа всегда проведутъ его, обманутъ и заговорятъ. Особенно нужно знаніе русскихъ государственныхъ порядковъ и безпорядковъ (то есть знаніе государственнаго права); но чтобы ихъ понимать, какъ слѣдуетъ, нужно знать о порядкахъ заграничныхъ, какъ тамъ живутъ рабочіе, какъ они борются за свою лучшую жизнь, нужно знать политическую экономію или науку о бѣдности и богатствѣ человѣческомъ. Нужно возможно больше читать книгъ по исторіи, какъ люди боролись ради того, чтобы получше устроить свою жизнь на землѣ. Нужно знать разныя науки о природѣ (то есть науки естественныя) — о небѣ, о землѣ, о растеніяхъ, о животныхъ. Эти науки расширяютъ кругозоръ, рзъясняютъ, что такое истина, раскрываютъ обманы поповъ, толкующихъ о чудесахъ. Разныя науки раскрываютъ всю силу тѣхъ обмановъ и хитростей, которыми замазываютъ намъ глаза наши враги, — раскрываютъ обманы экономическіе (о собственности), юридическіе (о законѣ), церковные. „Больше знаній! Больше читайте хорошихъ книгъ! Больше ходите въ школы, въ читальни“. Эти слова мы должны твердить всегда, вездѣ, всѣмъ товарищамъ. Каждый изъ насъ долженъ покупать хорошія книги и пускать ихъ въ оборотъ. Кромѣ того, мы должны общими силами завести собственную библіотеку и накупать книги непремѣнно по разнымъ наукамъ, чтобы понимать и жизнь міра, и жизнь людей, — все то, что дѣлается вокругъ насъ. На библіотеку мы рѣшили собирать съ каждаго изъ насъ по 20 коп. въ мѣсяцъ; кто можетъ, пусть даетъ больше.

Мы рѣшили еще устроить на фабрикѣ между своими торговлю книгами: покупать листовокъ по 90 коп. сотню, а продавать по 2 коп. за штуку. Какая останется польза, то должно идти на покупку хорошихъ книгъ. Теперь такихъ книгъ, понятныхъ нашему брату, очень много. Должны мы запасти для товарищей побольше и такихъ книгъ, которыя запрещаетъ начальство, потому что въ этихъ вся правда насчетъ положенія рабочихъ и насчетъ беззаконій нашихъ враговъ написана очень ясно и откровенно. Одна такая запрещенная книга можетъ сразу открыть человѣку глаза на всю неправду, а открывши глаза, человѣкъ будетъ читать и правильно понимать и всякія другія книги. Поэтому и малое количество запрещенныхъ книгъ дѣлаетъ великое дѣло; но знанія и пониманія можно получать и изъ книгъ дозволенныхъ, научившись ихъ читать „между строками“. Разумѣется, наши враги всячески стараются прятать отъ насъ настоящую правду, и съ этой цѣлью издавна устроена строжайшая цензура надъ книгами, особонно надъ тѣми, которыя дешевы и идутъ въ простой народъ. Но какъ ни старается начальство гнать и прятать правду, ничего не выходитъ: она между строчекъ и между словъ претъ. Правду изъ изъ хорошихъ книгъ никакъ не искоренишь, понимающій человѣкъ сразу отыскиваетъ ее. Теперь начальство стало усиленно запрещать хорошія книги, особенно тѣ, гдѣ говорится о житьѣ-бытьѣ рабочихъ и гнать и ссылать тѣхъ писателей русскихъ, которые стоятъ за народъ. Но и изъ этого ничего не выйдетъ: если начальство не станетъ допускать до насъ новыхъ хорошихъ книгъ, мы отыщемъ то, что намъ нужно, и въ хорошихъ старыхъ. Ничего оно съ нами не подѣлаетъ! Книга, братцы, книга прежде всего! Книга вмѣстѣ съ разговорами, завоюетъ намъ многое множество союзниковъ и друзей. Отличить хорошую книгу отъ дурной всегда можно: хорошая, честная книга всегда говоритъ въ пользу рабочихъ людей, т. е. за фабричныхъ и крестьянъ, и никогда не говоритъ въ защиту бога-

чей-фабрикантовъ и начальства, и вообще всякихъ господъ, живущихъ на нашей шеѣ. Теперь есть и списки хорошихъ книгъ, составленныхъ хорошими людьми, стоящими на нашей сторонѣ. Словомъ сказать, пустивъ въ ходъ среди рабочаго люда побольше хорощихъ книгъ и разговаривая о нихъ, мы сильно поможемъ образованію рабочаго люда. И нѣтъ никакой возможности помѣшать этому. Библіотеку свою мы рѣшили устраивать теперь же, сложившись книгами и деньгами. Запрещенныя книги мы рѣшили никоимъ образомъ не держать въ этой библіотекѣ; а держать ихъ непремѣнно отдѣльно. Съ запрещенными книгами мы рѣшили сдѣлать такъ: прочесть и тотчасъ передать въ другія руки. Не держи такихъ книгъ у себя, прячь ихъ, если ужъ нужно подальше, но всегда бережно обращайся съ ними, безъ самой крайней нужды не уничтожай ихъ: въ нихъ правда. Всѣ мы съ виду должны быть самыми обыкновенными — „дозволенными“ людьми, а изнутри мы всѣ должны быть бойцами за наше рабочее дѣло, за улучшеніе нашего житья общими силами. Когда мы будемъ людьми понимающими, знающими, осторожными, дѣятельными, тогда наша сила будетъ стоять и расти на глазахъ начальства, и ему не за что будетъ ухватить насъ.

— Второе дѣло кромѣ библіотеки, мы должны завести кассу. Большое дѣло требуетъ отъ насъ большихъ расходовъ. Деньги нужны намъ на случай забастовки, поддерживать слабыхъ; нужны деньги для поддержки нашихъ товарищей, которыхъ наши враги усадятъ въ тюрьму или сошлютъ. Помогать имъ — важное и святое дѣло. Еще мы должны имѣть деньги на разныя мелкія дѣла, напримѣръ, на печатаніе листковъ, на разсылку ихъ и пр.

— Еще мы рѣшили начать новое, третье дѣло — устроить изъ насъ особую артель странниковъ. Эти странники должны переходить съ фабрики на фабрику, нигдѣ подолгу не жить, нигдѣ домомъ не обзаводиться, а на каждомъ мѣстѣ служить нашему рабочему

дѣлу, раскрывать рабочимъ глаза на ихъ положеніе, учить ихъ правильной и разумной борьбѣ съ врагами, побуждать ихъ къ устройству библіотекъ, кассъ, союзовъ и такихъ же артелей странниковъ. Эти же странники должны выискивать и подмѣчать, что есть на такой-то фабрикѣ хорошаго и что плохого, и объ этомъ говорить на другихъ фабрикахъ и писать въ заграничныя русскія газеты. Тогда тамъ рабочимъ легче будетъ добиваться, чтобы и у нихъ начальство завело это хорошее: такой способъ и понятенъ, и удобенъ и не бросается въ глаза начальству. Артель странниковъ и ихъ работа сдѣлаютъ великое дѣло: они помогутъ и сильно ускорятъ объединеніе рабочихъ разныхъ фабрикъ, разныхъ мѣстностей въ одинъ общій союзъ. Быть странникомъ — дѣло трудное и опасное, но пусть и берутся за него люди опытные, осторожные, научившіеся, самые толковые, сдержанные, сильные духомъ. Чтобы ихъ никто не заподозрѣлъ, что они такое, нужно чтобы они выглядѣли такими же простаками-горемыками, какихъ злая судьба гоняетъ съ абрики на ффабрику. Нечего и говорить, что „страшныхъ“ и неосторожныхъ словъ они не должны выкрикивать, записныхъ книжекъ и записокъ не должны при себѣ держать, дѣла должны заводить тихо и скромно, умѣя выбирать для нихъ людей а новымъ знакомцамъ старыхъ н е у к а з ы в а т ь: пусть новые сначала сами поработаютъ, а потомъ, уже, доказавъ себя на дѣлѣ, заведутъ сношенія съ нашимъ Союзомъ. Артель странниковъ мы рѣшили завести теперь же и по мѣрѣ силъ помогать имъ изъ своей кассы. Такими странниками рѣшили сдѣлаться Говоренко, Завойко да еще Сладовъ, которому теперь уже вездѣ можно жить, кромѣ столицъ. Если мы рѣшимъ послать на нашъ общій счетъ нашихъ товарищей въ такія фабричныя мѣста гдѣ уже устроены хорошіе и крѣпкіе союзы рабочихъ, эти товарищи сами научатся и насъ научатъ. Зальштейнъ поѣдетъ заграницу въ Германію, Садовичъ — въ Польшу, Акатовъ — въ Петербургъ. Рабочіе всѣхъ странъ и народовъ должны понимать, что они

братья, и не смотрѣть на то, что такой-то ихъ товарищъ — нѣмецъ, такой-то — полякъ, такой-то — еврей, такой-то — финляндецъ. У всѣхъ рабочихъ вѣдь враги одни и тѣже: фабриканты-капиталисты и начальство.

Наконецъ, мы рѣшили заводить побольше знакомствъ съ солдатами и разъяснять имъ, что они такое, кому служатъ и что дѣлаютъ. Это очень важное дѣло, и мы рѣшили взяться за него крѣпко. Надо разъяснять солдатамъ, что они такое и какому злому и не справедливому дѣлу они служатъ; надо давать имъ читать хоть и очень осторожно запрещенныя книги: „Солдатскую памятку“, „За вѣру, царя и отечество“, „Солдатскій подвигъ“.

—Еще мы рѣшили установить правильныя сношенія съ интеллигентами. Теперь, слава богу, на Руси уже много такихъ честныхъ людей, которые желаютъ служить нашему рабочему дѣлу. Есть среди нихъ и студенты, и техники, и писатели, и ученые, и доктора, и учителя, мужчины и женщины, старые и молодые, которые понимаютъ, что правда и справедливость на сторонѣ рабочихъ. Эти люди помогаютъ нашей борьбѣ съ нашими врагами, не жалѣя себя, и съ своей стороны тоже борятся съ ними. Не даромъ вѣдь столько интеллигентовъ сослано, посажено въ тюрьмы, крѣпости, повѣшено. Начальство потому и преслѣдуетъ ихъ, что они за наше дѣло стоятъ, себя не жалѣя. Интеллигенты еще раньше насъ начали борьбу съ народными обидчиками. Черезъ такихъ людей будутъ проникать въ нашу среду хорошія, новыя книги и газеты, напечатанныя здѣсь и заграницей, дозволенныя и запрещенныя правительствомъ; эти люди будутъ намъ говорить, что дѣлается въ лагерѣ нашихъ враговъ; они и деньгами намъ помогутъ. Но сноситься съ ними нужно съ особенной осторожностью, потому что полиція сильно слѣдитъ за ними, да за ними ей и слѣдить легче, чѣмъ за нами.

— Вотъ, установивъ все это, мы уже сильно вооружимся и подготовимся къ борьбѣ. Когда все, все бу-

детъ устроено широко и прочно, не наши враги будутъ командовать нами, а мы ими. Прежде всего мы начнемъ борьбу съ своимъ хозяиномъ и его укротимъ. Мы рѣшили готовиться къ новой всеобщей забастовкѣ теперь же, готовиться осторожно и основательно, что бы нанести Живодерникову славный ударъ въ самое горячее время и въ чувствительное мѣсто: тогда онъ, только что мы заговоримъ съ нимъ, уступитъ нашимъ справедливымъ требованіямъ. Но къ этому дѣлу готовиться не легко: нужно разузнать хозяйскія дѣла, приготовить товарищей на всей фабрикѣ, набрать загодя средства, сговориться по всѣмъ отдѣленіямъ и во-время пострашать хозяина. Дѣло это нужно вести не съ налету, а умѣючи и разумно: если что на фабрикѣ плохо, то сначала нужно требовать отъ фабриканта письмомъ, что бы онъ перемѣнилъ это къ лучшему, но требовать тихо, мирно, съ достоинствомъ, спокойно. Если письмо не поможетъ, нужно сговориться, устроить мирную забастовку, отказавшись отъ работы по закону, за 2 недѣли, но отказываться непремѣнно в с ѣ м ъ. А въ срокъ найма можно и безъ всякаго заявленія уйти. Это — забастовки на законномъ основаніи. Но такія не всегда возможны и удачны. Чаще приходится грозить фабриканту забастовкой сейчасъ же, а не черезъ двѣ недѣли. Если гроза не поможетъ, Надо бастовать, и уже тогда разговаривать съ начальствомъ такъ, какъ мы до 18-го мая разговаривали. Это-то навѣрно поможетъ, если будетъ проведено тихо и мирно, но упорно. Конечно, начальство всегда на сторонѣ нашихъ враговъ, — для нихъ оно дѣлаетъ много, а для насъ пустяки и то для отвода глазъ. Значитъ, мы, начавъ борьбу съ хозяевами, волей-неволей будемъ бороться и съ начальствомъ. Съ нимъ тоже нужно бороться по всѣмъ правиламъ, а не зря, не въ слѣпую и не въ пустую. Прежде всего нужно хорошенько узнать наши собственныя права, какія у насъ теперь есть (хотя ихъ и очень немного), узнать, что мы имѣемъ право дѣлать, чего не имѣемъ (напримѣръ, мы имѣемъ право бастовать,

отказавшись всѣ до единаго за 2 недѣли). Права нужно знать, потому что и начальство, и, фабрикантъ и особенно жандармы нарушаютъ ихъ на каждомъ шагу. Мы должны бороться и на этой почвѣ, то есть на законномъ основаніи, должны отстаивать наши права, никому не давать помыкать ими и нами. Эта защита пріучитъ насъ къ выдержкѣ, къ борьбѣ и покажетъ всему свѣту, что отъ насъ отнимаютъ на каждомъ шагу, даже то, что уже дано по закону. Защиту своихъ правъ мы должны прежде всего вести законнымъ способомъ: ходить къ инспектору и жаловаться ему и въ одиночку, и толпами. Но у инспектора у самого сплошь и рядомъ руки связаны, и онъ ничего не можетъ для насъ подѣлать, если бы и захотѣлъ. Потому мы волей-неволей должны будемъ добиваться расширенія нашихъ правъ, т. е. передѣлки закона въ нашу пользу. Этого можно добиваться тоже только путемъ забастовокъ, устроивъ забастовку сразу на многихъ фабрикахъ, какъ это сдѣлали въ 1896 г., петербургскіе рабочіе, которые добились измѣненія фабричнаго закона въ пользу всѣхъ русскихъ рабочихъ. Расширить наши права и заставить измѣнить законы въ нашу пользу — необходимо. Очень мало дано намъ правъ. Напримѣръ, мы не имѣемъ теперь права устраивать свои кассы, свои библіотеки, — мы все это должны дѣлать тайкомъ; мы не имѣемъ права сообща обсуждать наши собственныя дѣла; мы не имѣемъ права посылать отъ насъ выборныхъ людей въ ту канцелярію, которая, не спросясь нашего согласія, придумываетъ неудобные, стѣснительные и даже несправедливые законы для насъ; мы не имѣемъ права устраивать союзовъ и ассоціацій или обществъ, и многихъ-многихъ другихъ правъ нѣтъ у насъ. А всѣ такія права въ другихъ странахъ давнымъ давно даны уже рабочимъ, потому что тамъ рабочіе гораздо раньше нашего взялись за умъ и заставили господъ дать имъ эти права. По доброй волѣ господа и начальство никогда не позволили бы имъ напр., союзы, кассы и пр., которые помогаютъ рабочимъ же

бороться съ ихъ врагами. Вотъ и мы должны добиваться такихъ правъ. Разумѣется, одна фабрика этого не добьется, но когда забастуетъ сразу множество фабрикъ, тогда нашимъ врагамъ поневолѣ придется уступить, потому что они понимаютъ нашу силу и очень боятся насъ: вѣдь рабочіе, объединившись, такъ могутъ тряхнуть ими, что они и своихъ не узнаютъ! Имъ выгоднѣе согласиться и уступить намъ кое-что, чѣмъ лишиться сразу всего. Господа капиталисты-хозяева и начальство, и вообще всѣ господа народные обидчики донимаютъ отлично, что сыты-то они нашей кровью и потомъ; чтобы одного такого насытить, и обогатить, нужно тысячу рабочихъ держать впроголодь.

— Итакъ, братья-товарищи, начинаемъ мы съ сегодняшняго дня великое дѣло. Начинаемъ правильно поставленную борьбу съ нашими врагами и поведемъ ее такъ съ этого дня хоть сотни лѣтъ. Начнется правильно поставленное дѣло съ нашей фабрики, а тамъ перейдетъ, разумѣется, на другія; тамъ появятся, а кое-гдѣ уже и появились, свои союзы, и эти союзы и у насъ въ Россіи, какъ заграницей, сольются въ общій союзъ всѣхъ рабочихъ. Уже и теперь есть въ Россіи сильныя рабочія партіи, которыхъ не смогла и никогда не сможетъ искоренить полиція. Есть партія соціалистовъ-революціонеровъ и партія соціальдемократовъ. Та и другая добиваются освобожденія рабочаго народа изъ подъ гнета капиталистовъ и самодержавнаго начальства. И растетъ наше дѣло подъ самымъ носомъ начальства и ничего съ нимъ начальство не можетъ сдѣлать, какъ и до сихъ поръ ничего не подѣлало. Ужъ если бы могло, такъ оно все рабочее движеніе давнымъ давно съѣло бы. Не съѣло — значитъ, не смогло. И въ концѣ концовъ, братья-товарищи, мы добьемся своего. Добьемся — и передѣлаемъ весь строй на пользу рабочаго люда.

Михневичъ кончилъ свою рѣчь среди всеобщей тишины. Не успѣлъ онъ кончить, какъ заговорилъ Завойко. Его глаза блестѣли, щеки пылали. Онъ весь

дрожалъ отъ внутренняго волненія и громко заговорилъ.

— Братья-товарищи! Да вы подумайте только, въ какое удивительное время мы живемъ! Ужъ насъ-ли не бьютъ и не давятъ, и не грабятъ, и не унижаютъ! Ужъ на насъ-ли не идутъ войной и всѣ фабриканты-хозяева, и все начальство, и всѣ господа, и солдаты ведутъ противъ насъ! Ужъ насъ-ли не сажаютъ въ тюрьмы. И царь противъ насъ, и судьи противъ насъ, и попы противъ. Всѣ стараются силой и обманомъ, по рукамъ и ногамъ скрутить насъ, а мы все живы да живы, ведемъ свою линію и дѣла свои все лучше устраиваемъ, и ничего съ нами не подѣлаешь! Прежде никакого сознательнаго стремленія освободиться у насъ не было, а были только отдѣльныя, мало осмысленныя стачки, вспышки да бунты; сознаніе наше, можно сказать, спало, пониманія не было, о союзахъ нашихъ да о всеобщихъ забастовкахъ никто и не думалъ, и думать даже боялся. А теперь какъ пошло! И здѣсь, и тамъ, и въ еПтербургѣ, и въ Москвѣ, и на Уралѣ, и во Владимірской губерніи, и въ Екатеринославской можно сказать, во всякой губерніи, гдѣ есть фабрики, рабочіе, наши братья, даютъ себя знать забастовками и борьбой, добиваются своего и даже заставляютъ измѣнять законы въ нашу пользу. Поднимаются и деревни и тоже борятся съ народными обидчиками, деревенскими капиталистами — міроѣдами, кулаками, помѣщиками и ихъ вѣрнымъ защитникомъ — начальствомъ. Борятся съ нимъ студенты, которые понимаютъ что при нынѣшнихъ государственныхъ порядкахъ въ самодержавномъ да чиновничьемъ да капиталистическомъ и поповскомъ государствѣ народъ никогда не будетъ жить хорошо счастливо съ начальствомъ, — интеллигенты; подрываютъ поповскую власть штундисты, духоборы и другіе люди, вѣрующіе не съ поповскихъ словъ, а по одному евангелію. Даже земцы, — и тѣ все чаще и чаще начинаютъ осуждать нынѣшніе русскіе порядки и громко объявляютъ царю и правительству, что на-

стала пора передѣлать русскіе государственные порядки и дать права обывателямъ, обуздать полицейскихъ, чиновниковъ и министровъ. Все къ одному идетъ. Не одни мы идемъ противъ общаго врага. Растетъ наша силушка, растетъ наше дружество не по днямъ, а по часамъ. Иногда насъ побьютъ, но, увидавъ нашу силу, пугаются и немного погодя дѣлаютъ по нашему, потому что дѣлать-то приходится волей-неволей: не сдѣлаешь — еще хуже будетъ. Ничего съ нами не подѣлаешь! Устроимъ свои дѣла здѣсь, а потомъ айда по всей Россіи на проповѣдь борьбы съ фабрики на фабрику, съ завода на заводъ! Айда служить нашему святому правому дѣлу освобожденія изъ-подъ ярма непосильнаго труда, униженія и неволи, служить до тѣхъ поръ, пока капля крови въ насъ останется! Всѣ поступимъ въ армію странниковъ. Я уже и теперь странникъ. Не надо мнѣ семьи, не надо дома. Моя семья — мои братья-рабочіе! Мой домъ — любая фабрика или заводъ. Выпьемъ теперь, братцы, за наше святое, единое, вѣчное дѣло, за обузданіе фабрикантовъ-хозяевъ, начальства и вообще господъ, благоденствующихъ пока на нашей шеѣ.

Марья Миронова и дѣдъ Миронычъ уже принесли заблаговременно нѣсколько дюжинъ пива. Пиво заиграло въ стаканахъ, и братья-товарищи дружно чокались, а иные даже цѣловались другъ съ другомъ; у нѣкоторыхъ слезы блестѣли на глазахъ. Всѣмъ было радостно, всѣмъ было хорошо, и недавнихъ смятеній и пораженій будто и не бывало. Выпили и за Мироныча, и за Марью Миронову, которая послужила рабочему дѣлу не хуже любого мужчины. Пожелали чтобы побольше было такихъ фабричныхъ дѣвушекъ, какъ она. Тутъ же порѣшили каждый мѣсяцъ собирать и разсылать высланнымъ товарищамъ, кому особенно плохо пришлось, „рабочія пенсіи“ по 7 рублей въ мѣсяцъ. Поручили Платонычу накупить подешевле хорошихъ книгъ на 50 рублей. Разговоры затянулись до поздней ночи.

Такъ возникъ на Веселухинксой фабрикѣ правильно поставленный Боевой Союзъ Рабочихъ, устроенный ими самими.

ГЛАВА XI.

Насталъ февраль мѣсяцъ. На Веселухинской мануфактурѣ все было спокойно. Такъ спокойно и тихо, что словно возвратились на землю прежнія „патріархальныя времена", когда фабриканты были „добрые, милостивые отцы", а рабочіе послушные, трудолюбивые „дѣти". Впрочемъ, никакихъ перемѣнъ къ лучшему на фабрикѣ не произошло. Мастера Мясоѣдова не уволили, а лишь перевели на другую высшую должность; расцѣнокъ не измѣнили; вентиляціи не улучшили, и другихъ требованій рабочихъ не удовлетворили. Змѣевидовъ былъ очень доволенъ такимъ положеніемъ вещей. „Успокоились! Угомонились!" думалъ онъ. Былъ доволенъ и губернаторъ. Въ разговорѣ съ предводителемъ дворянства и съ архіереемъ онъ говорилъ очень часто: „Ню-ню-ню, видите, что значитъ моя политика: послабленій не надо никакихъ. Штурмъ и натискъ! Разъ, два — и все успокоилось". Живодерниковъ тоже какъ-будто пересталъ кряхтѣть и жаловаться; кое-какъ онъ раздѣлался съ кредиторами и должниками. Добылъ новые заказы, обернулся, вывернулся, перекувыркнулся передъ собраніемъ акціонеровъ, которые были очень недовольны, что изъ-за фабричныхъ волненій въ этомъ году они получили нѣсколько меньше доходу. Губернаторъ и Змѣевидовъ принудили-таки Савелія Никитича внести въ бюджетъ фабрики 10.000 рублей на содержаніе на ней тайныхъ агентовъ и на увеличеніе штатовъ полиціи. Живодерниковъ пожался, но далъ: „такъ оно спокойнѣе будетъ!" Осенью на фабрикѣ набрался полный комплектъ рабочихъ. Сильно порадовало Живодерникова, что къ нему пришли, кромѣ новыхъ, опять наниматься его прежніе рабочіе, которые въ маѣ сами

взяли разсчетъ, а теперь сами же просились на работу... „Такъ-то! говорилъ имъ Живодерниковъ. Не бойсь, пришли! не бойсь, безъ Савелія Никитича обойтись-то не можете! Дурачье! Если вамъ у меня худо, то на другихъ фабрикахъ еще хуже!“ Рабочіе молчаливо шли было на работу, но Живодерниковъ останавливалъ ихъ и грознымъ голосомъ говорилъ: „Такъ не будете больше бунтовать?“ — „Не будемъ! не будемъ“ — „То-то же у меня! Будьте довольны тѣмъ, что есть!“ — „Довольны! Довольны!“ Про себя Живодерниковъ думалъ: „Встряска-то имъ на пользу пошла! Нѣтъ худа безъ добра. Успокоились! Такъ-то лучше!“

Но каково же было удивленіе и разочарованіе почтеннаго Савелія Никитича, когда въ одинъ прекрасный день (дѣло было въ концѣ февраля) къ нему пришелъ директоръ Зубаловъ и сообщилъ очень-таки непріятныя вещи. Директоръ былъ сильно разстроенъ самъ. Онъ вошелъ въ кабинетъ хозяина даже безъ доклада, поздоровался и заговорилъ взволнованнымъ голосомъ.

— Послушайте, дорогой Савелій Никитичъ! Да это же, наконецъ, невозможно! Это чортъ знаетъ, что такое! Это возмутительно! Это необыкновенно дерзко!

Савелій Никитичъ смотрѣлъ на Зубалова въ упоръ своими коровьими глазами и ничего не понималъ, что случилось. Понималъ онъ только то, что опять стряслось нѣчто скверное, и уже соображалъ, большіе-ли убытки теперь угрожаютъ.

— Въ чемъ дѣло? Скажите, въ чемъ дѣло?

— А въ томъ, что на нашей фабрикѣ опять неспокойно. Среди рабочихъ идутъ разговоры о новой забастовкѣ; а сегодня утромъ является ко мнѣ мастеръ Мясоѣдовъ весь въ крови, синій, опухшій и говоритъ: „Прикажите выдать мнѣ разсчетъ сегодня же. Моченьки моей нѣтъ! Не могу больше!“ И что же я узнаю? Эти всѣ 6 мѣсяцевъ съ самой осени рабочіе всякими способами „учили“ Мясоѣдова. То у него новое пальто облито сѣрною кислотою, то изрѣзанъ сюртукъ, то

въ фуражкѣ прожжена огромная дыра, то разбита лампа въ квартирѣ, — и все неизвѣстно кѣмъ. Онъ все терпѣлъ и молчалъ, отплачивая рабочимъ по своему. А за послѣднее время его стали поколачивать. На одной этой недѣлѣ поколотили три раза. Кто колотилъ — неизвѣстно: дѣлается это въ темнотѣ. А одинъ разъ ему мѣшокъ на голову набросили, а потомъ избили. Мясоѣдовъ и жаловаться даже боится; говоритъ: „убьютъ!“ Только о томъ и проситъ: „увольте! увольте!“

— Ну, что же, уволить, такъ уволить! Эка бѣда! воскликнулъ Живодерниковъ.

— Но вѣдь Мясоѣдовъ одинъ изъ самыхъ преданныхъ намъ людей. Онъ уже служитъ намъ болѣе 15 лѣтъ.

— Эка невидаль! За деньги найдемъ и другихъ не хуже. Послужилъ, — и довольно! Отпустите его, только и всего.

— Прикажете выдать ему годовое жалованье?!

— Чего ради? Больно жирно будетъ. Вѣдь не я его колочу и выгоняю раньше времени, — самъ уходитъ!

— Но вѣдь онъ уходитъ не по своей волѣ, — его гонятъ съ фабрики рабочіе. Благоразумно-ли давать потачку такимъ дѣламъ. Сегодня рабочіе гонятъ Мясоѣдова, завтра погонятъ Петрова, послѣ завтра меня!... Живодерниковъ вскочилъ съ мѣста. Онъ даже побагровѣлъ отъ злости.

—А чортъ ихъ всѣхъ тамъ возьми! Что я съ ними подѣлаю? Что подѣлаю? Что же сыщики не смотрятъ, кто дерется? Вѣдъ я за нихъ плачу! Чего они ничего подѣлать не могутъ съ ними?... Нужно уступить. Не ждать же еще новой забастовки и разгрома. Лучше уступить въ маломъ. Вѣдь этакъ-то больше потеряешь.

Зубаловъ сдѣлалъ недовольное лицо.

— Какъ вамъ угодно, сказалъ онъ. — Только по моему это не мелочи.

— Ну, нѣтъ, ужъ спасибо! Отъ безпорядковъ мы потеряли больше 150 тысячъ! Съ насъ довольно.

Зубаловъ всталъ, холодно раскланялся и ушелъ. Въ тотъ же день Мясоѣдовъ былъ уволенъ. На фабрику явились жандармы, приставъ и всѣ усердно распрашивали и разыскивали среди рабочихъ, кто изъ нихъ избилъ Мясоѣдова; но виновные такъ и не были найдены. Полиція съ чѣмъ пріѣхала, съ тѣмъ и уѣхала.

Черезъ нѣсколько дней Зубаловъ снова явился въ кабинетъ Живодерникова. На этотъ разъ онъ ехидно улыбался.

— Я къ вамъ опять съ дурной новостью. Не угодно-ли прочитать? И онъ подалъ Живодерникову листокъ, отпечатанный на домашнемъ мимеографѣ. Въ листкѣ было написано:

„Боевой Союзъ рабочихъ Веселухинской мануфактуры требуетъ отъ фабричной администраціи, чтобы съ слѣдующей же субботы работы на фабрикѣ наканунѣ праздниковъ и воскресныхъ дней кончались въ 2 часа дня безъ уменьшенія заработка. Въ томъ случаѣ, если это справедливое требованіе рабочихъ не будетъ исполнено, Союзъ объявляетъ, что Веселухинской мануфактурѣ грозитъ непріятность.“

Живодерниковъ прочелъ листокъ и побагровѣлъ.

— Я вамъ говорилъ! усмѣхнулся Зубаловъ. — Что прикажете теперь дѣлать?

Живодерниковъ зашагалъ по комнатѣ. Онъ шагалъ словно бегемотъ, грозно шлепая по ковру бархатными туфлями. Зубаловъ, хитро улыбаясь, посматривалъ на него и молчалъ, покуривая папироску. А Живодерниковъ, ничего не замѣчая, шагалъ да шагалъ, думая про себя нелегкую думу. „И чего смотрятъ? Чего слушаютъ?... Да гдѣ тамъ усмотришь! Все зря! Полтораста тысячъ въ нѣсколько дней! Шутка-ли!“ Отрывистыя мысли скользили въ его головѣ. Такъ прошло минутъ пять. Зубаловъ первый прервалъ молчаніе.

— Ну-съ, что же прикажете съ ними дѣлать?

— Уступите! вдругъ крикнулъ Живодерниковъ.

Зубаловъ даже подскочилъ на своемъ креслѣ и вытаращилъ глаза.

— Что вы дѣлаете Савелій Никитичъ! воскликнулъ онъ. — Да вы роете яму и себѣ, и другимъ фабрикантамъ, и всей русской промышленности! Вѣдь этакъ невозможно! Прикажите лучше послать этотъ листокъ жандармскому начальству и дать знать фаричному инпектору. Пусть принимаютъ свои мѣры. Но уступить невозможно! Невозможно.

На этотъ разъ Живодерниковъ не сдержался. Онъ остановился передъ Зубаловымъ, уперся въ него глазами и сказалъ.

— Ну, нѣтъ ужъ! Много благодаренъ! Сытехоньки! Накормило меня начальство вотъ доселева! Больше не надо! Если бы не оно, такъ у меня всѣ машины были бы цѣлехоньки: уступи я, — и забастовка кончилась бы тихо. Не надо! Пожалуйста, не давайте знать о листкахъ никакому начальству. Уступите такую мелочь — только и всего. Сколько мы потеряемъ черезъ это?

— Рублей 700 — 800 въ мѣсяцъ. Но развѣ въ этомъ дѣло. Дѣло въ принципѣ...

— 700 — 800 рублей въ мѣсяцъ не 150 тысячъ! А на принципъ намъ наплевать. Вотъ онъ гдѣ, принципъ-то.

И Живодерниковъ хлопнулъ себя по карману.

Зубаловъ хотѣлъ-было уходить.

— А впрочемъ, остановилъ его Живодерниковъ, надо все же поторговаться съ этими скотами. Эту субботу оставьте все по старому, а на слѣдующей недѣлѣ вывѣсьте объявленіе, что съ 1 мая работы наканунѣ праздниковъ будутъ кончаться въ 2 часа. О платѣ же ничего не говорите.

— Эта полумѣра ни къ чему не приведетъ, возразилъ Зубаловъ. — Она только раздражитъ рабочихъ.

— Ну, раздражитъ, такъ уступимъ еще маленько. Поторговаться все-же надо. Вѣдь 200 р. въ карманѣ за каждую недѣлю чего нибудь да стоятъ!

Зубаловъ раскланялся и ушелъ, но все-же далъ тайкомъ знать о листкѣ жандармскому начальству.

Когда настала суббота, на фабрикѣ уже появились

конные жандармы и городовые. Живодерниковъ былъ недоволенъ Зубаловымъ, но тотъ сказалъ что начальство само разузнало о готовящейся забастовкѣ. Пріѣхалъ и фабричный инспекторъ, пріѣхалъ и Змѣевидовъ, и засѣли въ фабричной конторѣ. Въ 2 часа раздался фабричный гудокъ и изъ корпусовъ повалили рабочіе. Толпа бѣжала за толпой. Бѣжали въ припрыжку парни, шли женщины, отцвѣтшія раньше времени, тащились старухи. Всѣ рабочіе разлюбезно кланялись Живодерникову и начальству, и скоро всѣ скрылись за фабричными воротами. У воротъ и во дворѣ уже поджидала вторая смѣна, которая шла на встрѣчу. Обѣ толпы смѣшались, слились въ одно и на глазахъ у самаго начальства рѣкою полились вонъ со двора по домамъ и скоро скрылись изъ виду. Начальство только руками развело. Фабрика стала. Сколько ни гудѣлъ гудокъ, сколько онъ ни зазывалъ — все было напрасно. Его зазываній опять никто не слушалъ. Начальство ждало-ждало прихода рабочихъ и не дождалось. Инспекторъ пробовалъ было увѣщевать рабочихъ, но изъ его увѣщеваній ничего не вышло.

— Ну, что же господа, поѣдемте по домамъ и мы! сказалъ инспекторъ. — Намъ больше тутъ нечего дѣлать. — Плохо смотрите! добавилъ онъ по адресу Змѣевидова.

Тотъ сжалъ губы и ничего не отвѣтилъ. Смотрѣли-то хорошо, да видно-то ничего не было. Все мимо носа прошло. Мерзавцы эти рабочіе. Дьяволы!

Полиція составила протоколъ. При этомъ Живодерниковъ тутъ же заявилъ инспектору, что „случай“ произошелъ отчасти по его винѣ: онъ самъ говорилъ кой-кому изъ рабочихъ, что наканунѣ праздниковъ рѣшено кончать въ 2 часа. „А я вотъ все медлилъ!“ ухмыльнулся Живодерниковъ, хотя у него на душѣ кошки скребли.

— Объ этомъ не мѣшало бы сначала поговорить съ нами, сказалъ инспекторъ. Онъ былъ недоволенъ фаб-

рикантомъ. — По крайней мѣрѣ вывѣшивайте объявленіе скорѣе. Я подпишу.

Живодерниковъ былъ очень радъ что исторія кончилась благополучно. Вечеромъ, на всѣхъ рабочихъ, ушедшихъ самовольно, былъ наложенъ съ разрѣшенія начальства, маленькій штрафъ. Въ понедѣльникъ всѣ работы на фабрикѣ возобновились, какъ ни въ чемъ не бывало. Рабочіе молча читали объявленіе о штрафѣ, посмѣивались и становились на свои мѣста. Во вторникъ было вывѣшено объявленіе о сокращеніи работы въ предпраздничные дни. Въ газетахъ появилось краткое сообщеніе о гуманномъ поступкѣ Савелія Никитича Живодерникова, который въ духѣ времени и заботясь о нуждахъ рабочихъ, сократилъ рабочее время въ кануны праздничныхъ дней. Это извѣстіе перепечатали другія газеты. Савелій Никитичъ былъ очень доволенъ, что имя его прогремѣло по всей Россіи и лишній разъ напомнило людямъ о его „добровольныхъ“ благодѣяніяхъ рабочимъ.

А черезъ 2—3 недѣли случилось на фабрикѣ еще событіе: забастовала одна смѣна въ ткацкомъ отдѣленіи. Забастовавшіе были почти сплошь тѣ самые рабочіе, которыхъ Зубалову удалось привести изъ другихъ губерній, взамѣнъ уволившихся и арестованныхъ. Забастовка эта произошла послѣ долгихъ переговоровъ съ Зубаловымъ, инспекторами и Живодерниковымъ. „Моченьки нашей нѣтъ, говорили рабочіе. Пряжа совсѣмъ гнилая. Или увеличьте расцѣнку, или отпустите насъ по домамъ“. Инспекторъ на этотъ разъ самъ посовѣтовалъ „дружески“ Живодерникову уступить. Тѣ, старые рабочіе, работали рядомъ съ ними изъ хорошей пряжи, а эти, новички, посажены были дорабатывать гниль изъ Живодерниковскихъ складовъ.

Живодерниковъ помялся, помялся, сдѣлалъ примѣрный подсчетъ, что выгоднѣе — прибавка или забастовка, или потеря на пряжѣ, которую и по чистой совѣсти слѣдуетъ выбросить вонъ (Живодерниковъ разсчитывалъ сбыть ее въ Среднюю Азію), — и уступилъ. На этотъ

разъ и фабричный инспекторъ, опасавшійся новыхъ волненій, остался доволенъ его уступчивостью.

А рабочіе были еще довольнѣе. Они тихо, спокойно и съ достоинствомъ добивались того, что было написано въ листкѣ отъ 10 мая. Они дружно стояли на своемъ. Они почти не показывали свою силу, не выставляли ее на видъ, но враги ихъ отлично чувствовали ее. Какъ-то цѣлая толпа отбѣльщиковъ явилась къ фабричному инспектору и пожаловалась ему, что въ красильномъ отдѣленіи изъ-за дурного воздуха невозможно работать. Инспекторъ съѣздилъ на фабрику, разсмотрѣлъ ихъ жалобу и принудитъ Зубалова устроить вентиляцію, какъ подобаетъ. Не прошло и мѣсяца, какъ рабочіе добились уступокъ и по другимъ пунктамъ листка: сортовщики побаивались браковать товаръ зря, потому что съ несправедливыми сортовщиками рабочіе продѣлывали то же, что съ Мясоѣдовымъ. Уборка и чистка машинъ и получка стали считаться какъ рабочее время. О многихъ этихъ уступкахъ Змѣевидовъ и даже инспекторъ узнали только послѣ того, какъ всѣ онѣ уже были сдѣланы...

Всѣмъ этимъ Змѣевидовъ былъ очень недоволенъ. Къ тому же до него доходили извѣстія отъ шпіоновъ, что на фабрикѣ куда какъ не спокойно, — тамъ завелся какой-то особенный „Союзъ“, который правильно печатаетъ и распространяетъ листки, а кто члены „Союза“ никакъ невозможно разыскать. Брали и обыскивали многихъ, но членовъ — „союзниковъ“ не нашли. Правда, у нѣкоторыхъ изъ обысканныхъ рабочихъ, были найдены сомнительныя письма отъ высланныхъ товарищей, но эти письма заранѣе были прочтены полиціей и жандармами, еще въ почтовой конторѣ, и въ нихъ ничего особеннаго не было. Были найдены научныя книжки и даже два листка. Въ одномъ листкѣ говорилось между прочимъ: „„Мы требуемъ: 1) Установленія закономъ 10-ти часового рабочаго дня съ обязательнымъ обѣденнымъ перерывомъ въ полтора часа, и окончанія работъ по субботамъ и наканунѣ праздниковъ въ 2

часа дня 2) Совершеннаго уничтоженія сверхурочныхъ работъ. 3) Возстановленія праздниковъ, уничтоженныхъ закономъ 2-го іюня 1897 года. 4) Запрещенія женщинамъ и подросткамъ работать ночью въ предѣлахъ отъ 8 час. вечера и до 6 час. утра и запрещенія вообще работать дѣтямъ моложе 15 л. 5) Повышенія заработной платы настолько, чтобы дневной заработокъ не уменьшился. 6) Выдачи сполна всей заработной платы не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ —1 и 15 числа. 7) Обязательнаго страхованія рабочихъ и отвѣтственности предпринимателей за увѣчье и смерть рабочихъ. 8) Распространенія надзора фабричной инспекціи на всѣ частныя и казенныя фабрики и заводы. 9) Предоставленія рабочимъ права выбирать депутатовъ для переговоровъ съ администраціей и властями и вообще для веденія дѣлъ касающихся рабочихъ. 10) Установленія размѣра заработной платы и расцѣнокъ, какъ и наложенія штрафовъ, лишь явно и съ вѣдома рабочихъ депутатовъ. 11) Предоставленія рабочимъ свободы стачекъ, собраній, союзовъ и кассъ. 12) Гласнаго суда присяжныхъ (по дѣламъ о стачкахъ), отмѣны административныхъ высылокъ и произвольныхъ арестовъ помимо опредѣленія суда".

За листки виновные были посажены въ тюрьму, словно важные преступники. Змѣевидовъ самъ сдѣлалъ имъ строжайшій допросъ съ мордобитіемъ, но и самъ ничего не открылъ. Его жандармскій носъ хоть и чувствовалъ, что завелось на фабрикѣ нѣчто важное и опасное, но какъ добраться до этого — неизвѣстно. Особенно злило Змѣевидова, что завелась на фабрикѣ среди рабочихъ организація, т. е. правильная постановка дѣла, нѣчто прочное, разумное, дѣлесообразное. Съ буянами, бунтовщиками легко справиться съ помощью войскъ; мальчишекъ-болтуновъ и крикуновъ не хитро замѣтить и посадить въ кутузку, но какъ подцѣпить организацію прочную, союзъ? Это гидра многоголовая: одну голову рубишь, другая растетъ. Змѣевидовъ былъ очень, очень недоволенъ...

ГЛАВА XII.

Насталъ мартъ мѣсяцъ. На 22 число было назначено въ Голодаевскомъ Оружномъ Судѣ слушаніе судебнаго дѣла о безпорядкахъ, произведенныхъ рабочими на Веселухинской мануфактурѣ.

Въ обширной залѣ Окружнаго Суда собрались господа судьи, господа сословные представители и кое-кто изъ генераловъ, важныхъ чиновниковъ и судейскихъ. Одни собрались, чтобы посмотрѣть да послушать, какъ кто будетъ судить рабочихъ-бунтовщиковъ. Другіе собрались сами судить ихъ. Господа судьи были все народъ упитанный, жирный, получающій хорошее жалованье и награды и ожидающіе хорошую пенсію, кресты и всякія другія благодѣянія отъ казны. Господа сословные представители были то же народъ упитанный и сытый. Они и безъ словъ и приказовъ поняли, зачѣмъ ихъ позвали сюда: нужно же соблюсти видъ приличный и торжественный, даже дѣлая гнусное, несправедливое дѣло. Нужно по всѣмъ правиламъ закона з а с у д и т ь этихъ рабочихъ-бунтовщиковъ, чтобы другимъ такимъ же рабочимъ было не повадно обнаруживать недовольство поистинѣ прекраснымъ устройствомъ жизни бѣднаго народа въ русскомъ государствѣ; чтобы не смѣли они добиваться лучшаго житья ни для себя, ни для своихъ женъ, ни для дѣтей и братьевъ; чтобы пропала у нихъ охота безпокоить откормленныхъ, благополучно проживающихъ господъ фабрикантовъ, чиновниковъ и компанію.

Были среди сословныхъ представителей разные люди. Былъ важный баринъ, предводитель дворянства, крупный помѣщикъ, другъ-пріятель именитыхъ фабрикантовъ и купцовъ, которымъ онъ кстати сказать, и долженъ не мало, такъ какъ здорово обнищалъ послѣ того, какъ перестали на его свѣтлость работать крѣпостные мужики да бабы. Былъ тутъ именитый купецъ, владѣ-

лецъ акцій разныхъ бумаго-прядильныхъ фабрикъ; онъ еще до суда галдѣлъ, что рабочихъ бунтовщиковъ повѣсить слѣдуетъ. Былъ тутъ и мѣщанинъ — мѣщанскій староста — живущій скупкою фабрикантскихъ и помѣщичьихъ векселей по дешевымъ цѣнамъ. Былъ и „торгующій крестьянинъ", т. е. тотъ же купецъ, иначе сказать, мужикъ особенный, міроѣдъ, вышедшій изъ крестьянской среды и вплотную приставшій къ господамъ, отъ которыхъ и на его долю „перепадаетъ". Были и другіе сословные „представители", которымъ и безъ приказовъ ясно, что рабочихъ-бунтовщиковъ слѣдуетъ засудить даже тогда, когда они ни въ чемъ невиноваты.

Собрались было въ судъ послушать да посмотрѣть и иная публика: жены, дѣти и друзья рабочихъ — писатели, ученые и газетчики, писавшіе въ защиту рабочаго люда, фабричныхъ и крестьянъ. Но этихъ людей и къ дверямъ не допустили, потому что боялись, какъ-бы они не разсказали о томъ, какія некрасивыя и несправедливыя дѣла дѣлаются нынѣ на судѣ и какъ царскій, казенный, господскій судъ засуживаетъ невинныхъ людей за то, что имъ жить не въ моготу, за то, что они стали сами о себѣ заботиться, если о нихъ никто другой не заботится, какъ слѣдуетъ. Вышелъ приказъ судить рабочихъ при закрытыхъ дверяхъ, а въ залу допустить лишь самыхъ важныхъ чиновниковъ, генераловъ и фабрикантовъ. Эти господа усѣлись на особомъ мѣстѣ „для публики" и собрались смотрѣть, что будетъ. И въ старину такъ бывало, что всякіе знатные, благородные люди смотрѣли изъ особой бесѣдки, какъ горятъ на кострахъ непріятные и вредные для нихъ еретики.

Привели на судъ подсудимыхъ и разсадили ихъ по скамьямъ подъ охраною солдатъ и жандармовъ. Всѣхъ подсудимыхъ было 146 человѣкъ. И всѣ они были бодры и веселы. Тутъ были и Сидоровъ, и Житецкій, и другіе. Нѣкоторые „подсудимые" были блѣдны, но такихъ было немного. Особенно же счастливый видъ

имѣлъ Вологдинъ. Онъ зналъ, что не миновать ему тюрьмы, хотя онъ и провинился только въ томъ, что уговаривалъ рабочихъ не буянить. Онъ ко всему приготовился и рѣшилъ сказать суду свое слово, чтобъ господа его помнили! Пусть потомъ за это слово, какъ угодно, наказываютъ. Передъ подсудимыми на особой скамьѣ сѣли ихъ защитники — адвокаты.

Забѣгалъ по залу суда судебный приставъ. Раздался торжественный возгласъ „судъ идетъ!“ Вышли изъ особыхъ дверей толстопузые судьи и сословные представители. Прочитали длиннѣйшій обвинительный актъ, взводившій на рабочихъ небывалыя преступленія. Начался допросъ свидѣтелей. Только тѣ свидѣтели и были вызваны на судъ, кто могъ показать лишь п р о т и в ъ р а б о ч и х ъ, а кто могъ показать з а н и х ъ, такъ тѣхъ судъ рѣшилъ заранѣе не вызывать. Судьи и обвинители совсѣмъ не хотѣли, чтобы тяжелое житье-бытье рабочихъ на Веселухинской мануфактурѣ выяснилось на этомъ судѣ. Нѣтъ, нужно было показать, что рабочимъ жилось тамъ отлично, что не жизнь имъ была, а масляница, что рабочіе за пазухой Савелія Никитича Живодерникова были и сыты, и счастливы. Нужно было показать, что рабочіе не люди, а звѣри, которыхъ слѣдуетъ держать на цѣпи, потому что они отличнаго обращенія съ ними не понимаютъ, а буйствуютъ, громятъ, дебоширятъ зря. Такихъ звѣрей къ каторгѣ приговорить мало, а судъ приговоритъ ихъ лишь къ тюрьмѣ да къ арестантскимъ ротамъ... Значитъ, судъ выкажетъ себя „правымъ и милостивымъ“.

И вышло все на судѣ, какъ по писанному. Чуть только кто-нибудь начиналъ говорить въ защиту рабочихъ, сейчасъ-же судья заговоритъ: „Это къ дѣлу не относится. Объ этомъ прошу не говорить!“ Чуть только свидѣтели-полицейскіе проговаривались подъ допросами защитниковъ, что рабочій Кнутиковъ слылъ на фабрикѣ за шпіона, судья уже кричалъ: „Это къ дѣлу не идетъ!“ Когда же защитникъ спрашивалъ у Змѣевидова: правда-ли, что онъ велъ какіе-то переговоры съ Кнутиковымъ,

а его люди устраивали въ трактирѣ наемъ на какую-то несуществующую фабрику? Змѣевидовъ заявлялъ, что на этотъ вопросъ онъ не можетъ дать отвѣта: „Это государственная тайна!“

Напрасно защитники старались защитить тѣхъ, кто сидѣлъ на скамьяхъ подсудимыхъ. Напрасно они говорили горячія и справедливыя рѣчи и доказывали, что рабочіе поневолѣ устроили забастовку, вслѣдствіе очень тяжелаго житья-бытья, и что, кромѣ забастовки, имъ ничего другого не оставалось дѣлать. Напрасно защитники говорили, что разбивали лавку не рабочіе, а какіе-то подозрительные люди съ Кнутиковымъ во главѣ, — а вѣдь Кнутиковъ этотъ самъ хвасталъ, что онъ „получаетъ жалованье“ отъ полиціи и что онъ-де „побѣдилъ 5000 человѣкъ рабочихъ“. Напрасно защитники взывали къ сердцу человѣческому господъ судей и сословныхъ представителей, къ правдѣ и справедливости и даже милости. Все это не помогало. Судьи слушали ихъ, да о своихъ наградахъ да о жалованьѣ думали, а сословные преставители, жившіе на счетъ этого же рабочаго народа, только радовались, что наконецъ-то опасные бунтовщики попались имъ въ руки и они закатаютъ ихъ, куда слѣдуетъ, — благо законъ въ ихъ рукахъ...

Окончились рѣчи адвокатовъ. Дано было слово подсудимымъ. Пожелалъ сказать свое слово одинъ Вологдинъ. Онъ поднялся съ своего мѣста, обвелъ судей и сословныхъ представителей мрачно насупленными глазами и заговорилъ. Сначала онъ говорилъ неясно и тихо, голосъ его дрожалъ и онъ сильно смущался. Но скоро онъ оправился и заговорилъ громко и отчетливо, и въ его голосѣ послышались такія нотки, что дрогнуло что-то въ душѣ судей.

— Господа судьи! Господа сословные представители! Вотъ тутъ сейчасъ вы говорили о милости. Такъ вотъ, этой милости... какъ бишь ее... милости-то мнѣ, т. е. мнѣ самому, да надо полагать, и моимъ товарищамъ, не надо. Какая такая милость? За что милость?

Мы правды требуемъ, а милости не просимъ. А если правды нѣтъ, такъ и милости не надо. Кушайте въ свое удовольствіе и правду, и милость, и насъ вмѣстѣ. Только вотъ что я вамъ скажу: и судъ вашъ я не считаю судомъ. Какой вашъ судъ? Вотъ господинъ прокуроръ говорилъ, что мы противъ начальства идемъ. А начальство же насъ и судитъ! По справедливости же не оно насъ должно судить, а кто-нибудь третій долженъ бы былъ разобрать нашъ споръ съ начальствомъ и разсмотрѣть, кто правъ? оно или мы? Прокуроръ говорилъ, что мы противъ фабрикантовъ и богачей идемъ, вообще противъ господъ, а господа-то и богачи насъ и судятъ. Это, примѣрно сказать, волки съ овцами заспорили, — волки и стали судить овецъ. Ужъ какая можетъ быть правда въ такомъ судѣ. Вы не судъ, а разбойничья шайка въ судейской шкурѣ, только и всего.

Въ самомъ началѣ этой рѣчи уже забѣгали пристава, жандармы, полицейскіе.

— Замолчите! Замолчите! кричалъ предсѣдатель.

— Нѣтъ ужъ позвольте! продолжалъ спокойно Вологдинъ, стоя на самой серединѣ скамьи, куда не легко было добраться жандармамъ, да и товарищи подсудимаго сжались вокругъ него въ кучу, тѣснились и не пускали ихъ туда. — Позвольте! Я все скажу. Я скажу, что такими-то судами да вашими способами ужъ никогда вы насъ не одолѣете, и намъ рта не заткнете, и насъ не испугаете! Мы своего добиваемся, кровнаго. Вы и отдайте намъ его! Не насъ судите, а Живодерникова да директора, да жандармскаго полковника, да Кнутикова, да Мясоѣдова. Вотъ кто долженъ на этой скамьѣ сидѣть! А вы насъ усадили и годъ въ тюрьмѣ проморили! Только и изъ этого ничего не выйдетъ! Мы сами свое возьмемъ! Насъ вотъ тутъ 146 человѣкъ, а на фабрикахъ такихъ сотни тысячъ! Тѣхъ возьмете и засудите, — другіе проявятся! И ничего вы съ нами не подѣлаете! А мы съ вами когда-нибудь ужъ раздѣлаемся!

На Вологдина набросилась толпа жандармовъ и поли-

цейскихъ. Нѣкоторые рабочіе пробовали было защищать мрачнаго слесаря, но ихъ оттолкнули и подъ конвоемъ повели въ тюрьму. Вологдина повалили на скамью и пробовали ему зажать ротъ, но онъ отбивался и кричалъ: „Ничего съ нами не подѣлаете! Ничего! ничего! Придетъ наше царство, а ваше разрушится!“ Его съ большимъ трудомъ осилили и связали и, какъ водится, составили протоколъ объ оскорбленіи суда и сопротивленіи властямъ. Змѣевидовъ былъ очень доволенъ, что, благодаря этому, наказаніе Вологдину будетъ здорово усилено и надолго россійскія фабрики избавятся отъ такого „фанатика-бунтовщика“. „Вотъ такіе-то и есть самые опасные! Къ счастью, такихъ немного!“

— То, что я сказалъ, я повторяю судьямъ! заявилъ Вологдинъ. — Пусть мои слова въ точности будутъ записаны въ протоколѣ, — вамъ на память. Когда они исполнятся, тогда вы о нихъ вспомните!...

Приговоръ суда былъ объявленъ на другой день. Наказаніе вышло строгое. Кто пошелъ въ тюрьму, кто въ арестантскія роты. Только двое рабочихъ были оправданы, потому что имъ удалось доказать, что они во время смятенія были въ больницѣ. „За что, господа, вы насъ-то почти годъ въ тюрьмѣ продержали?“ плакались эти бѣдняки. „Вѣдь и тогда мы говорили то же самое!...“

Дѣло Вологдина было отложено въ виду новаго его преступленія.

А черезъ нѣсколько недѣль на Голодаевскомъ вокзалѣ Н-ской желѣзной дороги толпился народъ. Вся платформа была залита рабочимъ людомъ. Тутъ были мужчины, бабы, дѣти. Пришелъ старый дѣдко Миронычъ съ внучкой Марьей. Пришли Михневичъ и Завойко, работавшіе на одной изъ фабрикъ въ самомъ Голодаевскѣ. Пришелъ и Зальштейнъ, и другіе товарищи. У нихъ касса уже дѣйствовала, въ нее шли ежемѣсячные взносы рабочихъ и доходы отъ сверхурочныхъ работъ. Каждый изъ участниковъ рѣшилъ отрабатывать эти работы, каждую недѣлю опредѣленное число часовъ,

чтобы выручку отдавать на общее дѣло. Въ кассѣ уже было нѣсколько сотъ рублей и они лежали „на книжкѣ“ въ банкѣ. Семья Вологдина получала „пенсію“ каждое 20-ое число. „Господа свое жалованье каждое 20-ое число отъ казны получаютъ, а мы получаемъ его отъ самихъ себя“, шутила жена Вологдина. При поддержкѣ товарищей ей не угрожала ни нищета, ни бѣдность. Жалко было мужа, но она и безъ мужа послужитъ тому же дѣлу,которому и онъ служилъ. Вмѣстѣ съ годовымъ ребенкомъ она тоже пришла провожать товарищей. Въ толпѣ мелькали красныя рубахи, пиджаки, хорошія фуражки. На бабахъ были надѣты яркія, разноцвѣтныя платья, — онѣ разодѣлись словно на праздникъ. Толпа гудѣла и тѣснилась.

— Ай повезутъ? слышались голоса.

— Повезутъ! Вѣстимо! А то какъ же?

— Какъ бы тайкомъ не упрятали. При нынѣшнемъ царѣ такъ всегда дѣлаютъ...

— Ну, вотъ еще! Женамъ и дѣтямъ объявлено.

По платформѣ похаживали жандармы. Тутъ же стояли какіе-то подозрительные люди съ полицейскими рожами въ штатскомъ платьѣ. Они зоркимъ окомъ осматривали толпу и ловили своимъ взглядомъ подстрекателей и агитаторовъ. У дверей I и II класса стоялъ Змѣевидовъ вмѣстѣ съ исправникомъ и разсуждалъ въ полголоса. И тотъ, и другой боялись, какъ-бы во время проводовъ чего-либо не вышло: очень ужъ много рабочихъ собралось на платформѣ.

— Не отложить-ли отъѣздъ? спрашивалъ исправникъ. — Съ этимъ людомъ шутить по нынѣшнимъ временамъ не приходится.

Змѣевидовъ самъ хорошо не зналъ, что предпринять. Но остановить проводы было уже невозможно.

— Пустяки! Ничего не будетъ! Народъ запуганъ надолго, сказалъ онъ. — Послѣ такого погрома опомнятся не скоро!

Но, сказавъ эти слова, онъ самъ ни на грошъ не повѣрилъ имъ. И что это за „Союзъ“ появился на

Веселухинской мануфактурѣ? И что эта за забастовка была изъ-за праздничной работы? Все же и этого бы не должно быть. А впрочемъ, все это мелочи! На крупное рабочіе теперь долго не рѣшатся!...

— Везутъ! Везутъ! — прошумѣло въ толпѣ, и черезъ нѣсколько минутъ на платформѣ показались высылаемые рабочіе. Тутъ были и Сидоровъ, и Житецкій, и Ивановъ, и другіе. Высылаемыхъ окружали солдаты и жандармы.

— Братцы! Товарищи! Подавай вамъ богъ! Отсиживайте свое, назадъ пріѣдете! Ждать будемъ!

— Прощайте! Прощайте! До-свиданія!

— Братцы, не забывайте, кричалъ Липаренко.

Ивановъ прощался съ женою и дѣтьми. Къ вагонамъ подходили съ разныхъ сторонъ знакомые и друзья, жали руки высылаемымъ, иные цѣловались и обнимались. Публика съ удовольствіемъ смотрѣла на эту сцену. Нѣсколько студентовъ протиснулись впередъ и стали около вагона.

— Что, господа! закричалъ имъ изъ окна Липаренко. — Не бойсь, раньше-то почти только господъ высылали, а теперь и до насъ добрались. Смекайте да учитесь, — пригодится!

—Надо увозить шепнулъ Змѣевидовъ исправнику.

Раздался первый звонокъ. Толпа отхлынула отъ вагоновъ, зашумѣла. Опять посыпались привѣтственные возгласы, прощальныя пожеланія.

— За правое дѣло, братцы! Многая вамъ лѣта! Ура! раздалось въ толпѣ.

— Ур-ра! За правое дѣло! пронеслось по платформѣ.

— Братцы! закричалъ изъ вагона Липаренко. — Братцы! Спасибо вамъ! Ѣдемъ бодрые! Смотрю я вотъ изъ окна и вижу всю силищу рабочую! Ѣдетъ насъ 60 человѣкъ, а васъ тамъ остались тысячи! Братья! Да здравствуетъ силушка рабочая, правда рабочая, дѣло рабочее! Ур-ра!

— Ур-ра! Ур-ра! опять пронеслось въ толпѣ.

— Раньше-то мы „ура“ только царямъ кричали, а теперь вотъ какіе времена настали: рабочей силушкѣ „ура“ кричимъ! замѣтилъ Завойко, стоявшій въ первыхъ рядахъ.

Солдаты и жандармы уже бѣжали очищать платформу отъ шумливаго народа.

— Прощайте, братцы-товарищи! Наша беретъ!

— Наша беретъ! Всѣхъ насъ не вычерпаютъ! Много осталось! Наша беретъ! Ничего съ нами не подѣлаешь! — неслись крики изъ вагоновъ.

— Наша беретъ! отвѣчала толпа. — Ничего съ нами не подѣлаешь!

— Знаешь что? шепнулъ Михневичъ Завойкѣ. — Намъ нужно на случай свое знамя завести и на немъ эти слова написать: „Ничего съ нами не подѣлаешь!“

Раздался третій звонокъ и свистки локомотива. Поѣздъ тронулся. И снова по платформѣ загудѣло „ур-ра!“ и дружныя крики: „Да здравствуетъ силушка рабочая! Наша беретъ! Ничего съ нами не подѣлаешь!“

Издали видно было, какъ Липаренко стоитъ у окна и размахиваетъ фуражкой.

— Ничего! Ничего не подѣлаешь! донеслось издали.

——o——

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

ГЛАВА XIII.

Въ одинъ прекрасный апрѣльскій день Змѣевидовъ проснулся въ очень веселомъ расположеніи духа. Проснулся онъ очень поздно и сталъ припоминать, что съ нимъ такое вчера было. Ахъ да, онъ былъ въ гостяхъ у исправника. Былъ тамъ товарищъ прокурора Лосичъ, былъ правитель губернаторской канцеляріи

Мурзакевичъ. Пили вино, играли въ карты, разсуждали о событіяхъ и о злобахъ дня. Вечерокъ былъ очень даже пріятный. Вотъ только не совсѣмъ пріятны были разсужденія товарища прокурора. „Этотъ судейскій — ужасный пессимистъ и все видитъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Все ему кажутся какія-то призраки. Чортъ его знаетъ! быть можетъ, это онъ только такъ говоритъ, а впрочемъ, онъ человѣкъ очень образованный и умный. Призракъ террористическаго движенія... Ну, гдѣ теперь террористы, скажите на милость? Всѣ перевѣшаны. Призракъ голоднаго крестьянскаго бунта... Да развѣ послѣ усмиренія харьковскихъ да полтавскихъ крестьянъ пойдутъ на умъ бунты? И дѣтямъ, и внукамъ закажутъ, сто лѣтъ будутъ помнить. Призракъ земскихъ заговорщиковъ изъ помѣщиковъ или писательская и газетная крамола... Ну, этихъ-то заговорщиковъ и усмирять не надо, — сами смирны. Мы можемъ пересчитать ихъ по пальцамъ, и всѣ они въ жандармскихъ книгахъ записаны, и за всѣми ними мы слѣдимъ. Студенты, — не мальчишекъ-ли намъ бояться?... Рабочее движеніе... вотъ это... дда! Вотъ это не хорошо. Оно растетъ, какъ будто... А впрочемъ, и оно, ей-богу же, для Руси не страшно. Не скоро, не бойсь, выростетъ! На нашъ вѣкъ хватитъ и на вѣкъ нынѣшнихъ министровъ. А какъ раздѣлаются съ этимъ движеніемъ наши потомки и наслѣдники, — чортъ съ ними, пускай раздѣлываются, какъ знаютъ. „Маргарита, бойся увлеченья!“ „М-маргарита б-бойся увлеченья!“

Змѣевидовъ потянулся, зѣвнулъ, закурилъ папироску и продолжалъ свои размышленія.

„Эхъ, еслибы я былъ шефомъ жандармовъ, я бы всѣхъ рабочихъ по всей Руси такъ же выбилъ бы изъ позиціи, какъ здѣшнихъ. Не бойсь, не скоро опомнятся. Въ мелочахъ-то мы вамъ уступили, и еще уступимъ; а въ главномъ, — ну ужъ нѣтъ! Шалишь! Теперь тамъ среди васъ настоящихъ-то немного, не бойсь, осталось, да и тѣхъ выловимъ, словно рыбъ изъ садка. Сколько вы тамъ не кричи, что съ вами ничего не по-

дѣлаешь, не бойсь, подѣлали, да и еще больше сдѣлали бы, еслибы... Эхъ, отчего я не шефъ жандармовъ! „Союзомъ“ стращаютъ... Знаемъ мы эти „союзы“ изъ двухъ человѣкъ съ половиной. Да и ваши „союзы“ отыщемъ, надолго не оставимъ, до новыхъ забастовокъ не допустимъ. Демонстраціи — а розгу хочешь? А пули не боишься? А нагайка вкусна? Теперь у меня въ распоряженіи, слава тебѣ господи, въ 10 разъ больше жандармовъ и агентовъ, чѣмъ раньше.“ И Змѣевидовъ опять пріятно-пріятно потянулся, сладко зѣвнулъ и запѣлъ любимую пѣсенку: „Маргарита, бойся увлеченья! Маргарита, бойся увл...

— Ваше высокоблагородіе! Ваше высокоблагородіе, вдругъ высунулся въ дверь денщикъ его Мартыновъ. — Тамъ васъ унтеръ-офицеръ Нососуевъ спрашиваетъ. Говоритъ, неотложное дѣло...

— Ну, что тамъ такое? Какое тамъ дѣло? недовольнымъ тономъ произнесъ Змѣевидовъ.

Широкоплечая фигура Нососуева уже пролѣзла сквозь отворенную дверь.

— Ваше высокоблагородіе! отрапортовалъ Нососуевъ. — Имѣю честь доложить: на Веселухинской мануфактурѣ народъ снова бунтуетъ.

Змѣевидовъ такъ и подпрыгнулъ отъ этого извѣстія.

— Что? Что-о такое? На Веселухинской мануфактурѣ?!

— На работу нонѣ никто не вышелъ. Расцѣнокъ увеличить на 5 процентовъ требуютъ. Фабрика стала! продолжалъ Нососуевъ.

— Ахъ! чортъ ихъ тамъ всѣхъ возьми! воскликнулъ Змѣевидовъ. — Мартыновъ! Живо! Давай одѣваться.

— Тамъ Васъ унтеръ-офицеръ Лампасовъ спрашиваетъ, доложилъ снова Мартыновъ. — Говоритъ — неотложное дѣло...

Въ дверяхъ уже показалась фигура Лампасова, который въ свою очередь отрапортовалъ.

— Ваше высокоблагородіе! На Цыкинскомъ заводѣ и на Завитялевской фабрикѣ народъ бунтуетъ. На фаб-

рибѣ совсѣмъ пусто. По всѣмъ фабрикамъ нынче ночью разбросаны листки.

— О, чортъ возьми! воскликнулъ Змѣевидовъ. Есть у тебя листки? Давай листокъ!

Лампасовъ протянулъ Змѣевидову листокъ, на которомъ стоялъ штемпель „Союза рабочихъ Ободранскаго уѣзда“. Листокъ былъ выпущенъ по поводу наступавшаго Перваго Мая, всемірнаго праздника всѣхъ рабочихъ на всемъ свѣтѣ, и заканчивался слѣдующими словами:

„Мы требуемъ обузданія всѣхъ нашихъ обидчиковъ, эксплуататоровъ, живущихъ на счетъ рабочаго народа. Да здравствуетъ восьми-часовой рабочій день!

„Мы требуемъ, чтобы землей владѣли только тѣ, кто ее обрабатываетъ, а фабриками и заводами владѣли тѣ, кто на нихъ работаетъ. Да здравствуетъ соціализмъ!

„Мы требуемъ упраздненія самодержавныхъ царей и всякихъ чиновниковъ и полицейскихъ насильниковъ. Долой самодержавіе!

„Мы требуемъ созыва выборныхъ людей отъ всего русскаго народа для коренной передѣлки всѣхъ законовъ и порядковъ во всей Россійской имперіи на пользу трудящагося народа. Да здравствуетъ Земскій Соборъ!

„Долой казарму! Долой военщину и войны? Да здравствуетъ всеобщій миръ!“

Змѣевидовъ такъ и остолбенѣлъ отъ удивленія...

— Это что же такое? Это чего же вы тамъ смотрите? Какъ же вы допускаете, что такіе листки разбрасываются по всѣмъ фабрикамъ, и нигдѣ никто изъ виновныхъ не пойманъ на мѣстѣ преступленія?

Новый стукъ въ дверь прервалъ его слова. Вошелъ деньщикъ и подалъ Змѣевидову экстренную телеграмму изъ Петербурга. Съ тревожнымъ чувствомъ Змѣевидовъ разорвалъ конвертъ, прочелъ нѣсколько короткихъ строкъ... и выронилъ телеграмму изъ рукъ.

Въ телеграммѣ говорилось, что министръ внутреннихъ дѣлъ, начальникъ всѣхъ министровъ, жандармовъ и полицейскихъ, убитъ революціонерами.

Лампасовъ, сломя голову, бросился поднимать упавшую телеграмму.

— Опять! И это несмотря на всѣ мѣры, несмотря на всѣ предосторожности! И это тогда, когда казалось, что полиція забрала всѣхъ этихъ головорѣзовъ, не боящихся даже висѣлицы! воскликнулъ Змѣевидовъ съ измѣнившимся лицомъ. Но это же чортъ знаетъ что такое, это начинаетъ пахнуть для каждаго изъ насъ цѣлостью собственной шкуры! Это выходитъ какая-то сказка про бѣлаго бычка... Неужто-жъ и правда, что начинается революція, неужто и вправду, теперь ужъ „ничего съ ними не подѣлаешь“?

„Ничего не подѣлаешь!“ отвѣтилъ ему внутренній голосъ... И, кликнувъ Мартынова, Змѣевидовъ началъ поспѣшно напяливать на себя свой синій мундиръ.

КОНЕЦЪ.

——o——

ПОСЛѢДНІЯ

изданія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ

58.	П. Поливановъ. Алексѣевскій равелинъ	5.000	„
59.	Юбилей Николая Послѣдняго	10.000	„
60.	Красное Знамя на 1905 годъ.	15.000	„
61.	На войну (Изъ расказ. запаснаго солдата)	10.000	„
62.	Д. Хилковъ. Объ уличныхъ безпорядкахъ	10.000	„
63.	„ О свободѣ и о томъ, какъ она добывается	15.000	„
64.	Государственные идеалы либерализма (съ приложеніемъ проэкта земской конституціи		
65.	О свободѣ вѣры.	6.000	,
66.	Исторія одного преступленія.		
67.	Листовка № 1. Положеніе русскаго крестьянства (разошлось)	10.000	„
68.	„ 2. Эхъ, пора бы, братцы, взяться вамъ за умъ (разошл.)	10.000	„
69.	„ 3. Какъ добывать землю и волю	10.000	„
70.	4. Что такое Земскій Соборъ и конституція	10.000	„
71.	„ 5. Откуда пошла русско-японская война (разошлось)	10.000	„
72.	„ 6. Кто врагъ? (разошлось)	10.000	„
73.	„ 7. Хватило-ли бы на всѣхъ земли? (разошлось)	10.000	„
74.	„ 8. О наказаніи сильныхъ злодѣевъ (разошлось)	10.000	„
75.	„ 9. Горе русскихъ солдатиковъ (разошлось)	10.000	„
76.	„ 10 Сказка о царѣ Акакіи	10.000	„
77.	„ 11. Портъ-Артурское сидѣнье	10.000	„
78.	„ О «фондѣ народнаго просвѣщенія» (разошлось)	10.000	„
79.	„ 13. Паденіе самодержавія	10.000	„
80.	„ 14. Какъ попы обманыв. народъ	10.000	„
81.	„ 15. Либералы и соц.-демокр.	10.000	„
82.	Царь	10.000	„
83.	Д. Хилковъ. Революція и сектанты	10.000	„
84.	Маньковскій. Сорокъ дней передъ казнями	10.000	„
85.	Воззваніе Г. Гапона къ крестьянамъ	40.000	„
86.	Араратскій. Подвиги царизма (изд. совмѣстн. съ Армян. Рев. Федераціей)	10.000	„

87. Матросы Чернаго моря	20.000	„
88. И. П. Каляевъ	10.000	„
89. Какъ добывать землю и волю?	20.000	„
90. Самодержецъ всероссійскій	10.000	„
91. Ю. Гарденинъ. Нашимъ обвинителямъ	10.000	„
92. Ю. Гарденинъ. К. Марксъ и Ф. Энгельсъ о крестьянствѣ	10.000	„
93. Гусли. Сборникъ нар. пѣсенъ	10.000	„
94. Бесѣды о современныхъ событіяхъ	20.000	„
95. Литература „Народной Воли"	1.500	„
96. Обуховъ. Не въ моготу	10.000	„
97. Русско-японская война	10.000	„
98. Прокламація къ войскамъ, распол. въ Финляндіи	4.000	„
99. Проклам. Коваленко	10 000	„
100. Проклам. Матюшенко	20.000	„

Перепечатаны:

101. Ко всему русскому крестьянству	20.000	„
102. Кризисъ и безработица	20.000	„
103. Къ солдатамъ отъ рабочихъ соц.-рев.	20.000	„
104. Эхъ, пора бы, братцы	20.000	„
105. Хитрая Механика	30.000	„
106. Разсказы изъ русской исторіи ч. 2-я	20.000	„
107. Хватило ли бы для всѣхъ земли, если бы ее разверстать правильно	20.000	„
108. Бесѣды о землѣ	20.000	„
109. Разсказы изъ русской истори ч. 1-я	5.000	„
110. Терроръ и массовая борьба	10.000	„
111. Царское правительство и рабочій народъ	10.000	„
112. Воля царская и воля народная	10.000	„
113. Крестьянскіе союзы въ Сициліи	10.000	„
114. Прокламація къ войскамъ, распол. въ Финляндіи	20.000	„
115. Царь и крестьяне (картина съ текстомъ)	20.000	„
116. Какъ смотрятъ соц.-дем. и соц.-револ. на крестьянскій вопросъ	5.000	„

Періодическія изданія.

«Революціонная Россія» №№ 1—76. «Вѣстникъ Русской Революціи» №№ 1—4. «Народное Дѣло» №№ 1—5. «Былое» №№ 3—5. „Земля и Воля" №1.